

ОБЩЕСТВО «НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЕВЕД»

ЦЕНТР КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМОМИ ННГУ им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЕВЕД

Сборник научных статей

В ы п у с к **3**

Нижний Новгород
2017

УДК 908 (470, 341)
ББК 63.3 (2Рос – 4НН)
Н60

Редакционная коллегия:
И.Г. Горностаева, С.М. Ледров
Ф.А. Селезнев (составитель, научный редактор),
А.А. Сорокин (ответственный секретарь)

Рецензент
д. и. н., профессор, заведующий кафедрой
истории государства и права РАНХиГС *А.А. Халин*

Нижегородский краевед: сборник научных статей. Выпуск 3 /
Н60 сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. – Нижний Новгород: Центр краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. – 256 с.

КУДР"; 9: /7/; 3548/636/7

В сборнике представлены статьи, посвященные истории Нижегородского края с древнейших времен до XX в., а также публикации исторических документов и воспоминаний.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, краеведов, экскурсоводов.

УДК 908 (470, 341)
ББК 63.3 (2Рос – 4НН)

© Общество «Нижегородский краевед», 2017
© Центр краеведческих исследований
ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017
© Авторы статей, 2017

КУДР"; 9: /7/; 3548/636/7

Третий выпуск «Нижегородского краеведа» выходит в год столетия свержения самодержавия и провозглашения советской власти в России. Поэтому мы решили открыть сборник статьями, посвященными эпохе, начало которой положили революционные события 1917 года. Гвоздем сборника является очерк В.А. Никонова о пребывании в Нижнем Новгороде в 1919–1920 гг. его легендарного деда В.М. Молотова. Автор – сам известный политик, депутат Государственной думы РФ и одновременно – профессиональный историк, доктор наук. К тому же прекрасно владеет пером.

Главное внимание в публикуемых материалах уделено особенностям становления советской власти в Нижегородской губернии, которые свидетельствуют, что переход к новому режиму представлял собой трудный и отнюдь не однолетний этап в истории нашей страны.

Редакционная коллегия всегда стремится к тому, чтобы в сборнике освещалась история не только Нижнего Новгорода, но и других городов и весей области. Вот и на сей раз мы публикуем статьи о прошлом Балахны, Богородского, Навашинского и Спасского районов, посвященные их археологическому прошлому, развитию монастырского хозяйства и отдельных отраслей местной промышленности.

Нашими авторами подготовлены три публикации биографического характера. В них рассказывается о взаимоотношениях П.И. Мельникова-Печерского с историком старобрядчества Н.И. Субботиным, о крепостном архитекторе князя Грузинского Бумажникове, о родословной помещиков Сушовых.

По-прежнему важной задачей редколлегия считает издание источников. Мы продолжаем публикацию воспоминаний историка А.Я. Садовского, вызвавших большой интерес у читателей. В этом тексте, любезно предоставленном В.В. Митрофановым, масса описанных живым языком деталей и сюжетов из жизни нижегородцев XIX века. Существенно обогатят наши знания о А.Я. Садовском, как о председателе Археолого-этнологической комиссии и общественном деятеле, документы о его борьбе за со-

хранение исторических названий улиц Нижнего Новгорода в 1923 году.

Кроме того, в сборнике впервые публикуется рукопись выдающегося нижегородского историка А.В. Седова (1924–2010) о губернском приказе общественного призрения. Это часть большого текста по истории нижегородских банков, над которым Андрей Васильевич работал в последние годы жизни.

Отдельный раздел сборника составляют материалы, освещающие деятельность общества «Нижегородский краевед» в 2016 г. (отчет правления, тематика краеведческих чтений, итоги конкурса «Лучшая книга по истории и культуре Нижегородского края»). Традиционно мы публикуем список новых книг по истории региона, подготовленный отделом краеведческой литературы Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки.

Надеемся, что сборник «Нижегородский краевед» будет полезен как представителям сообщества профессиональных историков, так и любителям местной старины.

Редакционная коллегия

К СТОЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Молотов в Нижнем Новгороде

В.А. Никонов

Он родился при Александре III и умер при Михаиле Горбачеве. Он прожил 96 лет. Огромную жизнь, которая вынесла его из вятской глубинки к самым вершинам мировой политики и опустила в омут опалы. Не раз ему удавалось пройти по лезвию бритвы, балансируя между жизнью и смертью. Секретарь ЦК в 31 год, член Политбюро – в 36, премьер-министр Советского Союза – в сорок, он оказался одним из немногих, кто уцелел из ленинской команды.

Это – мой дед Вячеслав Михайлович Молотов. И для меня он, в первую очередь, именно дед.

Я любил и люблю его. Как иначе относиться к человеку, который нянчил тебя на руках, открывал глаза на мир. Который учил, заботился, переживал. Которому я обязан жизнью и не только потому, что на четверть состою из его генов. Когда я в трехлетнем возрасте сорвался в Крыму с мостков в море, он нырнул и достал меня с глубины, откачал... Умный, убежденный, несгибаемый, организованный, начитанный, знающий все и обо всем – о таком деде можно было только мечтать.

В зрелые годы я смотрел на деда не просто как на родного человека, но и как на крупную фигуру в большой истории, которую вряд ли можно оценивать житейскими мерками, современными представлениями. Я не считаю все им сделанное и сказанное правильным. Но, право, не я ему судья. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие» [1, с. 41], – писал Пушкин, прадед которого был сподвижником Петра I, человека, вызывавшего в XIX в. не меньше вопросов, нежели сейчас Ленин или Сталин – начальники Молотова.

Году в 1975-м возникла у нас с отцом – Алексеем Дмитриевичем Никоновым, тоже доктором наук – идея подвигнуть деда надиктовать свои воспоминания на магнитофон. Уламывали мы его долго, приводя все мыслимые аргументы. Наконец он согласился. Напряглись и купили чудо отечественного электронного машиностроения – кассетный

магнитофон «Весна». Привезли деду на дачу в подмосковную Жуковку, поставили перед ним микрофон. Он довольно бодро, хотя и заметно волнуясь, минут пятнадцать рассказывал о том, как Ленин в 1919 г. приезжал на вокзал, чтобы проводить Надежду Крупскую, вместе с Молотовым отбывавшую в Нижний Новгород, где их ждал агитпароход «Красная заря», которым командовал дед (этот рассказ оказался не только первым, но и последним, магнитофон остался пылиться в его маленьком кабинете, который был одновременно и спальней).

Это была инициатива Ленина. После того, как войска чехословаков и Колчака были отброшены за Волгу и за Урал, в очищенных от белых территориях устанавливалась большевистская власть. Дело шло трудно, наталкиваясь на неорганизованность местных органов, пассивное или активное сопротивление в конце дезориентированного местного населения. Было решено назначить уполномоченного РКП(б) и ВЦИК по работе в Поволжье, который должен был на корабле пройти по Волге и Каме, агитируя там за советские порядки, а где надо – утверждать их. Таким уполномоченным и политкомиссаром агитпарохода «Красная Звезда» и был назначен Молотов.

«Это был огромный край, колоссальная территория с многомиллионным населением, пролетарским и крестьянским, которым надо было управлять. И управлять политически разумно и революционно крепко, – писал «И. Батрак» о целях экспедиции. – А для этого нужно было провести организацию власти, создать ее, где не имеется, а там, где уже есть, «причесать», как любил говорить Вячеслав Михайлович, «причесать по-ильичевски», добавлял он. Нужно было ликвидировать бродячие шайки белых, пытавшихся соединиться в отряды; обеспечить хлебом рабочие центры и Красную армию; внедрить в сознание крестьян необходимость подготовки сева на их разоренной колчаковцами земле; разъяснить рабочим, что без усиленного, упорного труда не восстановить разрушенную врагами промышленность» [2, л. 215–216].

Пока пароход, в дореволюционном девичестве носивший название «Антон Чехов» и предназначавшийся для волжских прогулок царской семьи, готовился в путь в одном из нижегородских затонов, Молотов отъехал в Киев. Там под украинским солнцем он намеревался немного прийти в себя после тифа, которым заболел в Питере. Остановившись у своего товарища по Политеху и «Правде» Лебедева, дед с помощью почты и телеграфа подбирал кадры для агитпарохода, решал вопросы материально-технического снабжения, подбирал сотрудников, кинокартины и наглядную агитацию, отправлял в Нижний экспонаты для промышленной и сельскохозяйственной выставок, кинопроекторное и радиотрансляционное оборудование. В трюме парохода заго-

товили большое количество агитационно-пропагандистской литературы: книг, брошюр, готовых библиотечек. Была организована и военизированная охрана.

Ленин проявлял настолько большую заинтересованность в успехе экспедиции, что лично принимал участие в подборе ее участников. Более того, он решил делегировать на Волгу самое дорогое – собственную супругу, которая стала представителем наркомата просвещения на пароходе. Правда есть мнение, что Крупская сама решила на время сбежать от мужа. Как бы там ни было, участие жены Ленина в миссии «Красной звезды» оказалось весьма полезным для биографов Молотова. Надежда Константиновна оставила дневниковые записки и воспоминания.

К сожалению, еще один человек, которого Ленин лично уговаривал отправиться на Волгу, не поехал (Максим Горький). Сохранилось свидетельство на этот счет в письме старого большевика В.Н. Шульгина на имя Сталина: «Владимир Ильич предлагал ему поехать на пароходе “Красная Звезда” вместе с Надеждой Константиновной и Вячеславом Михайловичем Молотовым... Пароход шел по следам отступавших белогвардейцев. Вид этой борьбы, не прикрытой ничем, должен был помочь Горькому окончательно продумать и решить, с кем он» [3, с. 684–685]. Сам Ленин сообщал Крупской, что видел Горького, «убеждал его поехать на вашем пароходе, но Горький категорически отказался» [4, с. 374]. Именно после этого отказа Ленин стал упорно настаивать на отъезде Горького, по-прежнему отзывавшегося о большевиках не очень лестно, за границу.

Остальной агитсостав Молотов формировал сам с помощью наркоматов, каждый из которых делегировал своих представителей. При подготовке и проведении экспедиции дед проявил фантастический педантизм. Он лично написал детальнейшие инструкции (сохранившиеся в архиве) всем участникам процесса: самому себе, коменданту, помощнику коменданта, заведующим пароходно-технической частью, книжным складом, хозяйством, информационно-справочным столом. Кроме того, были специальные инструкции по внутреннему распорядку и по счетоводству. С каждым из будущих коллег, включая краснофлотцев и охрану, Молотов проводил собеседования и инструктаж.

Был назначен день отъезда, и вся команда спешно начала готовиться в дорогу. 25 июня 1919 г. за подписями и.о. председателя ВЦИК Серебрякова и секретаря ВЦИК Енукидзе Молотов получил мандат, удостоверяющий его «право инструктировать, производить ревизии всех местных Советов и учреждений и принимать соответствующие меры совместно с местными высшими Советскими органами власти.

Все учреждения и организациям РСФСР предлагается оказывать тов. Молотову всяческое содействие при исполнении возложенных на него поручений» [5, л. 5]. Через день Центральный комитет РКП (мандат подписала Стасова) уполномочил Молотова «инструктировать и производить ревизии всех местных партийных организаций... где это будет им признано необходимым» [5, л. 6].

Светлым вечером 27 июня отъезжали. «И. Батрак» оставил зарисовку:

«На Курском вокзале, обычная в годы гражданской войны, происходила суматоха. Шумели и толкались с винтовками за плечами красноармейцы, лезли напролом мешочники, носильщиков почти не было. Поэтому отъезжавшие на пароходе во главе с тов. Молотовым сами таскали и грузили свои вещи. За суматохой даже не заметили, как на перроне появился Владимир Ильич. Его первая заметила Надежда Константиновна. Подошла к нему, и стали разговаривать. Ильич с улыбкой поглядывал на хлопотно у вагона отъезжавших москвичей.

Вскоре и посторонняя публика заметила Владимира Ильича. Среди нее начался шепот, потом вполголоса, наконец, вокруг Владимира Ильича образовался полукруг из посторонней публики. В это время к Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне подошел тов. Молотов, поздоровался с Ильичем и вступил с ним в беседу. Публика с жадным любопытством всматривалась в трех необычных на вокзале собеседников.

Заметив это, Владимир Ильич чуть-чуть насупился, как-то подтянулся и его фигура точно вросла и стала строже. Переутомленный до крайности напряженной работой, с желтым и осунувшимся лицом, он выглядел несколько усталым. Только живые и пронизательные глаза, сверкавшие глубоким умом и какой-то особой ильичевской насмешкой – то ласково-добродушной, то огненно-испепеляющей, казалось, никогда не знали утомления и зорко подмечали, что делается вокруг.

Почти напротив Ильича бородатый носильщик, дядя лет сорока пяти, опустил на землю два тяжелых чемодана, которые он тащил, поставил свои длинные жилистые руки и впился глазами в Ильича.

Время было тревожное. С Ильичем не было никакой стражи. И отъезжавшие начали беспокоиться за Владимира Ильича.

Наконец, колокол ударил к отходу поезда. Стали подходить прощаться с Владимиром Ильичем. Ильич не говорил: “Будьте счастливы” или “счастливого пути”. Нет, он пожимал довольно крепко руку и бросал, улыбаясь: “Работайте лучше. Помните – хлеб – Москве”.

Поезд тронулся. Отъезжающие, уже собравшись в вагоне, машут шапками, руками, кричат: “Ура”, “Да здравствует Владимир Ильич”.

Кто-то запеваёт «Интернационал», его подхватывает Молотов, дрожащим голосом подпеваёт Надежда Константиновна. Песня сливается с грохотом поезда и стуком колес на стыках рельс.

– Мужичков – не забудьте образумить, – сказал как бы в заключение Владимир Ильич, и, махнув рукой отъезжающим, быстро направился к выходу, где его ждал автомобиль» [2, л. 219–220].

Без всякой просьбы со стороны Молотова Ленин достал блокнот с бланками председателя Совнаркома и от руки выписал ему удостоверение:

«Податель сего – лично мне известный старый партийный работник тов. Молотов, уполномоченный ВЦИК на литературно-инструкторском пароходе «Красная Звезда». Прошу все власти и учреждения оказывать ему всяческое содействие, и по возможности не передавать военные сообщения, давать ему прямой провод.

Пр. СНК В. Ульянов (Ленин)» [5, л. 16].

Эту записку дед хранил у себя.

Выехали в семь вечера. Проводник попался душевный, разговорчивый. Исправно снабжал кипятком и берег литературу от покушавшихся на нее пассажиров. На каждой станции толпы с мешками, с криком и шумом пробивались в вагоны. Лезли на крыши, над головой топот ног. Особенно велика толпа была во Владимире.

К вечеру следующего дня добрались до Нижнего. Крупская пишет в дневнике: «Водворились, наконец, на «Красной Звезде» (бывший «Антон Чехов»). Рядом стоит баржа, окрашенная в ярко-красный цвет и украшенная рисунками. Эта баржа пойдет с нами: на ней будет кинематограф, книжный склад и магазин, электрическая выставка. «На «Красной звезде» – радио и типография, в пути будет выходить газета. В Доскинском затоне, где стоит наш пароход, тучи комаров, но местность прекрасная. Ока, гористый, покрытый лесом берег» [6, с. 731]. Политком Молотов обосновался в двухместной каюте № 1, полагаю – царской. Инструктор наркомпроса Крупская – в одноместной № 7. Всего на корабле проживало 37 ответственных и технических работников, на барже – еще 20.

Естественно, на месте выяснилось, что к отплытию готово далеко не все, и несколько дней придется еще пробыть в городе. Гостеприимным хозяином выступал председатель Нижегородского губкома и губисполкома Лазарь Каганович, с которым дед тогда впервые познакомился. С начала гражданской войны Каганович стал комиссаром организационно-агитационного отдела Всероссийской коллегии по организации Красной армии, а весной 1919 года был отправлен руководить Нижним.

Утром следующего дня – 29 июня – Молотов с корабельной бригадой отправились в Нижегородский кремль, где во Дворце Свободы проходило губернское совещание ответственных работников. Еле прошли – красноармейская охрана Кремля не подозревала о существовании каких-то ВЦИК или ЦК РКП(б) с их мандатами. Доклад о задачах партактива в свете решений VIII съезда делал Каганович. Наибольшие недоумения и споры вызвал вопрос об остановке атаки на крестьянство. Молотов, представленный как инструктор ВЦИК, взял слово и указал на «неправильность точки зрения некоторых выступавших товарищей об изменении курса нашей внутренней политики, о комитетах бедноты и среднем крестьянстве. Здесь нет поворота, который некоторые товарищи констатируют и очень ошибочно. Здесь расширение социальной базы. В то время, когда для нас становится ясно, что социальная революция на Западе, по примеру Германии и Австрии, пойдет более медленным темпом, чем у нас в России, наше выжидательное положение должно быть построено на прочном базисе, каким является среднее крестьянство, в интересах которого должны проходить все наши мероприятия» [7, л. 4]. То есть, пока мировая революция запаздывает, надо закреплять свои позиции внутри страны, а это невозможно без создания социальной опоры в деревне. Посидели на собрании около часу и поехали в Сормово, где провели в «приемные комнаты», напоили чаем и накормили картошкой. Потом тысячный митинг в Народном доме, никаких ядовитых вопросов, всеобщий энтузиазм, рассказы о зверствах белых и дружное пение Интернационала.

За ту неделю, что корабль стоял в Нижнем, Молотов успел встретиться с представителями всех государственных и партийных органов, выступить на общегородском митинге и принять участие в заседании губкома, где обсуждался вопрос о введении военного положения в губернии.

Маршрут «Красной звезды» намечался такой: сначала по Волге до Казани, потом – вверх по Каме, насколько это позволят навигация и военные действия, а осенью вернуться и спуститься вниз по Волге вплоть до линии фронта. Отчалили 6 июля. Плыли ночью, а днем оставались на очередной пристани, будь то город, село, завод или посад.

Поскольку для всех посещаемых мест, особенно небольших, не избалованных развлечениями, агитпароход был совершенной экзотикой, а его приход – ярчайшим событием, аншлаг был обеспечен. На пароходе и, особенно, на прицепленной за ним барже, где показывали кино и продавали книжки, перебивали чуть ли не все жители посещавшихся мест. Приходили в одиночку и целыми компаниями, парни

приглашали девушек, в организованном порядке приводились солдаты. Везде митинги, беседы, обязательные встречи с местным начальством, ревизии и инструктаж в госорганах. Дед составлял детальные графики работы на каждый день, которые неуклонно выполнялись. Как вспоминала Крупская, «перед каждой остановкой т. Молотов собирал нас, работников «Красной звезды» и мы тщательно обсуждали план выступлений, план той организационной работы, которую надо провести. Потом собирались после остановки и подводили итоги. Такая организация работы давала очень много» [8, с. 59].

Не знаю, насколько народу были интересны детали Версальского мира (полагаю, в те времена любая информация вызывала интерес), но картину мироздания и происходящего из выступлений деда и других агитаторов «Красной звезды» представала достаточно целостной, доступной и убедительной. Митинги проходили на удивление мирно. Да, люди были недовольны ценами и спекуляцией. Привилегиями совслужащих, которые «в столовой едят, да еще к себе ведрами носят щи да кашу, да еще всякое в узелках» (Сормово). Запретами на кустарные промыслы, изготовление бус или даже на производство рыболовных крючков, чтобы не отнимать металл у фабрик и заводов (Васильсурск). В одном городе на Каме крестьяне подали на пароход протест с сотнями подписей против такого нововведения, как детские сады: в них видели средство забрать детей из семей, чтобы записать в солдаты. Но в целом, как замечала Крупская, «обычно встречали очень горячо» [8, с. 63].

Важнейшую причину позитивного отношения к агитаторам из центра Крупская видела в том, что они были не так плохи по контрасту с прошедшими по тем краям белыми. «До нашествия белых, по словам самих же коммунистов, царила «исполкомовщина, была масса расстрелов, и население не сочувствовало красным... Повидали белых и возненавидели их», – это из ее дневника. Другая причина терпимодружественного отношения к партийным агитаторам заключалась в том, что те люди, от которых можно было ожидать оппозиционных настроений – «буржуазия» и интеллигенция – по большей части покинула занятые красными местности, уйдя с Колчаком. А кто из «бывших» остался – на большевистские митинги не ходили.

Наиболее серьезной проблемой для деда, полагаю, было присутствие на борту Надежды Константиновны. «У меня от постоянных выступлений взбесилось сердце, ноги распухли и покрылись экземой, приходилось отлеживаться» [8, с. 65]. От политкома парохода требовалось немало дополнительных усилий, чтобы обеспечить необходимый медицинский уход, и нервной энергии, чтобы нести персональную ответственность за жизнь и здоровье жены вождя. Если цель ее путеше-

ствия на Волгу заключалась в том, чтобы заставить Ленина обратить на себя большее внимание, то замысел явно удался. Он вдруг проявил к своей жене непривычно большой интерес, засыпал ее посланиями, а начальника корабля – вопросами. Все это вошло в полное собрание сочинений Ленина.

Составление посланий в адрес председателя Совнаркома было для деда, полагаю, весьма мучительным занятием. Это видно из черновики его телеграмм Ленину с обилием исправлений, зачеркиваний и вставок.

Ленин не был уверен, что условия для здоровья жены улучшатся, и настоял, чтобы Крестинский, возвращавшийся в Москву из Екатеринбургa через Пермь, взял Крупскую с собой. Крестинский отыскал Молотова и Крупскую прямо на красноармейском митинге в Перми и увез Надежду Константиновну в столицу. Дед, думаю, вздохнул с некоторым облегчением.

Впрочем, очевидно, что контакт с «семьей» вождя сыграл роль в последующем карьерном росте Молотова. Он имел возможность напомнить Ленину о своем существовании. А Крупская по возвращении в Москву, уверен, сказала мужу несколько добрых слов о своем корабельном начальнике. «Мне эта поездка дала страшно много, – вспоминала она. – После поездки мне было что рассказать Ильичу, и с каким громадным интересом он слушал, как он не оставлял без внимания ни одной мелочи» [9, с. 424]. Дед говорил, что Ленин высоко оценил результаты его корабельных трудов.

В описании маршрута заключительного этапа плавания возле названия каждого населенного пункта стоит примечание: «Продовольственная остановка». Было решено погрузить на баржу – для Москвы – около пяти тысяч пудов хлеба. «И. Батрак» не оставил без внимания героический трудовой порыв, которым были охвачены пассажиры «Красной звезды» при загрузке баржи: «Работали все. Женщины не хотели отставать от мужчин, и одна из них, как заправский крючник, таскала на себе мешки по четыре с половиной пуда, раза два или три уронила, но все же не хотела сдаваться. Тов. Молотов шутя сказал:

– Мало иметь только широкую спину. Надо еще иметь силу, ловкость и выдержку, – и принялся за работу.

Он таскал по два мешка на спине весом около девяти пудов, соперничая с лучшими силачами. Переносили мешки по узенькому трапу и крутой лесенке в трюм. Кое-кто из работников не выдержал этой тяжелой физической работы. Один товарищ даже захворал и слег в постель. Но тов. Молотов работал как ни в чем не бывало,

пока не закончили погрузки. Это был настоящий коммунистический субботник» [2, л. 227–228].

Агитпароход «Красная Звезда» завершил свою миссию, встав на якорь в Нижнем Новгороде 20 октября 1919 г. Дед, как водится, подготовил подробный отчет о проделанной работе, в котором было все, вплоть до количества людей, охваченных различными мероприятиями. Пароход совершил 63 остановки, его актив работал в 95 населенных пунктах, где обследовал 75 советских организаций и 71 партийную. Содержательные выводы Молотов записывал на отдельные листочки, на которых стояла пометка «Для центра». Что же из увиденного и услышанного деду показалось наиболее значимым и к каким заключениям он пришел? Постараюсь систематизировать некоторые из разобранных по различным запискам мысли.

«Центральные органы власти плохо руководят местами – не чувствуется “руки” центра власти, настаивающей на проведении тех или иных декретов и постановлений и контролирующей проведение их в жизнь».

«Губернские центры более бюрократичные и часто хуже, чем уездные, которые и заняты практическим делом, являясь живым телом СовРоссии».

«Взаимоотношения губернских и городских Советов – пестрые и запутанные».

«Практические отделы (особенно коммунального хозяйства, соцобез и др.) работают плохо. Раньше на первом месте стояли политические и боевые задачи».

«Нужно поощрять наиболее важные отрасли советской работы повышением соответствующих ставок (например, инструкторов)».

«СНХ – в губернских уже наметился тип организации, в уездах – нет.

а) Разбухание губернских СНХ, но теперь сокращаются.

Малое понимание значения и организации СНХ.

Бюрократизм и оторванность.

б) Производство: от регулирования переходят к управлению (создаются управления). Раньше занимались только ближайшими по месту предприятиями. Нет учета предприятий ни в одной губернии. Производственные программы в губерниях имеются, но не учитывают всей промышленности. Учет производительности труда отсутствует везде».

«Финансы – одна из самых неорганизованных областей советской работы. Штаты, состав работников крайне различны. Полное отсутствие связей губерний с уездами. Задержки в отпуске средств происходят обыкновенно не в финотделе, а в самих отделах. Колоссаль-

ный рост расходов: в Саратове в месяц с 300 млн. руб. дошел до 1 миллиарда руб. Косвенные налоги редко передаются финотделам. Поземельный, подоходный налоги – стремление к уравнительности. Натуральный налог почти нигде не поступает. Налоги не поступают главным образом потому, что плохо работает фискальный аппарат».

«В земельном деле всюду отсутствует коммунистическая линия. В землеустройстве нет указаний центра. В области агрокультуры есть указания центра, но бездействуют места. Всюду трения между совхозами и земотделами. Коммуны раньше поощрялись, теперь меньше. Мало коммунистических работников. Слабо идет коллективизация в сельском хозяйстве».

«Военные. Функции разграничены и четко, работают хорошо. Формирования ближе к фронту лучше».

«Отделы труда – пасынки советского аппарата. Учет рабочей силы идет плохо... нередко специалисты сидят на неспециальной работе. Похожи на биржи труда... Охрана труда и инспекции плохи... Союзов работников земли, кроме Саратова, нет».

«На Каме профсоюзы организованы плохо (где есть пролетариат, там союзы организуют отделы труда и наоборот). В профсоюзах мало ведется партийная работа (в верхах профсоюзов нет партийных товарищей и ячеек). Лучше в Саратовской губернии. Никакого ин- структирования профсоюзов нет. Связь с уездами отсутствует. Оторваны губернии от уездов больше, чем центр от губерний».

«Соцобез... Обследование материального положения граждан ведется несколькими органами (военные, продовольственные, финансовые, соцобез). Нужно объединить эту работу, экономить людей и средства. Сведения о мобилизованных, обследованных и назначенных к пайку – не верны».

«Постоянные разногласия между данными соцобеза и военкомата о пайке».

«Просвещение. – Держится на некоторых живых силах. Учительский состав слаб. У них нет никаких новых книг. Нет общения с населением... Внешкольное образование слабо – не улавливают новых веяний в центре и нет своей инициативы».

«Союзы коммунистической молодежи должны быть непосредственно связаны с партией» [10, л. 11, 15 – 17 об].

Подход Молотова технократичен. Проблемы – в отсутствии инструкций из центра, системы связи с местами, слабости учета и контроля, организационной неразберихе. Такой взгляд во многом отражал управленческий стиль деда – деполитизированный, нацеленный на ре-

шение поставленных партией задач через оптимизацию работы аппарата. Впрочем, советский и партийный аппарат еще предстояло создать.

Этим дед займется чуть позже на посту секретаря ЦК. А осенью 1919 г. ему пришлось взяться за дело чуть более прозаичное. В ЦК решили, что Молотову следует остаться в Нижнем Новгороде в качестве председателя губисполкома и члена бюро губкома РКП(б), чтобы сместить Кагановича, откомандированного руководить в Воронеж.

Дед занял новый пост в один из критических для большевистской власти моментов. В ноябре Добровольческая армия, двигаясь на север, заняла Орел и вступила в Тульскую губернию. На Северо-Западе вновь активизировался Юденич. Ленин считал, что спасти Питер можно только ценой переброски сил с Юга, а это было немислимо. По свидетельству Троцкого, ему вместе с Крестинским и Сталиным стоило огромных трудов уговорить Ильича не сдавать Петроград.

Наступила еще одна голодная зима. В Нижнем было не так голодно, как в северной столице, но тоже тяжело. Выработка промышленной продукции в Нижегородской губернии упало до 15 % от уровня 1913 г., и почти все предприятия работали на оборону. Посевные площади сократились с 1,2 млн десятин до 850 тыс. Для борьбы с Деникиным шли массовые партийные мобилизации и вербовка добровольцев на фронт [11, с. 124, 127].

Деду в Нижнем Новгороде выделили апартаменты – комнату с прихожей. Как рассказывал его большой друг с того времени – писатель Сергей Малашкин – комнату отмечало отсутствие какой-либо мебели, кроме кровати. Губисполком размещался в Кремле, в бывшей резиденции губернатора, переименованной во Дворец Свободы.

Нельзя сказать, что местное начальство встретило Молотова с распростертыми объятиями. Скорее, наоборот. Через год дед поделится своими ощущениями с Анастасом Микояном, который поедет сменять его в Нижнем:

«Там крупная партийная организация, – рассказывал Молотов, – в основном состоящая из рабочих. Почти все члены губкома – дореволюционные коммунисты, тоже из рабочих. Но обстановка сложная, резко проявляются местнические настроения: работников из других губерний принимать не желают. Среди партийцев немало случаев морального разложения, злоупотребления спиртными напитками, несмотря на “сухой закон”» [12, с. 169]. Еще более откровенно о противоречиях деда с местными руководителями повествует «И. Батрак»: «Чтоб судить, в какую он попал обстановку, следует рассказать хотя бы следующий случай. Один из ответственных работников губвоенкомата, коммунист задумал жениться. А так как его невеста была особа

церковно-нравственная и считала гражданский брак непрочным, то он устроил торжественное венчание в Нижегородском Кремлевском Соборе на показ всему городу. Свадебный кортеж – шафера и шаферицы жениха и невесты – разместился в нескольких автомобилях. Вышло весьма торжественно, только не по-советски. Получился огромнейший скандал.

Это было до приезда тов. Молотова в Нижний.

Хотя подобных событий больше не было, но мешанская обстановка, породившая этот случай, обволакивала, как плесень, быт коммунистов, отравляя и разлагая их. Событьишничество, кумовство были в полном ходу.

Понятно, как должны были встретить тов. Молотова, человека свободного от местных традиций. Сперва к нему присматривались в надежде, что он превратится в «своего человека». Когда почувствовали с первых же шагов его работы, что это напрасные надежды, началась глухая упорная борьба» [2, л. 232].

В таких «товарищеских» условиях Молотов приступил к работе. Его набросок к первому отчету о работе губисполкома дает некоторое представление об основных приоритетах.

«1. Характеристика условий, в которых начал работать губисполком:

а) первые месяцы проходили под знаком усиления белогвардейского наступления на Советскую Россию;

б) в Нижегородской губернии усилились дезертирство и бандитизм – в результате введено было военное положение;

с) контрреволюция не могла укрепиться в Нижнем.

2. Организационные задачи, стоявшие перед губкомом – перевод советских учреждений на боевую ногу: сокращение коллегиальности, штатов, усиление ответственности, работа в сроки.

3. Практические задачи:

а) продовольствие

б) топливо

с) эпидемии (речь шла о тифе. – *В.Н.*)

д) разгрузки

е) трудовые повинности (снеговая)

4. Работа основных отделов ГубИК: общие замечания – неравномерность в работе различных отделов, т. к. приходится преодолевать многие условия, не зависящие от ИК» [13, л. 8].

Основные принципы организации советской работы в губернии дед изложил в обширном докладе «О советском строительстве и привлечении масс к участию в нем», с которым выступил на VIII губерн-

ской партконференции 17 января 1920 г. Доклад был навеян решениями незадолго до того состоявшегося VII Всероссийского съезда Советов, который определил, что советский строй проводит волю трудящихся, постепенно вовлекая население в работу по управлению государством через их участие в формировании и работе советов.

Исходя из этой утопической марксистской идеи, Молотов доказывал, что в перспективе это должно было привести к уничтожению самой государственной машины вместе с ее аппаратом чиновничества. В то же время, проведение единства в работе всех советских органов требовало, чтобы все советы, находящиеся на данной территории, вне зависимости от своего социального состава и производственного характера (крестьянские сельские советы или рабочие фабрично-заводские) были подчинены единому советскому центру данной территории. По докладу Молотова было принято им же написанное и предложенное постановление, в котором, исходя из того, что Россия находилась на положении осажденной мировой контрреволюцией крепости, признавалась необходимость крайнего напряжения всего политического и экономического аппарата:

«ВВЕСТИ БОЕВУЮ СИСТЕМУ РАБОТЫ во всех сов. отделах, применяя ее, как для быстроты принятия решений, так и для быстроты и точности проведения в жизнь, вводя вместе с тем принцип строгой ответственности за выполнение порученного дела по отношению ко всем советским работникам.

Проводить в жизнь во всех практических органах советов сокращение коллегиальности».

В то же время Молотов считал необходимым обратить особое внимание на привлечение трудовых масс и, прежде всего, членов партии к систематическому участию как в деле контроля над советскими органами, так и в самой работе этих органов. В этих целях по его предложению конференция признала необходимым:

«1. СОЗЫВ БЕСПАРТИЙНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ (волостных, уездных и т. д.), на которых делаются доклады по различным отраслям советской работы.

2. Привлечение к фактическому УЧАСТИЮ В ВЫБОРАХ В СОВЕТЫ БОЛЕЕ ОТСТАЛЫХ и менее организованных трудящихся (в особенности в промышленных местностях), напр., женщин-рабочих, домашней прислуги, а также трудовой интеллигенции и т. д. ...

4. ОРГАНИЗАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ КУРСОВ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ крестьян, крестьянок, рабочих и работниц разного рода советской работе и включение некоторого числа слушателей из их среды в организуемые сов. учреждениями курсы, школы и т. д. ...

6. Привлекать широкие слои рабочих и крестьян к ВЫПОЛНЕНИЮ ПРОСТЕЙШИХ РАБОТ ПО УПРАВЛЕНИЮ, к каковым относятся проведение в жизнь различных видов трудовой повинности, милиция в городах и селах, охрана складов и зданий, производство обысков и т. д.

7. Привлекать их через соответствующие учреждения к РАБОТАМ ПО РАЗЛИЧНОГО РОДА УЧЕТУ, КОНТРОЛЮ, ИНСПЕКЦИЙ В ОСОБЕННОСТИ ВО ВРЕМЯ проведения тех или иных полит. КАМПАНИЙ, «дней», «недель» и т. п. (Сюда относятся мобилизация грамотных для обучения неграмотных, обследование складов, проверка продовольственных карточек, проверка пайка, проверка выдачи ордеров, учет и контроль советских служащих и т.д.)» [7, л. 8–11].

Ленинский курс на привлечение кухарок к управлению государством (см. п. 2) провозглашался четко и масштабно.

Впрочем, жизнь заставляла заниматься не столько прекрасными планами привлечения всех трудящихся к управлению, сколько делом же названными практическими вопросами.

Изыятие зерна по продразверстке было осуществлено в еще больших масштабах, чем это удалось сделать продотрядам. В январской статье о перевыборах советов в губернии Молотов писал: «Проведение общегубернской организационной реализации урожая в этом году осуществлялось гораздо шире и настойчивее. Здесь от сельского населения губернии требовалось значительно больше, чем ранее, сознание настоящего положения всей Советской Республики, а в частности, положения Нижегородской губернии, чтобы выполнить задания продовольственных органов. Нужно только вспомнить, что уже прошедшие месяцы хлебной кампании дали больше, чем вся прошлая хлебная кампания в целом, чтобы уяснить рост требований к земледельческому населению за это время. К тому же порядок авансовой разверстки по десятинам затронул не только вполне обеспеченные хлебом слои, но и тех, кому в будущем продовольственные органы сами должны будут оказать продовольственную помощь.

Ясно, что трудности продовольственного положения должны сказаться при перевыборах Советов» [14, 25 янв.].

Тяжелым бременем на население, в первую голову – тех же крестьян, ложились и повинности, связанные с заготовкой топлива. «Мы перешли в силу необходимости к широкому применению трудовой и гужевой повинности, – писал Молотов. – В местах заготовок и перевозок дров, что захватывает большинство уездов Нижегородской губернии, требование на рабочую силу и перевозочные средства могли быть удовлетворены только в порядке повинности. Сезонность работы не

давала отсрочки. И несомненно, что требования топливных органов были существенными для многих и многих крестьянских хозяйств нашей губернии» [15, л. 10–11].

Трудовая и иные повинности широко применялись и для решения других хозяйственных задач. В акватории Нижегородского порта зимовало множество судов с грузами в трюмах, которые некому было разгружать. В самый канун 1920 г. дед подписал соответствующее постановление. Всем хозяевам грузов было приказано представить в комиссию исполкома по разгрузке информацию об этих грузах, а учреждениям и организациям, располагавшим рабсилой и транспортными средствами – безотлагательно их предоставлять по требованию комиссии. «Всех лиц, нарушивших или не исполнивших настоящее обязательное постановление, комиссия по разгрузке судов имеет право привлекать к ответственности в административном порядке по постановлению губчека» [14, 6 янв.] – гласил заключительный пункт постановления.

Молотов выступил во главе движения по организации субботников. В специальном обращении от 24 января он фактически объявил обязательным участие в них сотрудников подведомственных ему советских органов. «Ко всем трудностям и недостатку топлива прибавились снежные заносы... Президиум губисполкома призывает 25 января, в свободный от занятий день, принять участие в работе по расчистке путей от снежных заносов. Пусть каждое советское учреждение и его сотрудники сочтут это своей первичной обязанностью. Являться к 10 часам утра на Московский вокзал» [16, с. 229–230]. В феврале Губком РКП(б) последовал примеру, объявив обязательным участие в субботниках коммунистов. В то время советские органы на местах еще обладали большим авторитетом и полномочиями, чем партийные.

Впрочем, функции их были слабо разделены. Именно Молотов делал организационный доклад на VIII губернской партийной конференции, рассказав о принятом в декабре 1919 г. первом послереволюционном Уставе РКП(б) и задачах в связи с этим Нижегородской парторганизации.

К концу зимы ситуация для большевиков, как казалось, стала поправляться. Западные страны, недовольные отсутствием военных успехов белых и разложением собственных войск под воздействием большевистской пропаганды, начали эвакуировать свои части. В феврале 1920 г. Колчак был расстрелян иркутским ревкомом, более 70 тыс. чехословаков потянулись из Владивостока на родину. Оставалось справиться с японцами и остатками белой гвардии, отступившей в Крым. 22 февраля на губернской беспартийной конференции Молотов

не без удовольствия констатировал: «Успехи, достигнутые Красной Армией, сводятся к полному уничтожению армии Юденича; на юге не только овладели побережьем Азовского моря, но занимается северный берег Черного моря; на восточном фронте наши войска вошли в Иркутскую область и от разбегающейся армии Колчака остаются огромные груды трупов. Советская власть, достигнув прочных побед, признала возможным отказаться от крайних мер и первым практическим выводом побед является отмена смертной казни» [14, 22 февр.]. В связи с военными успехами, как явствовало из выступления, на повестку дня были поставлены вопросы перевода страны на мирные рельсы.

Некоторый спад напряженности в работе позволил Молотову расширить круг общения и занятий. Он начал выступать на заводах – Сормовском, Фельзер, Набгольц, Телефонном – в рабочем поселке на Мызе. В Нижегородской совпартшколе он взялся читать курс лекций об утопическом и научном социализме. Время от времени посещал местный комсомольский клуб.

Появилось время (и необходимость) для более частых поездок в столицу. «В Москве время от времени товарищи удивленно встречали Молотова, как он в ботинках и в летнем плаще шагал по московским улицам в морозные дни, раскрасневшийся и весело улыбающийся. Неоднократно бывал в Кремле, у Ильича, который подробно расспрашивал его о состоянии нижегородской промышленности, сельского хозяйства, о настроениях рабочих и крестьян, и давал ему указания», – замечал «И. Батрак» [2, л. 234]. Поводом для начала встреч, как рассказывал дед, стало ходатайство Ленина за родственника управляющего делами Совнаркома Бонч-Бруевича. Этот родственник, живший в Нижнем, был ведущим специалистом по радиотехнике, участвовал в организации первого губернского съезда радиоинженеров. Ленин лично позвонил Молотову с просьбой помочь в организации опытов и исследований. Пригласил заходить, поговорить о делах. Дед приглашением не пренебрег. Встречи проходили в квартире Ленина в Кремле. Гоняли чай. Беседовали и на производственные темы, и на политические. Весной 1920 г. Ленина заметно волновали дискуссии, развернувшиеся в преддверии IX съезда партии по вопросам о роли профсоюзов и об экономической политике.

Тон в профсоюзной дискуссии задавал Шляпников (он возглавлял отраслевой союз металлистов), доказывавший, что центральное место в управлении производством должно принадлежать отраслевым профсоюзам. Томский – начальник ВЦСПС – считал необходимым усилить роль подведомственной ему организации в противовес единоначалию «буржуазных специалистов» в коллегиальных органах хозяй-

ственного управления. С другой стороны, Рязанов предлагал ограничить сферу компетенции профсоюзов вопросами охраны и тарификации труда. Ленин был против перехода хозяйственного управления в руки профсоюзов и подчеркивал их политико-воспитательное значение («школа коммунизма»). При этом никто из них не выступал против партийного доминирования в профсоюзах, или, как тогда говорили, их огосударствления.

На предсъездовских партийных форумах в губерниях развернулись дебаты. Молотов выступал основным докладчиком на экстренной конференции, созванной в Нижнем за три дня до открытия IX съезда с повесткой дня: «Роль и задачи профессиональных союзов в Советской России». Он осудил все альтернативные платформы, предложив свою формулу, явно согласованную с Лениным. «Констатируя, что фактически профессиональные союзы находятся в процессе огосударствления, нельзя ставить целью коммунистической партии немедленное формальное огосударствление профессиональных союзов, осуществляющих в настоящий период пролетарской революции в качестве особой организации пролетарских масс в гибких формах связь советских государственных органов с широкими массами пролетариата, организованного в союзы... Коммунистическая партия ставит своей целью полное руководство работой профессиональных союзов, без мелочного вмешательства в повседневную практику союзов, осуществляя через партийные фракции союзов, превращение союзов в практические школы коммунизма для самых широких масс пролетариата и полупролетариата...

Профессиональные союзы должны центр тяжести своей работы перенести в хозяйственную область, участвуя в ней как производственные организации и вовлекая массу пролетариата как в дело управления промышленности, так и в дело организации труда, установления трудовой дисциплины и поднятия производительности труда.

Вопрос о форме управления (коллегиальность или единоличие) следует признать вопросом не принципиальным, а чисто практическим.

В целях установления простой и точной организации управления производством, в целях экономии организационных сил и создания компетентного энергичного и твердого руководства, признать вполне допустимым и возможным переход к единоличной форме управления как в отдельных предприятиях, так и во всех практических исполнительных хозяйственных органах... Профессиональные союзы должны включить в свой состав высший технический персонал, создавая для них на деле атмосферу товарищеского труда и отношений и постепенно устраняя те или иные ограничения в правах членов союзов» [14, 26 марта].

С этим тезисами, поддержанными губернской конференцией, Молотов и отправился в Москву на IX съезд, открывшийся в конце марта в Большом театре. В резолюции съезда его мысль о воспитательной роли профсоюзов отражение нашла. Другим острым вопросом на съезде стала экономическая политика, доклад о которой от имени ЦК делал Троцкий. Полагаю, его тезисы – апогей «военного коммунизма», самая левая точка, до которой не дошли даже самые «левые коммунисты». Массовые мобилизации по трудовой повинности должны были «идти по тому же пути, по которому мы шли в создании Красной армии» [17, с. 436, 428].

Съезд закончил работу избранием ЦК из 19 человек, а также 12 кандидатов в члены ЦК, в числе которых оказался и Молотов.

Вернувшись в Нижний, дед поделился своими мыслями о съезде с местными читателями. Как и можно было ожидать от новоиспеченного партийного начальника, его описание было оптимистичным и дипломатично-невнятным: «Не было и не могло быть на съезде коммунистов никаких колебаний по основным задачам момента. Всяческое и скорейшее поднятие трудовой дисциплины, упрощение аппаратов хозяйственного управления до строго делового типа с постепенным переходом от коллегиальности к единоличию в управлении производственными единицами, постепенное приспособление теперешней Красной Армии к хозяйственным запросам Советской Республики путем установления рабоче-крестьянской милиции, перевод и перераспределение всех партийных сил сообразно требованиям хозяйственного строительства – были дружно приняты съездом. Все надежды врагов Коммунистической партии на раскол в ее рядах оказались еще раз ложными» [14, 18 апр.]. Примечательно, однако, что вернувшись со съезда, Молотов занялся не милитаризацией производства и созданием трудармий, а организацией сельхозотдела в исполкоме и коммунистических субботников в губернии. Дошли руки до того, чтобы заняться не только городом, но и сельской местностью.

К апрелю 1920 г. относится первая известная мне статья будущего ваятеля коллективизации Молотова по крестьянской проблематике. Она называлась «Задачи коммунистов в деревне» и в целом отражала установки большевистской политики того времени, в основе которой лежали ставка на середняка и «культурничество». Фактически признав ошибочность разжигания классовой вражды в деревне, партия следовала варианту умеренных марксистских схем в духе Карла Каутского. Советская власть стала проявлять культурную и агрономическую заботу о сельском населении, что входило в задачу наркомата земледелия. Но одновременно, как мы видели выше, шли жесточайшие

реквизиции через аппарат продразверстки Наркомата продовольствия. Статья Молотова отдавала дань наркомземовской тенденции. Вот несколько фрагментов:

«За двадцать с лишком лет существования Коммунистической партии в России, она направляла свое главное внимание на организацию рабочего класса. Ее работа протекала главным образом в городе. Здесь революционное семя бросалось в глухие каморки рабочих, здесь подготавливались первые отряды для борьбы, отсюда выросла сила, разрушившая старый царский строй.

Лишь с большим трудом небольшая часть сил коммунистической партии могла проникнуть в деревню. Перед тем, как войти в крестьянскую избу, нужно было раньше преодолеть столько рогаток и рогатин. Потому-то трудовая деревня невольно отставала от трудового города...

Война, несчастья спаяли и крестьян крепче. В революции дружно выступили вслед за рабочими и крестьяне-солдаты. Создание советской, рабоче-крестьянской власти было достигнуто борьбой, восстанием рабочих и солдат-крестьян.

И все-таки за все эти месяцы революции главные силы революции и коммунистической партии отдавались фронту и городу. А деревня, надо сознаться, получила недостаточно новых сил для нового строительства.

Между тем победа трудящихся может быть достигнута только общей борьбой рабочих и крестьян. Для этого отставший отряд должен подтянуться к передовому. Крестьяне-трудовики должны идти рядом, в ногу с рабочими. Цель должна быть у них одна: уничтожить классы, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином. Сделать так, чтобы крестьянин и рабочий были одна трудовая семья. А паразитов удалить с лица земли.

Для этого нужно много поработать в деревне, среди крестьянства. Работа же здесь требует особенного подхода и большего напряжения сил. Крестьянин-трудовик со всем может согласиться, что должен сказать ему настоящий коммунист. Но чтобы пойти за коммунистом, тот же крестьянин раньше будет искать примеров из жизни, которые подтвердили бы хорошую мысль или правильное слово. Крестьянин, веками привыкший к своему укладу, нерешителен везде, где приходится отступить от этого уклада. Он раньше хочет пощупать, посмотреть обоими глазами со всех сторон и потрогать обеими руками то, что он берет для себя примером.

Нужно понять, что крестьянину больше всяких хороших слов нужно хоть маленькое дело. Он – практик сам и хочет брать для себя образцы из действительной, уже испытанной жизни...

Работа на земле, пользование сельскохозяйственными орудиями, сбор урожая – везде нужно вносить примеры хорошего практического дела.

Постановка школы, устройство избы-читальни, чтения, беседы нужно сделать близким делом всем труженикам в деревне.

Налаживание лечебного дела, помощь семьям красноармейцев, выдача пайка, распределение товаров и так далее – много практического дела для общих усилий, для нужной работы...

Пусть теперь советская власть предъявляет много требований к крестьянину. Ко всем в такой трудный момент должны быть большие требования. Недаром говорится о мирном фронте, о фронте труда.

Крестьянин-труженик поймет и согласится с этими требованиями. Но нужно и другое, нужно, чтобы и крестьянину была оказана поддержка советскими органами. Коммунист в деревне всегда должен об этом помнить.

Теперь нужно навестить прошлое. Теперь нужно побольше сил направить в деревню. Они найдут там добрую почву. По-прежнему сурово бороться с кулаками и спекулянтами в деревне должен каждый коммунист. Еще больше сил и внимания к деревенскому пролетарию. В нем сила нового в деревне.

Середняк-крестьянин тоже пойдет за коммунистом, если и словом и делом, примером и практикой мы добьемся успехов в деревенском строительстве.

Прежние страхи о насильственной коммуне изживаются. Их нужно рассеять окончательно. Жизнь, нужда заставляет крестьянина идти по новому пути. Крестьянин-труженик добровольно пойдет за коммунистом» [15, л. 13–17].

Что же касается субботника, то его проведение 1 мая 1920 г. по всей стране было предусмотрено решением IX съезда РКП(б). Молотов явно решил отличиться, лично возглавив губернскую комиссию по проведению первомайского субботника и предложив провести его не в один, а в два выходных дня. Комиссия выступила с обращением:

«Все труженики, мужчины от 16 до 50 лет, все труженицы, женщины от 18 до 40 лет в дни 1 и 2 мая работают для общего дела трудящихся...

Вопрос – кто враг рабочего класса?

Ответ – тот, кто в дни 1 и 2 мая будут сидеть трутнем дома, будет жалким шалопаем бездельничать на улице...» [16, с. 238].

Дед готовил через советские и хозяйственные органы фронт работ для субботника, сам писал пламенные воззвания к трудящимся.

«Будемте честны и смелы. Будемте смелы потому, что мы должны быть сильны, и сильны теперь больше, чем когда бы то ни было.

Скажем открыто”Мы все еще ползем вниз”.

Мы продолжаем катиться под гору.

Но мы должны остановить это гибельное движение. Мы должны напрячь все силы и повернуться лицом и взором не вниз, куда мы до сих пор вынуждены были смотреть, а вверх, к вершине горы, к выходу, к свету, к солнцу» [14, 1 мая].

Оргмероприятия, агитация и, я полагаю, административный ресурс свое дело сделали. Если в Петрограде на субботник вышло 165 тыс. человек, в Москве – 425 тыс. человек, то в Нижегородской губернии суммарно за два дня – 591 тыс. – больше, чем где бы то ни было. Трудились в основном на своих же рабочих местах по шесть часов. «Гуляющих, праздношатающихся на улицах не было. Все действительно были на работах. Любопытнейшее явление! – писал дед. – В рабочих районах, например, на улицах Канавина мне приходилось при проездах там и тут наблюдать, как усердно пылил, мел и убирал мусор рядовой обыватель из рабочих квартир. Женщины, дети, да и взрослые мужчины, почему-либо не попавшие в число участников субботника, без палки, без принуждения стояли в пыли на улицах, с метлой или лопатой в руках и тоже по-своему участвовали в субботнике» [18, с. 13].

Были отремонтированы 43 паровоза, 34 цистерны, 83 вагона. В 14 бывших «буржуазных» дачах организован детский санаторий, заложены рабочий поселок в Канавино, завод сельскохозяйственных машин. Разгружено и загружено 115 вагонов, вывезено 5897 возов мусора, вымощено камнем 11,4 квадратных саженей улиц, построено 207 новых сельских мостов, а отремонтировано еще 1290, запружено 117 прудов, проведена телеграфная линия на 24,5 версты. Как вы догадываетесь, это отдельные цифры из отчета, подготовленного Молотовым по итогам субботника – воскресника. Отчет заслушивали 5 мая на заседании Губисполкома, где Молотов также выступал с докладом о работе руководимого им Президиума. Губисполком решил, что «вполне одобряет Президиум», констатировал «правильность организационного плана в губернском масштабе» при проведении субботника и признал «чрезвычайно желательным организационно периодических массовых субботников, не реже двух раз в месяц» [13, л. 28]. Тот трудящиеся порадовались...

Опыт организации субботника деду так понравился («мы организовали – и сравнительно недурно – крупнейшее дело, так как

встряхнулись в эти дни не на шутку» [18, с. 19]), что он решил его пропагандировать в масштабе всей страны, выпустив большим тиражом специальный «Первомайский сборник» под собственной редакцией. Один экземпляр он надписал Ленину: «Дорогому учителю и вождю пролетариата В.И. Ленину-Ульянову от В. Молотова. 10/VI 1920 года». Полагаю, до адресата брошюра не дошла. Иначе она вряд ли лежала бы сейчас передо мной на столе.

Весной-летом 1920 г. планы большевиков по переводу страны на мирные рельсы вновь оказались под большим вопросом. Советское правительство было вынуждено вести широкомасштабные военные действия на двух фронтах – против вооруженных сил Юга России и против Польши. 7 мая в пятнадцатый раз после революции власть поменялась в Киеве: польские войска прошли парадом по Крещатику.

Захват Киева сослужил большевикам большую службу, страна испытала невиданный с 1914 г. патриотический подъем, сплотивший социалистов, либералов и монархистов в поддержку Кремля. Генерал Брусиллов выступил с обращением ко всем офицерам царской армии срочно записываться в Красную. По всей стране опять пошли боевые и трудовые мобилизации.

Нижегородцы бросали на фронт все новые отряды добровольцев. Завод «Красное Сормово» по заданию из Москвы срочно освоил выпуск первых в стране танков, копировавших легкие французские танки «Рено». О новых задачах губернской власти в военных условиях Молотов говорил на заседании «широкого пленума» губкома с председателями уездкомов и райкомов. Сохранилась протокольная запись:

«За последний месяц центр тяжести работы, приблизительно с полгода находившейся в области нашего трудового фронта, в области напряженнейшей борьбы с хозяйственной разрухой, вновь переносится в область военной, непосредственной борьбы с империалистическим миром.... Все мобилизации на труд и транспорт сейчас заменяются мобилизациями на фронт, и ряд мобилизованных товарищей из распоряжения Главпути перебрасывается на военную работу.

Анализируя первопричины польского фронта, с которым связано перемещение центра тяжести нашей работы, тов. Молотов отмечает, что наша Республика сейчас служит маяком социалистической революции в море кипящих гражданской войной империалистических государств. Он приводит ряд ярких фактов из политической жизни империалистических государств, ясно говорящих за то, что там и сям по Европе вспыхивают революционные вспышки и что борьба европейского пролетариата мощно вырывается из подполья на улицы, и в связи с этим указывает, что все империалистические силы как Европы, так и

Америки самым решительным образом организуются для решительной борьбы с надвигающейся революцией и в первую очередь бросают свои силы на польский фронт в целях раздавить Советскую республику. Все это указывает, по мнению тов. Молотова, что польский фронт последняя ставка мирового капитала в борьбе с Советской властью. Далее, констатируя, что в связи с этим польские белогвардейцы прекрасно снабжены снаряжением, обмундированием и даже продовольствием от всех империалистических государств, тов. Молотов заключает, что наша победа возможна только при максимальном напряжении всех сил Советской России, что еще более обостряется экономическим кризисом. Переходя к нашему внутреннему положению и положению Нижегородской губернии, он указывает на ряд фактов поджогов и разгромов военных и продовольственных складов, забастовочную и антисоветскую агитацию, что ясно говорит, что ряд контрреволюционных групп начинает свою работу на территории Республики. В заключение тов. Молотов призывает товарищей на местах к максимуму выдержанности, организованности и к тому, чтобы обратить самое серьезнейшее внимание на все то, что нужно для Западного фронта и для Красной Армии» [19, л. 405–407].

В июле VI губернский съезд советов, прошедший под председательством Молотова, постановил 5 % своего состава мобилизовать на фронт.

До середины лета 1920 г. дед не собирался уезжать из Нижнего. Но как ему нравилось на Волге, так не нравилось ему местное партийное начальство во главе с секретарем губкома Кузнецовым. Назревал скандал. Впрочем, пусть события сначала опишет «И. Батрак»:

«Время было довольно горячее. И трудно было при таких условиях рассчитывать на нормальный отпуск. Поэтому в летнее время тов. Молотов уезжал только вечерами после работы или в выходные дни на Башкировскую дачу “Зименки”, в которой был организован санаторий, километров за пятнадцать вверх по Волге. Дача стояла на правом берегу Волги, и ездить приходилось по реке на моторной лодке.

Освободившись от забот, он становился резв и неистощим на каламбуры, шутки и песни. Во время отдыха запрещал говорить о делах и прибавлял при этом:

– Кто не умеет отдыхать, тот не умеет работать.

Он очень любил Волгу и вообще природу. В свободное время во время отдыха любил бродить один или с компанией товарищей по лесу, аукаться и перекликаться, бродить по окрестностям, внимательно присматриваясь ко всему, что делалось вокруг.

Однажды с компанией товарищей он добрался за несколько километров до одного совхоза, где был директором т. Малашкин. В Малашкине он ценил писателя, интересовался его марксистским образованием, его творческой работой и его административной деятельностью на сельскохозяйственном фронте.

Тов. Молотов, будучи сам в душе художник, никогда не забывал поэзии...

Часто любил повторять вполголоса про себя слова одной песенки: “Время изменится, горе забудется”. Иногда катался на лодке. Когда лодка быстро неслась по Волге, рассекая волны, плескавшиеся о борт лодки, он испытывал огромное наслаждение.

Компанию т. Молотова составляли редактор газеты “Нижегородская коммуна” Модзалевский, матрос “Братка” и др.

Катанья на лодках обычно сопровождалась веселым разговором и песнями. Но окружавшая Молотова обстановка не давала ему забыть даже в часы отдыха. Молотов не любил жаловаться, но близкие товарищи понимали, чего это стоит ему, и частенько задавали себе вопрос: выдержит ли он? Работа и без того была крайне напряженной, а его пытались взорвать свои же бок о бок работающие товарищи. Закрадывались иногда тяжелые и грустные мысли.

В одну из таких поездок на лодке, когда лучи догоравшей вечерней зари золотили верхушки шаловливых волн, он как-то задумался, присмирел, а потом вспомнил одну любимую песню из каторжанских мотивов и запел. Голос мягкий и задушевный. От песни повеяло такою затаенной тоской и болью, что заставило всех насторожиться. Только вторая часть песни приняла мажорный, бодрый тон. Песня захватила слушающих. Она подняла какие-то новые и неведомые чувства. Заставила как-то по-иному, глубже взглянуть и на борьбу с белогвардейцами и на борьбу с поднимавшей голову шляпниковской оппозицией, на борьбу с мешанством и обывательщиной, которые, как тина, опутывали ноги и мешали двигаться вперед.

Когда последние бодрые звуки песни сверкнули, как игристые предзакатные волжские волны, Модзалевский заплодировал:

– Прекрасно, дружина! Замечательно!

И поняли в то же время, как тяжело переживал все это т. Молотов...

Дело близилось к развязке... Подходила губернская партийная конференция. Среди ответственных работников т. Молотова поддерживали Иконников, Рябинин, Охлопков, Модзалевский и др. Весь вопрос теперь заключался в том, что скажет конференция, как она откликнется на происходившую внутри губернского руководства борьбу?

И по первым докладам и прениям выяснилось, что конференция не поняла всей серьезности вопроса. Большинство оказалось на стороне старого губкома.

Молотов, чувствуя свою правоту, решил не сдаваться. На закрытом заседании конференции, когда обсуждались кандидатуры в новый состав губкома, он решил дать бой по каждой кандидатуре в отдельности.

Хорошо знакомый с художественной литературой, Молотов воспользовался этим и дал целому ряду ответственных работников литературные характеристики, заклеив их кличками героев Гоголя, Чехова и других писателей.

Старое руководство пришло в бешенство» [2, л. 241–244].

Было от чего. На X губернской партконференции, проходившей 15–17 июля 1920 г., дед, как он рассказывал Чуеву, выступал девятнадцать раз с критикой бюро губкома. Вероятно, он считал себя в праве как кандидат в члены ЦК перегнуть палку в общении с нижегородской партийной верхушкой. На закрытом собрании Молотов снова взял слово и прямым текстом обвинил Кузнецова и членов бюро в обычной беспринципности, обломовщине, пьянстве, насаждении местнической линии, в провинциальной узости. Такого не могли стерпеть даже от кандидата в члены ЦК. Заместитель Молотов по губисполкому Ханов (ему тоже досталось) предложил резолюцию, которая была принята 45 голосами против 19 при 13 воздержавшихся:

«Принимая во внимание, что по докладу губкома и, в особенности при обсуждении в новый губком, старые партийные работники тт. Молотов и Таганов вопреки всяких традиций нашей партии развели агитацию перед выборами в губком после оглашения всех списков до их персонального обсуждения, во время которой бросали по адресу ответственных губернских и уездных работников целый ряд туманных обвинений общего характера, давая десятку уездных работников и работникам горкома оскорбительные клички и пытаясь опорочить всех работников, составляющих большинство прежнего губкома, дабы расчистить дорогу в губком новой группировке.

Отсутствие надлежащего такта, а главное фактическая беспочвенность обвинений и совершенно недопустимая демагогия, вынудили конференцию выразить порицание означенным товарищам» [13, л. 10].

Дальнейшее «Батрак» описывал следующим образом. После окончания конференции секретарь губкома Кузнецов пригласил к себе в кабинет Молотова.

– По постановлению бюро губкома вы должны немедленно направиться в распоряжение ЦК партии, – объявил секретарь.

Молотов не ожидал такого разворота дела и заявил:

– Меня прислал сюда ЦК, я уеду, когда он отзовет меня.

– В таком случае вы будете привлечены к ответственности за нарушение партийной дисциплины.

– Ах, так! Хорошо! Я уезжаю, – ответил дед, – но только вслед за мною уедет и еще кто-то!

На другой день городские комсомольцы устроили Молотову торжественные проводы в летнем клубе на Набережной, после чего он навсегда покинул Нижний.

Полагаю, «Батрак» слишком спешил с отправкой Молотова из города: документы показывают, что скандал в Нижнем Новгороде имел свое продолжение. Дед действительно поехал в Москву, где явился к первому секретарю ЦК Крестинскому и, рассказав о конфликте, попросил отправить его в другой регион. Крестинский принял вежливо. Его очки с полуторасантиметровыми стеклами придавали ему застенчивое выражение, а высокий лысеющий лоб и маленькая черная борода делали его похожим на профессора. Умный и осторожный политик, он пригласил для решения вопроса Преображенского и Серебрякова – весь Секретариат. Посоветовавшись, они предложили Молотову ехать в Башкортостан. Дед запротестовал: его интересовал передовой пролетарский район, а не тогдашняя сельская национальная окраина. Тогда секретарская тройка предложила Донбасс (который формально, в общем-то, находился за границей – в независимой Украине). Это вариант деда устроил. Но поехал он из Москвы не в Донбасс, а обратно в Нижний, чтобы сдать дела и дожидаться сменщика. Тем более что ЦК решил и Кузнецова подвинуть из Нижнего. Не могла же губерния остаться совсем без начальников.

5 августа Молотов получил телеграмму от Крестинского: «Членом ЦК КПУ тов. Залуцким возбужден вопрос об отозвании его с Украины точка Цека постановил отозвать его в Нижний должность предгубисполкома точка Заместителем на пост предгубисполкома Николаева послать Кузнецова из Нижнего точка Кузнецову выехать в Николаев немедленно, Залуцкий по сдаче дел Кузнецову точка По приезде Залуцкого Нижний и принятии дел у Молотова последнему разрешается выехать Донбасс точка» [13, л. 35].

Такого разворота дела не ожидали Кузнецов, который должен бы уезжать в Николаев с явным понижением, и его команда, которые на заседании губкома 7 августа вынесли постановление о несогласии с решением ЦК. Молотова же они не желали терпеть в Нижнем и одного дня: «В отношении перемещения тов. Молотова в Донбасс, учитывая исключительное политическое и экономическое значение последнего

для Республики, а также и срочность, и принимая во внимание, что тов. Молотов, вследствие своих поездок в Москву и полученного им (по его просьбе в Губкоме) двухнедельного отпуска, фактически не имеет возможностей исполнять обязанности председателя губисполкома, губком находит необходимым ускорить его перемещение в Донбасс, не связывая с приездом Залуцкого, и предлагает тов. Молотову сдать свои дела своему заместителю тов. Барскому и явиться в ЦК» [13, л. 37]. Дед активно не согласился с этим решением, и уже через два дня президиум Нижегородского губкома рассматривал «заявление тов. Молотова о несогласии его с мотивировкой постановления губкома об освобождении его от обязанности председателя губисполкома. Было подтверждено решение: «предложить тов. Молотову подчиниться постановлению губкома и, сдав дела тов. Барскому, выехать в распоряжение ЦК» [13, л. 40].

Дед и дальше не сдавался. 12 августа на заседании Оргбюро ЦК были рассмотрены «Протест Нижегородского губкома против отзыва тов. Кузнецова, назначения тов. Залуцкого и протест тов. Молотова». Оргбюро постановило:

а) подтвердить немедленный отъезд тов. Кузнецова в Николаев...

б) предоставить тов. Молотову 2-х недельный отпуск и откомандировать его в Донбасс немедленно после отпуска, поставив в то же время на вид Нижегородскому губкому неправильность и нелояльность по отношению к ЦК и его постановлениям от 7/VIII и 9/VIII – 20 года о немедленном откомандировании тов. Молотова» [20, л. 1 – 1 об.].

Так что Кузнецов уехал первым. И со страниц истории этот Кузнецов пропал.

Еще до отбытия в угольный край, дед получил и еще одно назначение: по инициативе Рыкова его ввели в коллегию Главугля.

Наконец, 1 сентября из Москвы пришла телеграмма: «Цека постановил: утвердить товарища Молотова предгубисполкома Донецкой губернии. Предлагает ускорить отъезд Луганск. Секретарь Цека Н. Крестинский» [13, л. 34]. То есть в Донбасс дед отправлялся совмещать партийный пост с советским. Залуцкого в Нижнем дед так и не дождался, тот получил новое назначение – во ВЦИКе. Только в октябре ЦК прислал в Нижний председателем губкома Микояна, которого тоже встретили без восторга. «Кремницкий поздоровался и спокойно сообщил, что пленум губкома ликвидировал пост председателя губкома и вместо президиума организовал бюро губкома, секретарем которого остался он, Кремницкий, что все посты в бюро губкома заняты» [12, с. 170]. В борьбу с местным руководством вступил Микоян, а Молотов уже был на Украине.

Источники и литература

1. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений в десяти томах. Т. VI. М., 1981.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633.
3. Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 1999.
4. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 55.
5. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 8.
6. Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Т. 11. М., 1963.
7. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1636.
8. *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения. Т. 1. М., 1957.
9. *Крупская Н.К.* Воспоминания о Ленине. М., 1957.
10. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 9.
11. *Добротвор Н.* История города Горького. Горький, 1947.
12. *Микоян А.И.* Так было: Размышления о минувшем. М., 1999.
13. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 235.
14. Нижегородская коммуна. 1920.
15. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1482.
16. Нижегородская организация РКП (б) в годы иностранной интервенции и гражданской войны (1919–1920 гг.). Горький, 1957.
17. Протоколы девятого съезда РКП(б). Март – апрель 1920. М., 1934.
18. Первомайский сборник: Посвящается массовым субботникам / под ред. В. Молотова. Н. Новгород, 1920.
19. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1637.
20. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 11.

А.И. Микоян и М.А. Тер-Егиазарян во главе Нижегородской губернии (1920–1923 гг.)

Ф.А. Селезнев

В условия гражданской войны у руководства партии большевиков имелась острая необходимость в создании твердой власти на местах, четко выполняющей любые, пусть даже самые жесткие, распоряжения из Москвы. Однако старые большевистские кадры не желали

беспрекословно подчиняться решениям ЦК и постоянно демонстрировали свою самостоятельность. К тому же они были не в состоянии воспринимать как врагов вчерашних товарищей по борьбе с самодержавием – меньшевиков и эсеров, со многими из которых находились в дружеских отношениях. Поэтому ЦК присылал для руководства губернскими комитетами выходцев из иных регионов, а здешних работников перебрасывал в другие части страны. Это вызывало раздражение провинциальных большевистских активистов с дореволюционным партийным стажем, особенно из числа рабочих. В результате между ними и «назначенцами» ЦК нередко вспыхивали острые конфликты. Три подобных ситуации одна за другой возникли в Нижегородской губернии. Их участниками стали в будущем виднейшие члены сталинского политбюро: Л.М. Каганович, В.М. Молотов и А.И. Микоян [1; 2; 3, с. 114–115; 4]. Из них успешнее других освоился в Нижнем Новгороде А.И. Микоян (1895–1978). Хотя поначалу его встретили на новом месте негостеприимно [5, с. 172–173].

Наиболее последовательными противниками Микояна были местные представители «рабочей оппозиции», которая поставила свою неприязнь к «назначенцам» из центра на идеологическую платформу. В рядах нижегородских коммунистов у нее имелось немало сторонников, особенно в Сормове, где к ним принадлежал председатель коллегии заводу управления Сормовского завода А.С. Чернов. Нижегородский губком партии тоже возглавлял представитель «рабочей оппозиции» – М.В. Попов [6, с. 84]. Микоян при поддержке ЦК намеревался его сместить и добиться собственного избрания на должность ответственного секретаря губернского комитета РКП(б). Однако для успешного руководства регионом Микоян нуждался в надежном соратнике, который бы занял пост председателя исполкома Нижегородского совета – второй по важности в губернии. Этим человеком стал Мушег Андреевич Тер-Егиазарян (Тер-Егиазарянц), более известный как Михаил Андреевич Тер (1893–1934).

Сын приказчика, прошедший юность в Баку, он окончил физико-математический факультет Московского университета и в сентябре 1917 г. получил должность управляющего делами и члена исполкома Хамовнической районной управы. В это время он состоял в одной из меньшевистских организаций – секции объединенных социал-демократов-интернационалистов. Она была близка к большевикам и вместе с ними делегировала членов в Московский военно-революционный комитет, руководивший установлением в городе советской власти. С 25 октября по 3 ноября 1917 г. в Москве шли уличные бои. М.А. Тер-Егиазарян тоже был задействован в этих событиях.

Потом он с гордостью вспоминал «о своем участии в Октябрьском перевороте в Москве» [7, л. 115 об.].

В марте 1918 г. М.А. Тер-Егиазарян перешел в партию большевиков. Начался новый период его жизни – бурный и беспокойный (его, как и других партийных работников постоянно перебрасывали с места на место). В 1919 г. М.А. Тер-Егиазарян оказался в Курске, где был членом президиума и секретарем Курского губисполкома. В 1919–1920 гг. он служил в Красной Армии – политруком Политуправления Южного фронта. Затем был направлен в Орел. Там с марта по сентябрь 1920 г. Мушег Андреасович работал в губкоме РКП(б). В сентябре 1920 г. его избрали председателем Орловского губисполкома [8].

Чтобы перевод Тер-Егиазаряна в Нижний Новгород не вызвал протеста у местной партийной верхушки, Микоян придумал хитроумную комбинацию. В январе 1921 г. в Нижний Новгород пришла бумага из Москвы «об откомандировании 7 товарищей в распоряжение ЦК для посылки в Омск на лесные разработки». При этом прилагался персональный список нижегородских руководителей, которым предстояло отправиться в далекую Сибирь. Для обсуждения этого вопроса 13 января 1921 г. собралось на заседание бюро Нижегородского губкома РКП(б). Его члены были огорошены. Один из членов губкома, А.И. Жеханов, недавно ездивший в Москву возмущался тем, что в ЦК ему лично обещали «никого не брать», а теперь «берут без запроса и персонально», причем тех работников, заменить которых некем. И вот тут взял слово Микоян, предложивший: «Нужно настаивать перед ЦК, чтобы нам командировали работников» [9, л. 4]. И очень скоро ЦК командировал в Нижний Новгород М.А. Тер-Егиазаряна [10, л. 7]. (В нижегородских документах его чаще всего называют «Тер».)

Михаил Тер появился в Нижнем Новгороде незадолго перед намеченной на февраль 1921 г. XI губернской конференцией РКП(б). На ней Микоян и прибывший для его поддержки член ЦК А.А. Андреев (в будущем – член политбюро и близкий соратник Сталина) дали бой сторонникам «рабочей оппозиции». Борьба оказалась нелегкой, но завершилась победой сторонников Ленина. На ленинской платформе стояли шесть из восьми нижегородских делегатов, избранных конференцией на X съезд РКП(б). Среди них был и М.А. Тер. Кроме того он вошел в новый состав губкома партии [6, с. 86].

XI Нижегородская губернская конференция РКП(б) закончилась 23 февраля 1921 года. На другой день, 24 февраля, Тер впервые присутствовал на заседании бюро Нижегородского губкома. Обсуждался предстоящий губернский съезд советов. Тер несколько раз брал слово. Он предложил губкому предварительно заслушать доклады, стоящие в

порядке дня съезда, и сам озвучил свой доклад по развитию сельского хозяйства. Бюро наметило М.А. Тера в президиум съезда [9, л. 18].

VII съезд советов Нижегородской губернии открылся 26 февраля 1921 года. Он проходил в Большом зале Дома союзов (современная Нижегородская филармония). 1 марта М.А. Тер выступил там с докладом «о поднятии сельского хозяйства». Этот вопрос тогда находился в центре внимания коммунистов. Некоторые члены РКП(б) выступали за продолжение политики «военного коммунизма» и даже за более решительные шаги в этом направлении, вплоть до коллективизации крестьянства. Один из делегатов съезда советов сказал: «Мы должны как бы фабрики создавать земледельческие в лице коммун». Однако Тер решительно заявил: «К организации коммун мы скоро не придем». Его мысль заключалась в следующем: к коллективной обработке земли можно перейти лишь тогда, когда будет достаточное количество техники. Пока же, говорил Тер, предвосхищая решения X съезда РКП(б) о переходе к нэпу, нужно «во чтобы то ни стало поднимать единоличное сельское хозяйство и центр нашего внимания перенести на этот вопрос» [11, 1921, № 3, с. 109, 123, 124]. Что касается совхозов и колхозов, то они, как сказал Тер в своем заключительном слове на заседании 1 марта (оно было посвящено подготовке к севу), должны стать «показательными центрами для крестьянства» [12, 1921, 6 марта].

По поводу посевной кампании делегаты съезда задавали молодому армянскому коммунисту очень острые вопросы. Однако он со знанием дела ответил на каждый из них [11, 1921, № 3, с. 136–137].

Политический дебют Тера прошел успешно. Можно было делать решающий шаг по продвижению его на высокий пост. 3 марта А.И. Микоян созвал заседание бюро губкома, предложив обсудить вопрос о будущем составе президиума губисполкома. М.А. Тер был назначен председателем этого верховного в губернии органа советской власти вместо личного недруга Микояна А.М. Ханова [9, л. 30]. И уже на другой день, 4 марта 1921 г., Мушег Андреасович провел первое заседание губисполкома в качестве его председателя [12, 1921, 6 марта].

Нижегородский губисполком тогда располагался во Дворце свободы – бывшем губернаторском доме (ныне Нижегородский художественный музей). М.А. Тер проводил здесь многие часы, с головой погружившись в работу. Он быстро зарекомендовал себя как «отличный совработник, администратор». Однако против него и Микояна образовалась сильная оппозиция в лице смещенного со своего поста Ханова и представителей «рабочей оппозиции». Создалась как бы вторая, «подпольная» партийная организация с конспиративными квартирами, тайными собраниями. И лишь после того как ЦК откомандировал

А.М. Ханова из Нижнего Новгорода, обстановка в партийном руководстве Нижегородской губернии нормализовалась [10, л. 8].

Теперь М.А. Тер мог полностью сосредоточиться на хозяйственных делах. Проблем за годы революции и Гражданской войны в Нижнем Новгороде накопилось много. Городское хозяйство пришло в упадок. О том, какой неприглядный вид имел губернский центр, дает представление обязательное постановление президиума Нижегородского губисполкома, подписанное М.А. Тером 8 апреля 1921 года. В целях «приведения города Нижнего Новгорода в удовлетворительное санитарное состояние» постановление требовало «вывезти весь мусор и навоз с площадей». Для этого объявлялась мобилизация частных лошадей [12, 1921, 9 апреля].

В аварийном состоянии находился плашкоутный (временный) мост через Оку. Микоян вспоминал, что «шел по его разбитому деревянному настилу, опасаясь, как бы не провалиться в воду» [5, с. 170]. 14 июня 1921 г. Тер подписал обязательное постановление президиума губисполкома, запрещавшее, во избежание несчастных случаев, курение табака на мосту и быструю езду по нему как автомобилей, так и легковых и ломовых (грузовых) извозчиков [12, 1921, 17 июня].

Система советских учреждений, которую доверили возглавить Михаилу Андреевичу Теру, тогда только формировалась, и он много сделал для того, чтобы придать ей четкость и управляемость. После Октябрьской революции 1917 г. главным органом советской власти, общим и для губернии, и для города являлся Нижегородский губернский совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов со своим исполкомом. Затем губернский исполнительный комитет, согласно конституции РСФСР 1918 г., стал формироваться губернским съездом советов. Губернский совет был ликвидирован. Но в сентябре 1918 г. принимается решение избрать самостоятельный Нижегородский городской совет со своим исполкомом. При этом сохранялся и губернский исполком. Между двумя исполкомами началось соперничество, принявшее особенно острый характер, когда их возглавляли соответственно С.М. Кузнецов и В.М. Молотов. В результате 24 июля 1920 г. VI губернский съезд советов принял предложение председателя губисполкома В.М. Молотова об объединении губернского и городского исполнительных комитетов [12, 1920, 25 июля].

Общее собрание городского совета (пленум) при этом решили сохранить. Но, поскольку губернский исполком избирался съездом советов и отчитывался перед ним, чем теперь должны заниматься депутаты городского совета, было непонятно. М.А. Тер постарался внести ясность в этот вопрос. 8 апреля 1921 г. на совместном заседании

бюро губкома РКП(б) и президиума губисполкома он сделал доклад о необходимой организации горсовета, предложив разделить всех депутатов на секции [9, л. 62]. План Михаила Андреевича лег в основу «Положения о Нижегородском городском совете, Рабочих, Красноармейских и Крестьянских депутатов», утвержденном Губисполкомом 14 мая 1921 года. Согласно этому документу каждый депутат приписывался к одной из шести секций совета: рабоче-крестьянской инспекции, народного образования, здравоохранения, коммунального хозяйства, народного хозяйства, продовольствия. Секциям надлежало сотрудничать с соответствующими отделами губисполкома, участвуя в заседаниях их коллегий и выделяя особые комиссии для обсуждения выдвинутых там вопросов. С другой стороны, каждый член горсовета должен был поддерживать «фактическую связь» со своими избирателями [12, 1921, 17 мая].

По сути, нижегородские депутаты становились общественными помощниками аппарата губисполкома. При этом М.А. Тер постарался не допустить численного преобладания среди них старых партийных активистов, враждебно настроенных к нему и Микояну. 2 апреля 1921 г. на заседании бюро губкома РКП(б) Тер предложил в результате новых выборов провести более широкое представительство в горсовет беспартийных и, ввести туда «во всяком случае не менее 40 рабочих» [9, л. 53].

Сормовский и Канавинский районные советы по плану председателя губисполкома являлись составными частями городского совета. Это позволило бы Теру лично их контролировать, поскольку, согласно его проекту, руководство горсоветом принадлежало «ведению, прежде всего, губисполкома» [9, л. 64 об., 65]. Однако полностью подчинить Сормово и Канавино Теру не удалось. Постановлением коллегии отдела управления Нижгубисполкома от 7 мая 1921 г. учреждался Канавинский исполком «с выделением Канавина в самостоятельный административный орган» [11, 1921, № 4, с. 7].

В принятое 14 мая «Положение о Нижегородском городском совете, Рабочих, Красноармейских и Крестьянских депутатов» пришлось включить пункт о том, что у Сормовского и Канавинского районных советов будут свои исполкомы [12, 1921, 17 мая].

Причем канавинские коммунисты хотели добиться полного отделения от Нижнего Новгорода. 17 мая 1921 г. Канавинский совет, собравшийся на первое пленарное заседание, сразу занялся разработкой проекта выделения Канавина в самостоятельный уезд [12, 1921, 28 мая].

В том же направлении действовали сормовские коммунисты. До революции Сормово являлось селом Балахнинского уезда. Постановлением IV Нижегородского губернского съезда советов оно было при-

соединено к Нижнему Новгороду в качестве пригорода. Сормовский совет рабочих депутатов целиком вошел в общегородской совет и был подчинен городскому исполкому как районный совет. В 1919–1920 гг. Сормовский районный совет был опорой председателя Нижегородского горисполкома С.М. Кузнецова, бывшего рабочего-сормовича. В разгар борьбы С.М. Кузнецова с председателем губисполкома В.М. Молотовым в губернской газете «Нижегородская коммуна» появился материал о том, что опыт объединения города и Сормова себя не оправдал. Поэтому нужно выделить Сормово с прилегающими селениями в отдельный административно-хозяйственный район Нижегородской губернии [12, 1920, 23 июня]. Его границы были намечены 13 октября 1920 г. на межведомственном заседании. В Сормовский район должны были войти вся приокская часть Балахнинского уезда, Гнилицкая, Мысовская и Большекозинская. Еще одно крупное село Балахнинского уезда – Гордеевку предполагалось включить в черту Нижнего Новгорода [12, 1920, 22 октября].

С приездом Тера ситуация изменилась. Ему было удобнее, чтобы Сормовский совет напрямую контролировался губисполкомом и, при этом, Сормово и Балахна находились в составе одной административной единицы. Такое было целесообразно с точки зрения интересов строительства Нижегородской государственной районной электростанции (НиГРЭС). Согласно утвержденному в декабре 1920 г. плану электрификации России (план ГОЭЛРО), ее предстояло возвести в Балахне. Выбор места был обусловлен наличием богатых запасов топлива – торфа. Для его добычи гидравлическим способом конструкторы Сормовского завода разработали гусеничный торфяной кран [13, с. 25]. Монтаж оборудования также возлагался на сормовичей. В перспективе НиГРЭС должна была питать электроэнергией Сормово и Нижний Новгород.

Строительство началось в 1921 году. М.А. Тер внимательно следил за его ходом. Как физик по образованию он был увлечен идеей электрификации России. «Электрификация Республики – основа коммунизма», – говорил Михаил Андреевич. Чтобы нижегородцы прочувствовали важность вопроса о сооружении электростанции в Балахне, Тер 7 марта 1922 г. созвал специальное заседание пленума Горсовета. Оно состоялось в Сормове в здании Летнего театра. Доклад о гидравлическом способе добывания торфа, начатом в пределах Балахнинского уезда, сделал инженер Попченко. «Заканчивая обсуждение вопроса г. Тер обрисовал перед пленумом громадное значение этого нового завоевания русской науки», – сообщала газета «Нижегородская коммуна» [12, 1922, 10 марта].

Когда с возведением НиГРЭС начались проблемы, Тер собрал заседание президиума губисполкома. Оно состоялось 20 апреля 1922 года. Приглашенный на него начальник строительства инженер Б.А. Ступин сообщил, что вся работа может затормозиться из-за несвоевременного и недостаточного финансирования. Президиум губисполкома постановил указать высшим хозяйственным учреждениям страны (ВСНХ, президиуму Госплана, Совету труда и обороны), что в условиях, когда подготовительный цикл выполнен, и «дело находится на ходу», такое отношение центральных органов вызывает «недоумение» [14, л. 148]. Это обращение возымело действие. Через год Тер с гордостью говорил о том, что строительство близится к завершению [12, 1923, 8 мая].

В самой Балахне началу рытья котлована для НиГРЭС были рады далеко не все. На месте будущей электростанции шумели высокие сосны «Пашиной рощи». Там находились несколько жилых домов и небольшой стеклозавод. Все это подлежало сносу. Возникла напряженная ситуация. 9 октября 1922 г. на заседании бюро губкома РКП(б) М.А. Тер сделал заявление о положении балахнинской стекольной промышленности. Было решено принять срочные меры к обследованию положения завода, «детально выяснить роль и значение отдельных членов управления этого завода» [7, л. 83 об.].

Отношения Михаила Андреевича с руководством Балахны не заладились с самого начала. 15 мая 1921 г. на заседании бюро Нижегородского губкома РКП(б) Тер, докладывая о поездке в Балахнинский уезд, сообщил, что на Пасху некоторые коммунисты выпивали и, видимо, разговлялись («наблюдались неплановые выдачи продуктов») [9, л. 23 об.]. Конфликт зашел так далеко, что на следующем заседании бюро губкома, 26 мая 1921 г., Тер предложил перенести центр уезда из Балахны в Городец [9, л. 89 об.].

Эта инициатива была поддержана специальным губернским совещанием, которое 7 июля 1921 г. приняло соответствующее постановление [11, 1921, № 4, с. 7]. Однако прошел год, прежде чем оно было осуществлено. В Москве все еще лежали бумаги межведомственного совещания 1920 г., проведенного до приезда в Нижний Новгород М.А. Тер-Егиазаряна. Они первыми рассматривались ВЦИК и легли в основу постановления, подписанного 6 марта 1922 г. М.И. Калининым, об образовании из волостей Балахнинского уезда – Мысовской, Сормовской, Большекозинской, Растяпинской, Гнилищкой, Гордеевской – Сормовского уезда [15, л. 48].

12 марта 1922 г. соответствующее постановление пришлось оформить Нижегородскому губисполкому [12, 1922, 23 марта; 15, л. 55].

Но уже 3 июля 1922 г. президиум ВЦИК, видимо по сигналу из Нижнего Новгорода, новый уезд опять слил с Балахнинским, причем центр объединенного уезда был перенесен из Балахны в Сормово, получившее статус города [16, л. 109]. Это было компромиссное решение. Тер, как было сказано выше, отстаивал другой вариант. И добился своего. Через месяц, 10 августа 1922 г., ВЦИК внес в свое июльское постановление поправку, согласно которой, как и хотел Тер, предписывалось «центр Балахнинского уезда перенести в г. Городец, переименовав Балахнинский уезд в Городецкий». Сама же Балахна присоединялась к Сормовскому уезду [16, л. 405].

Это было не единственное изменение административного деления Нижегородской губернии, произошедшее при Тере. Тем же постановлением 3 июля 1922 г. ВЦИК ввел Варнавинский и Ветлужский уезды Костромской губернии в состав Нижегородской губернии, значительно расширив ее пределы [16, л. 111]. В 1922 г. к ней присоединяется Курмышский уезд Симбирской губернии. Затем была подготовлена общая реформа территориального устройства Нижегородской губернии. Постановлением ВЦИК от 23 апреля 1923 г. упразднялись Ардатовский, Васильский, Воскресенский, Княгининский, Курмышский, Починковский, Варнавинский уезды. Утверждалось деление Нижегородской губернии (по проекту сессии Нижегородского губисполкома X созыва) на Арзамасский, Ветлужский, Выксунский, Городецкий, Красно-Баковский, Лукояновский, Лысковский, Нижегородский, Павловский, Семеновский, Сергачский, Сормовский уезды и Канавинский рабочий район [12, 1923, 12 мая].

При Микояне и Тере сильно изменились не только границы губернии, но и методы управления ее хозяйством. Что было связано с началом эпохи нэпа. Отправной точкой этого периода в истории Нижегородского края стало организованное М.А. Тером 13 июня 1921 г. в помещении городского советского театра (ныне театр драмы) заседание горсовета совместно с представителями профсоюзов и заводских комитетов. На нем с докладом «Новый курс экономической политики советской власти» выступил А.И. Микоян [12, 1921, 19 июня].

Для нижегородцев переход к нэпу прежде всего означал разрешение частной торговли. Постановление президиума Нижегородского губернского исполнительного комитета об этом было подписано 25 июня 1921 года. Возобновлялись ежедневные базары: на Мытном дворе, «у Решетки» (на пересечении Ильинки и Малой Покровской), на Старо-Сенной площади, на Балчуге и в Канавине на Базарной площади. Большой еженедельный торг, как и до революции, по понедельникам должен был проходить на Старо-Сенной площади, по сре-

дам – на Ново-Базарной площади (совр. площадь Горького), по пятницам – на Острожной площади (совр. площадь Свободы), по воскресеньям на Канавинской базарной площади [12, 1921, 1 июля].

Привыкать к этому руководителям-коммунистам было нелегко. «Сначала мы путались в понятиях торговля и спекуляция», – откровенно признал М.А. Тер в докладе об итогах нэпа в Нижегородской губернии на XIII губернской партийной конференции. Там же он выразил свое понимание сути нэпа. «Условия военного коммунизма заставили нас взять в свои руки некоторые отрасли промышленности, которые нам были не нужны (кустарную промышленность, мелкие фабрики и заводы), чтобы спасти их от окончательной гибели», – сказал он. И продолжил: «Теперь же недостаток продовольственных ресурсов заставил нас скинуть со своей шеи всю эту мелочь, оставив у себя лишь крупные, имеющие государственную ценность предприятия» [12, 1922, 25 марта].

В годы военного коммунизма рабочие национализированных заводов получали продовольственный паек. Ликвидация помещичьих хозяйств, которые до революции давали львиную долю товарного зерна, незаинтересованность крестьян в производстве хлеба сверх необходимого для их личных нужд минимума, неурожай 1920 г. привели к серьезным проблемам с продовольственным снабжением городов. Весной 1921 г. продукты по полной норме получали рабочие лишь нескольких стратегически важных заводов, вроде Сормовского [12, 1921, 9 мая]. В июне 1921 г. нижегородское партийное руководство постановило «ввиду катастрофического состояния с делом снабжения предприятий продовольствием и топливом разрешить временно массовые отпуска голодающим рабочим от двух недель до двух месяцев путем временного сокращения, а, в крайнем случае, и закрытия ряда предприятий, с концентрацией скудных запасов продовольствия для снабжения наиболее важных предприятий» [5, с. 194]. 9 июля 1921 г. бюро губкома РКП(б) разослало на места распоряжение передавать нерентабельные предприятия в аренду рабочим артелям, кооперативам и даже частным лицам.

Этот процесс быстро принял неуправляемый характер. Поэтому 26 сентября 1921 г. М.А. Тер, выступая на заседании губкома партии, предложил провести учет всех заводов и при передаче их в аренду «давать преимущество кооперативам перед частными лицами». Кроме того, он заявил, что сдача в аренду должна проходить с ведома Экономического совещания (ЭКОСО) при губисполкоме [17, с. 309].

Это межведомственное учреждение по должности председателя губисполкома возглавлял сам Михаил Андреевич. Оно не только регулировало работу торгово-промышленных заведений, но и следило за

развитием других областей народного хозяйства, в том числе общественного транспорта. 3 октября 1922 г. М.А. Тер на заседании Нижегородского губернского экономического совещания сделал доклад, посвященный открытию автобусного движения в Нижнем Новгороде. Поскольку для восстановления трамвайного движения были нужны большие вложения, Тер предложил пока приобрести 30 автобусов. Это требовало меньших затрат, но позволяло решить транспортную проблему, наладив связь между городом и пригородами [12, 1921, 1 ноября].

Необходимость уменьшения государственных расходов обуславливала логику большинства мероприятий, проводившихся в 1921 г. в рамках нэпа. Для экономии продовольственных ресурсов начались увольнения работников разных учреждений. Сократились и штаты милиции. В связи с этим Нижегородский губисполком 29 ноября 1921 г. издал постановление, вменявшее в обязанность предприятиям организовывать сторожевую охрану, состоящую на полном их иждивении (вооружение предписывалось получить в милиции) [12, 1921, 29 ноября].

В свою очередь отдел связи решил закрыть несколько почтовых отделений и телеграфные станции в уездах, поскольку, согласно распоряжению Наркомата почт и телеграфов, должен был довести число своих работников с 3339 до 1900 человек. Однако президиум губисполкома этот жесткий план не утвердил. Содержание местных телефонных линий возложили на уездные бюджеты, повысив таксу за переговоры для частных лиц. Нижегородскую радиолaborаторию пришлось взять на иждивение губернского бюджета [12, 1921, 26 ноября].

Чтобы товарищи по руководству губернией понимали всю важность работ радиолaborатории, М.А. Тер пригласил ее руководителей – М.А. Бонч-Бруевича и В.П. Вологодина – на совместное заседание президиума исполкома губернского совета с членами губкома РКП(б). Оно состоялось 24 марта 1922 года. Ученые рассказали о своих достижениях и проблемах. Одну из них благодаря М.А. Теру удалось решить прямо на заседании. Губисполком отпустил радиолaborатории 180 пудов хлеба «для оплаты за железо, закупленное для машины профессора Вологодина» (в марте 1922 г. тот закончил испытания трехфазного ртутного выпрямителя для получения постоянного тока высокого напряжения). Кроме того, было решено обратиться от имени губисполкома ко всем организациям и заводам, чтобы они оказывали радиолaborатории содействие. В случае возникновения затруднений руководству радиолaborатории предлагалось напрямую обращаться в президиум губисполкома. Как существенную материальную поддержку сотрудников радиолaborатории нужно рассматривать и предложение выпустить 500 экземпляров книги «Электричество и его служба чело-

вечеству» и снабдить ей членов городского совета. Губисполком отпустил на издание и покупку книги 30 млн рублей [14, л. 103].

Эту книгу за месяц подготовил сотрудник радиолaborатории В.К. Лебединский. Она была роздана на пленарном заседании Нижегородского совета с участием депутатов Городского, Канавинского и Сормовского районов. Мероприятие прошло 27 апреля 1922 г. в Канавинском рабочем клубе. Для доклада о деятельности радиолaborатории на пленум прибыли Лебединский, Бонч-Бруевич, Вологдин. М.А. Тер кратко указал на то «громадное значение, какое имеет научная работа, ведущаяся в настоящее время в радиолaborатории», пообещав обеспечить всем необходимым ее специалистов, «которые создают большие ценности» и «дать им возможность работать». Пленум постановил занести имена лучших сотрудников радиолaborатории на красную доску героев труда и представить к ордену Трудового Красного Знамени [12, 1922, 4 мая; 15, л. 160, 162 об.].

При поддержке губисполкома Нижегородская радиолaborатория провела в Нижнем Новгороде III Всероссийский съезд физиков. Он открылся 17 сентября 1922 г. в Нижегородском Доме союзов [12, 1922, 20 сентября].

Много сделал М.А. Тер и для Нижегородского государственного университета, в условиях нэпа оказавшегося в непростой ситуации. В 1922 г. Главпрофобр из-за отсутствия средств на финансирование решил этот вуз закрыть, а все имущество передать Пермскому университету. Правление Нижегородского университета обратилось к М.А. Теру. Тот пригласил ректора А.А. Завадского на расширенное заседание губисполкома. Выслушав ректора, президиум губисполкома постановил «категорически протестовать» против решения Главпрофобра и выйти с соответствующим ходатайством в Народный комиссариат просвещения и президиум ВЦИК [12, 1922, 6 мая]. Ради сохранения единственного в городе высшего учебного заведения Тер предложил перевести его на финансирование из местного бюджета. 18 июля 1922 г. Главпрофобр дал на это согласие. Нижегородский университет был спасен [12, 1922, 11 июля, 25 июля].

Однако вскоре над ним нависла новая угроза. Польша потребовала возвращения имущества Варшавского политехнического института, на базе которого создавался Нижегородский университет. 30 августа 1922 г. член российской делегации на переговорах с Польшей П.Л. Войков прислал телеграмму о том, что на один день на аэроплане прилетает для обсуждения этого вопроса в Нижний Новгород с тем, чтобы переговорить с ректором и председателем губисполкома [16, л. 452]. Из этой ситуации М.А. Теру и А.А. Завадскому удалось вывести уни-

верситет с наименьшими потерями. В Польшу отправили только часть биологического и химического оборудования.

Одной из болезненных для жителей Нижнего Новгорода сторон нэпа было введение квартирной платы и платежей за коммунальные услуги. Осенью 1921 г. по всей России местные власти начали взимать деньги за освещение, водопровод, вывоз нечистот, канализацию, бани. Национализированные во время военного коммунизма дома в Нижнем Новгороде стали возвращать бывшим хозяевам. Но делалось это выборочно. Вопрос о денационализации каждого дома утверждался президиумом губисполкома [14, л. 34]. Денационализация, а также передача в аренду домов и квартир проводились коммунальным отделом губисполкома. Эти действия нередко приводили к конфликтам между прежними владельцами и новыми жильцами. Об остроте квартирного вопроса дает представление корреспонденция с пленума Канавинского совета, который состоялся 14 октября 1921 г. на заводе Добровых и Набгольц с участием беспартийных рабочих. Пленум предложил коммунальному отделу проводить в жизнь взимание платы за пользование квартирами, электрической энергией и водопроводом «в первую очередь со спекулянтов и бывшей буржуазии», а также «довести до конца работу в области уплотнения буржуазии и переселения ее в подвалы» [12, 1921, 22 октября].

Ключевым элементом нэпа стала замена продразверстки продовольственным налогом. Советское руководство требовало от местных властей, чтобы он был собран в полном объеме [18, с. 326].

12 июня 1921 г. Тер и Микоян приняли участие в пленуме губкома РКП(б) с представителями уездов. Было признано необходимым при сборе налога «проявить всю твердость органов пролетарской диктатуры». В помощь заготконторам и налоговой инспекции для усиления работы по учету и сбору налога решили привлечь коммунистов и беспартийных рабочих [17, с. 243].

Чтобы получить «аппарат для компании по продналогу и обсеменению озимых» непосредственно в деревне, состоявшееся 23 июня 1921 г. под председательством М.А. Тера заседание губисполкома решило безотлагательно (с 1 по 20 июля) провести выборы сельских советов, волостных исполкомов, сельских и волостных посевных комитетов (волпосевкомов) [12, 1921, 25 июня, 12 июля].

Посевные комитеты должны были вести учет семян и инвентаря в крестьянских хозяйствах. Эти органы создавались также на уровне уезда. Руководил ими губернский посевком под председательством М.А. Тера [12, 1921, 3 июля, 7 июля].

Организацию сева озимых Михаил Андреевич считал первоочередной задачей, не менее важной, чем сбор продналога [17, с. 304, 305]. Однако выполнить ее было нелегко. 1920 г. оказался неурожайным, а весной и летом 1921 г. Поволжье поразила засуха. Пришел голод. В этих условиях крестьяне думали не о будущем севе, а о том, как выжить.

Вдобавок начался массовый забой скота, поскольку из-за засухи кормить его тоже было нечем. Это означало, что не удастся собрать натуральный налог на мясо. Поэтому 3 июля 1921 г. было опубликовано подписанное М.А. Тером обязательное постановление о заготовке подсобных кормов. Оно призывало для спасения скота косить отаву (траву, выросшую на месте скошенной в том же году) и траву в лесах, собирать листву, силосовать ботву [12, 1921, 3 июля].

7 июля 1921 г. на заседании Нижгубисполкома Тер сказал об отсутствии достаточного продовольствия и для населения губернии [12, 1921, 19 июля]. Тем не менее надежда на дожди и исправление ситуации все же оставалась. Михаил Андреевич решил уйти в отпуск. Однако 15 июля в газетах было опубликовано официальное обращение ВЦИК о голоде в Поволжье [12, 1921, 15 июля]. 18 июля состоялось заседание бюро Нижегородского губкома РКП(б) с участием Микояна, Тера и Н.И. Иконникова. На нем было признано «катастрофическое продовольственное положение в губернии» и решено «отпуск т. Тер прервать с 18 июля 1921 года» [19, л. 19, 20].

Официально же Нижегородская губерния не была отнесена к числу голодающих регионов. Поэтому с ее руководителей требовали организовать сбор продналога в запланированном количестве. 21 июля «Нижегородская коммуна» объявила, что «урожай нынешнего года вполне допускает успешное взыскание продналога» [12, 1921, 21 июля]. В течение июля и августа главная губернская газета регулярно помещала на своих страницах призывы «собрать продналог во чтобы то ни стало», проявляя «решимость, непреклонность, строгость» [12, 1921, 22, 26, 31 июля, 13 августа].

В распоряжение губернского продовольственного комиссара Ковалева были приданы 650 красноармейцев с двумя пулеметами [18, с. 346, 347]. А.И. Микоян, назначенный уполномоченным ВЦИК по сбору продналога в Нижегородской губернии, лично выезжал на места, чтобы контролировать сдачу зерна [5, с. 195]. Отправились по уездам и другие руководители нижегородских коммунистов. М.А. Теру пришлось побывать в Ардатове [20, 12, 1921, № 11–12, с. 15]. Но главной задачей Михаила Андреевича, назначенного в августе 1921 г. председателем губернской комиссии помощи голодающим, был сбор средств и продовольствия для губерний Поволжья [12, 1921, 12 авгу-

ста]. О том какая помощь была оказана нижегородцами голодающему Поволжью, М.А. Тер доложил делегатам IX съезда советов Нижегородской губернии в декабре 1921 года. Он рассказал, что в губернии нашли приют 1700 детей Поволжья. В пользу голодающих нижегородцы собрали около полмиллиарда рублей, 7 тыс. аршин мануфактуры, 18 тыс. пудов хлеба [12, 1921, 15, 16 декабря].

Кроме того, М.А. Тер сыграл большую роль в организации взаимодействия советских властей с АРА – американской организацией помощи голодающим. В Нижнем Новгороде было открыто представительство АРА. Продовольствие АРА поступало по железной дороге в Нижний Новгород и здесь перегружалось на пароходы для доставки вниз по Волге.

При этом и в самой Нижегородской губернии шесть уездов – Сергачский, Лукояновский, Васильский, Починковский, Княгининский, Воскресенский – голодали. 6 ноября 1921 г. по докладу М.А. Тера в Комиссии помощи голодающим ВЦИК было постановлено послать особую комиссию Помгола для причисления названных уездов к голодающим официально. Правда комиссия так и не приехала [12, 1922, 4 июля]. Но Михаил Андреевич, не дожидаясь решения центра, 24 ноября 1921 г. предложил прикрепить голодающие уезды к благополучным [12, 1921, 4 декабря 21 июля]. Чтобы шесть голодающих уездов в будущем году были с хлебом, Тер обратил пристальное внимание на проведение там зяблевой вспашки. Но возникла проблема с посевным зерном. 6 февраля 1922 г. на заседании бюро губкома РКП(б) Михаил Андреевич обрисовал сложившуюся ситуацию: в губернии 200 тыс. пудов семян, ведется работа по их отсортировке и очистке. Они могут быть переброшены в Поволжье, тогда как в Нижегородской губернии своих шесть голодающих уездов. Тер предложил обратиться к наркомату продовольствия с просьбой о забронировании этих семян за голодающими уездами Нижегородской губернии [21, л. 91об., 23 об.]. Настойчивость М.А. Тера возымела действие. 2 марта 1922 г. на заседании бюро губкома РКП(б) было сообщено о то, что ВЦИК оставил семена в Нижегородской губернии, правда не 200 тыс., а 155 тыс. пудов [22, л. 4]. Но и это уже было победой.

В очерке Е.Ю. Маркидоновой о М.А. Тере, написано, что в качестве одной из мер для борьбы с голодом он «предложил скорейшую конфискацию церковных ценностей (последний срок – 10 мая 1922 года) и немедленный обмен их на хлеб и другое продовольствие» [23, л. 102]. У читателя может сложиться впечатление, что именно Тер был инициатором названной меры и она осуществлялась только в Нижнем Новгороде. Однако решение об изъятии церковных ценностей на нужды го-

лодающих было принято на самом высоком уровне и оформлено декретом ВЦИК от 23 февраля 1922 г.

2 марта 1922 г. бюро Нижегородского губкома РКП (б) постановило: «Руководство и ответственность за работу комиссии по изъятию церковного имущества поручить т. Теру, причем ему и подобрать состав комиссии» [22, л. 4].

М.А. Тер был не рад этому поручению и попытался убедить товарищей по губкому, что такие комиссии должен возглавлять представитель ВЦИК. Но, когда решение было принято, Тер, с присущей ему целеустремленностью, взялся за выполнение партийного задания.

Конфискация церковных ценностей, включавших и предметы богослужения, вызвала недовольство значительной части населения. В соседней с Нижегородской губернией Шуе красноармейцам и частям особого назначения в марте 1922 г. пришлось открыть огонь по возмущенным прихожанам. Тогда партийное руководство приостановило изъятия в храмах. Однако в апреле 1922 г. после XI съезда РКП(б) они возобновились. Но согласно разосланным на места секретным телеграммам Сталина теперь члены губкомов и губисполкомов не должны были участвовать в этой работе официально или открыто. Для руководства церковной политикой в каждой губернии требовалось назначить специально выделенного ответственного работника [18, с. 470, 487, 488]. В Нижегородской губернии им стал местный коммунист по фамилии Иванов. Но и М.А. Тер не устранился от этой работы, взяв на себя, в соответствии с директивами из Москвы, ее «подготовительно-разъяснительное и агитационное» обеспечение.

27 апреля 1922 г. Тер собрал пленарное заседание Нижегородского совета. Иванов, выступивший там с докладом, заявил: «У нас в губернии изъятие церковных ценностей протекало и протекает без всяких инцидентов». М.А. Тер его поправил, сказав: «Я не согласен с товарищем Ивановым, в том, что изъятия у нас прошли хорошо, так как изъятых ценностей крайне недостаточно». Чтобы произвести впечатление на слушателей, он протянул сидящим в первом ряду леденящие душу фотографии, присланные из голодающего Поволжья Карклиным (бывшим заместителем Тера по Нижегородскому губисполкому) и продолжил: «Кто нажил те ценности, которые десятками лет собирались нашими церквями? Народ. И только для народа они и должны быть использованы». В итоге, пленум горсовета, одобряя действия комиссии по изъятию ценностей, счел, «нужным указать последней, что энергия и быстрота, которых требуют момент и необходимость, должны быть проявлены в полной мере и без всяких уклонений» [12, 1922, 3 мая; 15, л. 159–160].

С 27 марта по 2 апреля 1922 г. в Москве прошел XI съезд РКП(б). А.И. Микоян и М.А. Тер были его делегатами от нижегородской партийной организации [12, 1922, 23 марта]. Сформированный съездом ЦК избрал генеральным секретарем И.В. Сталина. Сторонники Троцкого при определении состава руководящих органов партии потерпели поражение. Чтобы добиться успеха на съезде Сталин провел большую подготовительную работу. Особая миссия была возложена на А.И. Микояна. В январе 1922 г. Сталин вызвал его из Нижнего Новгорода в Москву и сказал, что Сибирь может послать на XI съезд троцкистов. Чтобы это предотвратить, Микоян должен был срочно и неофициально «как бы по личным, семейным делам» съездить в Новониколаевск (совр. Новосибирск) и передать указания Сталина М.М. Лашевичу [5, с. 198–199].

Тот являлся доверенным лицом союзника Сталина – Зиновьева. Лашевич только что сменил на посту председателя Сибревкома очень авторитетного троцкиста – И.Н. Смирнова. Сам Смирнов был откомандирован под надзор Зиновьева в Петроград, где получил должность секретаря Петроградского комитета РКП(б).

Занимавшего эту должность Н.А. Угланова Сталин планировал перебросить из Петрограда в Нижний Новгород, о чем и рассказал Микояну. Угланов должен был войти в курс дела, а потом заменить Микояна на посту руководителя нижегородской парторганизации. Самого Микояна ждало новое, более высокое назначение [5, с. 200–201].

В феврале 1922 г. Н.А. Угланов прибыл в Нижний Новгород [12, 1922, 14 февраля]. Он был введен в бюро губкома РКП(б) и быстро освоился на новом месте. 16 мая 1922 г. бюро губкома постановило в связи с тем, что Микоян «откомандирован в распоряжение ЦК», считать Угланова ответственным секретарем [22, л. 146].

Микоян уехал на Северный Кавказ, руководить Юго-Восточным бюро ЦК РКП(б). Тер-Егизарян еще на год остался в Нижнем Новгороде. Он по-прежнему всего себя целиком отдавал работе. Его товарищи по руководству губисполкомом вспоминали «невероятную работоспособность т. Тер, его способность вести заседания по 15 часов в сутки, не теряя свежести мысли» [12, 1923, 8 мая]. М.А. Тер находил время и для общения с простыми нижегородцами. 7 октября 1922 г. на первой странице «Нижегородской коммуны» появилось объявление о том, что председатель губисполкома принимает всех граждан по средам и субботам с 10 до 4-х часов.

Такие нагрузки не могли не сказаться на здоровье Михаила Андреевича. 5 мая 1923 г. Н.А. Угланов сообщил депутатам горсовета, что Тер «в виду его болезни вынужден оставить работу и заняться ле-

чением». Руководитель нижегородских коммунистов отметил, что «крупнейшие мероприятия последних лет, переход к новой экономической политике, к жизни на местный бюджет – все это под руководством т. Тер выполнено безболезненно и успешно». Сам Тер-Егиазарян тоже присутствовал на этом заседании. Он сделал итоговый доклад о деятельности губисполкома. Говорил Михаил Андреевич, как всегда четко, прямо не обходя острые углы. Он признал, что «земледельческая часть губернии еще не оправилась от бывших неурожаев, а вновь присоединенный Курмышский уезд и сейчас испытывает голод». В Нижнем Новгороде тоже масса проблем: водопровод «дает 60 % утечки», канализация «проваливается», на откосе везде оползни, «жилищные условия невозможны». Но председателю губисполкома было и чем гордиться: Сормово прошлый год стояло без работы, «сейчас идет полной нагрузкой»; завод Фельзер, который в августе 1922 г. хотел закрыть, «завален заказами». «Заработная плата хотя и не достигла еще довоенных норм, но уже дает возможность сносного существования без неустанной мысли о куске хлеба, – перечислял Тер. – Мы уже имеем возможность содержать и поддерживать на свои местные средства такие колоссальные предприятия как водный транспорт, Сормово, заканчиваем постройку районной электростанции в Балахне»; удалось сохранить университет, педагогические техникумы, Канавинскую профтехническую школу [12, 1923, 8 мая].

После лечения и отдыха М.А. Тер-Егиазарян занимал еще ряд важных управленческих должностей. Но два года, проведенные в городе на Волге, стали самым ярким периодом его короткой жизни. Что касается А.И. Микояна, то именно в Нижнем Новгороде он впервые проявил свои качества расчетливого политика, которые помогли ему в будущем сделать блестящую карьеру на всесоюзном уровне.

Источники и литература

1. Сапон В.П. Руководство Нижегородской губернии в 1917–1918 гг.: национальное, общественное, личное // Российская история. 2016. № 3.
2. Крылова А.В. В.М. Молотов и конфликт в руководящих органах Нижегородской губернии в 1920 г. // Вопросы истории. 2006. № 12.
3. Никонов В.А. Молотов: наше дело правое. В 2-х кн. Кн.1. М., 2016.
4. Сапон В.П. «Основной силой, на которую опирались губком РКП(б) и губчека, были ЧОН». «Необходимые» дополнения П.Ф. Москвичева к воспоминаниям А.И. Микояна о событиях в Нижнем Новгороде осенью 1920 г. // Исторический архив. 2011. № 3.
5. Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.

6. Очерки истории Горьковской организации КПСС. Часть вторая. 1918–1941. Горький, 1966.
7. ГОПАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 2334.
8. Председатели исполнительного комитета Горьковского областного совета. 1921, март –1923, май – Тер (Егиазарян) Мушег Андреасович (Тер Михаил Андреевич) // Электронное периодическое издание «Открытый текст». Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/history/rushist/sovigu/predsovnn/?id=4271> (дата обращения 25.09.2017).
9. ГОПАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1840.
10. ГОПАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1858.
11. Вестник Нижегородского Губернского Исполнительного Комитета.
12. Нижегородская коммуна.
13. Годы великого строительства. Горький, 1967.
14. ЦАНО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 608.
15. ЦАНО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 690.
16. ЦАНО. Ф. 56. Оп. 1. Д.683.
17. Общество и власть. Российская провинция. 1917 – середина 30-х годов. Том I / сост.: А.А. Кулаков, Л.П. Колодникова, В.В. Смирнов. М., 2002.
18. *Поляков В.А.* Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. Волгоград, 2007.
19. ГОПАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1848.
20. Известия Нижгубкома РКП. 1921. № 11–12.
21. ГОПАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 2331.
22. ГОПАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 2332.
23. *Маркидонова Е.Ю.* Нижегородские градоначальники со времен Екатерины II до наших дней: 1785–2011. Нижний Новгород, 2011.

Богатые жители Нижнего Новгорода — объект внимания молодой советской власти (весна 1918 г.)

О.Н. Сенюткина

Придя к власти в Нижегородской губернии, большевики сразу же ощутили острый финансовый голод (который в некоторой степени был утолен захватом Госбанка). Но денег все равно катастрофически не хватало. Средства от трудового населения в казну поступали слабо, буржуазию из экономики «убрали». В этих условиях, в полном соот-

ветствии с логикой «красногвардейской атаки на капитал», в начале 1918 г. Нижегородский губернский совет стал обсуждать вопрос об обложении представителей буржуазии единовременным революционным налогом. Никаких рекомендаций из Центра о налоге не поступало: однако было известно, что В.И. Ленин поддержал проведение контрибуции на Украине [1].

22 февраля 1918 г. на экстренном заседании Нижгубисполкома после доклада комиссара-управляющего Нижегородской казенной палатой П.Е. Иванова было принято решение о единовременном обложении капиталистов «ввиду острого финансового кризиса» на сумму 50 млн рублей.

На следующий день в Нижний пришла правительственная телеграмма из Петрограда, которая узаконила практику контрибуций на государственном уровне: «...Приступайте к общему беспощадному обложению имущих классов. На защиту социалистического отечества рабочий несет свою жизнь, буржуазию же нужно заставить нести свои капиталы. За Народного комиссара внутренних дел Лацис» [Цит. по: 2]. Теперь местная власть могла действовать в соответствии с установкой центра. Задача поиска средств становилась первоочередной и важнейшей и для города, и для губернии в целом. Сормовские рабочие в случае отказа богатых граждан платить налог и их сопротивления новой власти призывали бросать «классовых врагов» в тюрьмы, а их имущество отбирать в пользу советов [3]. Эта позиция части рабочих была задана ситуацией мировой войны и голода, ей сопутствующего. Заметим, что в более поздний период советской истории, во времена сталинизма, ситуация изменится, и словесная поддержка репрессий со стороны рядовых граждан страны, которая найдет отражение в прессе будет связана с иными причинами (социалистическое воспитание, страх и т. д.).

Еще в декабре 1917 г. в Нижнем Новгороде по инициативе Нижегородского губернского совета рабочих и солдатских депутатов была ликвидирована городская дума. Ее заменила Нижегородская советская городская управа, во главе которой был поставлен профессиональный революционер, большевик С.А. Левит. Он понимал все трудности, которые надо было преодолеть новой структуре власти: «Мы, – говорил он, – вступили в управление городским хозяйством в январе 1918 года, в период страшной разрухи, при пустой кассе и при отсутствии порядка в ведении дела» [4].

В Нижегородской губернии суммы контрибуций и порядок их взимания определялись исполкомом губернского совета. Понятно, что самые большие суммы мог дать губернский центр – Нижний Новгород.

Поэтому именно к нему было приковано наибольшее внимание власти [см.: 5].

Председатель исполкома Нижегородского губернского совета И.Р. Романов на встрече с членами Нижегородского биржевого комитета [6, л. 72], проходившей 2 марта 1918 г. во Дворце Свободы (бывший дворец нижегородского губернатора), объявил о том, что состоятельные люди города и губернии должны уплатить 50 млн руб. и поручил им самим осуществить разверстку указанной суммы. Исполком распорядился провести сбор средств в течение трех дней, а 7 марта внести сумму целиком.

5 марта 1918 г. в зале Общественного собрания на ул. Большой Покровской в Нижнем Новгороде собрались состоятельные и ранее весьма влиятельные люди: члены Союза фабрикантов и заводчиков Нижегородской губернии, Союза мелких и средних промышленников, Союза домовладельцев, воротилы торгового дела, представители ремесленной управы. Все они возмущались произволом властей и утверждали, что аресты не желающих или не могущих платить не будут иметь законной силы. В городе был проведен сбор подписей в защиту нижегородской буржуазии под лозунгом «Не дадим в обиду Башкировых, Дегтяревых, Блиновых, Курепиных и др.» [7, с. 84, 86].

6 марта собрание было продолжено. В его работе приняли участие И.Р. Романов и банковский комиссар Акимов. Участники собрания потребовали от представителей власти объяснить цель сбора суммы в 50 млн руб. Романов назвал такие статьи расхода как: борьба с контрреволюцией, голодом, безработицей, укрепление советской власти. Собрание приняло решение – на эти цели не давать ни копейки.

7 марта на заседании Нижгубисполкома делегация биржевого комитета заявила об отказе платить налог. Очевидно, эта позиция была продиктована неприятием новой власти, отрицавшей частную собственность, а также верой в возвращение старого политического строя.

8 марта власть приняла решение арестовать 34 человека. Это было проявлением внесудебной практики новой власти, своеобразным актом устрашения, нажимом с целью получения денег. В список вошли: Беккер, Серебряков, Фалк, Худикьянц, И.М. Иконников, Кочетов, Веренинова, Беспалова, Гребенщиков, Марков, Сотников, Желудяков, Рукин, Чак, Дегтярев, Заплатин, Кузнецов, Окулов, Смирнов, Кох, Ратнер, Хурин, Басов, Бругсин, Вахмин, Каримов, Обжорин, Тюрин, Берендеев, Демуховский, Изак, Ластон, Сироткин, Элькин [8, л. 18–18 об.]. На следующий день после решения об аресте, 9 марта 1918 г., от разных лиц и групп начали поступать обращения с просьбой о замене тюремного ареста домашним. Так, рабочие и служащие колбасной фирмы

П.А. Берендеева просили об этом, ссылаясь на состояние здоровья владельца предприятия [6, л. 36, 37].

Имена тех, кто должен был уплатить единовременный взнос, появились в газете «Судоходец» [9]. «Рабоче-крестьянский листок» начал размещать информацию о первых арестах [10]. Уже тогда при отсутствии дома лиц, подлежащих аресту, забирали в качестве заложников их родственников. Некоторые из намеченных к аресту успели скрыться. Например, миллионер, купец первой гильдии, бывший городской голова Д.В. Сироткин: когда его роскошный дом на Верхне-Волжской набережной пришли опечатывать, оказалось, что он пуст: «ни хозяина, ни тех, кто жил в доме, ни имущества» [7, с. 87].

Для проведения обысков и арестов выписывались специальные мандаты, снабженные грифом ЧК за подписью председателя и секретаря [6, л. 37].

Реакцией на обложение налогом и первые аресты были отдельные деловые отклики со стороны заинтересованных фирм, обеспокоенных создавшимся положением и экономической нестабильностью. Тем не менее, аресты продолжались. 21 марта был арестован 60-летний А.А. Блинов за неуплату контрибуции. 6 апреля под арест попал Ф.И. Гнеушев, адвокат, активный член партии кадетов, один из бывших совладельцев Ковалихинских бань (всего этими банями владели пять человек). Доход (теперь уже муниципализированных бань) ранее составлял 10–12 тыс. руб. в год. Внести 70 тыс. руб. Гнеушев оказался не в состоянии [11, л. 50, 99, 101].

М.Н. Смирнову было предложено внести налог в размере 500 тыс. руб. После ареста хозяина в ЧК от фирмы были представлены бумаги, показывающие, что учрежденная 1 января 1913 г. фирма «Торговый Дом Митрофан Смирнов с С-ми» за все время существования получила прибыли в общей сложности на сумму 191486 руб. 60 коп. Однако «наличных денег для уплаты налога не имеет» [6, л. 146; 12, л. 36, 112, 113].

Мнения о том, кто подпадает под уплату единовременного налога, не всегда совпадали у власти и рядовых граждан. Например, 24 марта 1918 г. был арестован некто А.А. Пудов, церковный староста Нижегородской Троицкой Вернепосадской церкви с требованием, как он сам писал об этом, «уплатить на нужды Совета 35 тыс. руб.».

Выходец из бедной крестьянской семьи деревни Пичугиной Владимирской волости Семеновского уезда Нижегородской губернии, Пудов начал работать с 12 лет «в ремесленном деле». Дорос до подрядчика плотничных работ. На скопленные средства в конце жизни купил в Нижнем Новгороде два дома на Троицкой площади – один

каменный, другой – деревянный. В годы Первой мировой войны жил на проценты с капитала, помещенного в Нижегородское общество взаимного кредита.

По категоричному мнению Пудова, он никак не мог быть причислен к капиталистам («не принадлежу к буржуазии»), власть же придерживалась на сей счет своей позиции: его никто не собирался выпустить на волю и попросившись почти месяца, проведенного под стражей, Пудов написал просьбу в ЧК об освобождении. Еще ранее, через полмесяца после его ареста, на общем собрании членов приходского совета церкви, в которой Пудов состоял церковным старостой, было решено написать заявление в Нижегородский губисполком в защиту Пудова. «Приближаются великие дни страстной недели и Святого Христова Воскресенья, когда идут в Божий Храм и старый, и малый, – писали верующие, – каждый благочестивый христианин обращается к старосте за свечой и просфорой, требуются расторопность и навыки, чтобы удовлетворить желания прихожан в большом количестве ...». Документ заканчивается намеком на то, что, если к праздничным дням церковный староста не выйдет («за Пудовым нет уголовных преступлений»), то могут быть беспорядки в церкви. Подписали заявление от 9 апреля 1918 г. 26 человек [12, л. 114].

С 1 апреля 1918 г., согласно Декрету рабоче-крестьянского правительства и постановлению торгово-промышленных служащих, в нижегородских коллективах служащих создавались специальные контрольные комиссии, подчинявшиеся контрольному отделу губернского совета народного хозяйства. Одна из таких комиссий, призванная контролировать положение дел в магазине Л.З. Гец (Нижний Новгород, ул. Осыпная), после ареста владелицы магазина обратилась в ЧК с просьбой освободить хозяйку от ареста. Зная о существовании системы заложничества, комиссия предлагала в случае необходимости взять под арест вместо Лии Зальмановны ее сыновей – 25-летнего Даниила и Матария (в возрасте 21 года). 20 апреля 1918 г. губсовнархоз просил губчека, как сказано в обращении, «удовлетворить просьбу служащих Гец, то есть посадить сына вместо матери на 15 дней» [6, л. 61; 12, л. 107].

Таким образом, начинал использоваться институт заложничества. Например, после определения контрибуции в 50 тыс. руб., В.Ф. Булычова, не имея возможности ее уплатить, оказалась в тюрьме. Но через некоторое время была заменена сыном, возвратившимся с Кавказского фронта, тоже не блиставшим здоровьем: он болел цингой и ревматизмом, полученными в окопах. Булычова объясняла в своем заявлении в ЧК, что «Торговый Дом А.В. и В.Ф. Булычовы», половиной

собственности которого она владела, уже два года как прекратил все операции, весь товар был реквизирован, равно как и деньги, находившиеся на счетах в банках [11, л. 66].

3 апреля в ЧК поступило заявление на красивом фирменном бланке от контрольной комиссии склада «Д. Ламонов. Нижний Новгород» с просьбой освободить владельца предприятия Д.Д. Ламонова: «просим освободить немедленно». Тон обращения меняется в следующем заявлении: «покорнейше просим освободить, так как 150000 налога уплатить не можем». Объяснялась невозможность уплаты «упадком производства во время войны» [6, л. 45, 64].

4 апреля 1918 г. был арестован управляющий пароходством, сын его владельца, члена партии кадетов П.Д. Яргомского – Д.М. Яргомский. Ему было предложено уплатить сумму в 100 тыс. руб. [11, л. 28 – 28 об.]. В тот же день был арестован сын домовладелицы на улице Ильинской – Т.М. Бузиной, в качестве заложника за мать [12, л. 111 – 111 об.].

Члены Союза нижегородских приказчиков просили ЧК освободить балчужного торговца Я.А. Белица, арестованного за неуплату налога в 50 тыс. руб. Вместе с ними обратилась и жена торговца [12, л. 3].

Анализ документов, имеющихся в использованных нами единицах хранения фондов ЦАНО, позволяет утверждать, что комиссии, занимавшиеся вопросами взимания контрибуции, часто не учитывали состояние финансовых дел у тех лиц и в тех предприятиях, с которых эти платежи должны были быть получены.

После ареста 5 апреля 1918 г. директора-распорядителя акционерного общества «Хива» М.И. Лапшина, не уплатившего 75 тыс. руб. налога, служащие рыбного отдела общества решили сами вести дело и для этого создать трудовую артель. Но вскоре поняли, что опыта для управления в тех масштабах как велось дело ранее они не имеют. Рыбное дело велось на огромной территории от Нижнего Новгорода до Аральского моря. Волжское пароходство действовало теперь как национализированное – и деловые отношения с ним тоже требовали навыков и умений. Объясняя сложившуюся ситуацию, служащие утверждали, что «Лапшин считался богатым лишь вследствие своей недоужинной предприимчивости, давшей предприятию ценное имущество, стоимость которого значительно превышала основной капитал... Присутствие Лапшина при переходе рыбного предприятия в руки трудящегося класса неотложно необходимо» и просили его освободить. В ближайшее время после обращения из бывшего общества «Хива» в нижегородский совдеп пришла телеграмма из Москвы с требованием «никаких самочинных обложений на рыбный промысел не учинять, напротив всячески ему помогать». Естественно, что подобное указание было

связано не с судьбой Лапшина, а с усилиями власти выйти из кризиса. Жена же Лапшина продолжала хлопотать за мужа, указывая на его преклонный возраст, прикладывая к заявлениям справки о его болезнях, убеждая в том, что все имущество, которым он ранее владел (пароходы, курсировавшие по Волге и рыбные промыслы), ему уже не принадлежит, и, стало быть, взять с него нечего. И даже просила, «если окажется нужным ... подвергнуть аресту сына» [12, л. 4, 12, 27–28].

Поток обращений в ЧК от отдельных лиц и учреждений по поводу возможного освобождения из-под стражи не уплативших контрибуцию не прекращался. Обращение Нижегородского биржевого комитета было оставлено без внимания, как и все прочие. Находящиеся под арестом должны были выполнять принудительные общественные работы.

8 апреля 1918 г. в губернском центре было объявлено нижеследующее: «По постановлению Комиссии (Нижгубчека – прим. авт.) для сведения всех капиталистов г. Нижнего Новгорода, заключенных за невзнос наложенной на них контрибуции, что каждому из них представляется в течение трех дней (9, 10, 11 апреля) внести полностью все суммы обложения. В противном случае – национализация их домов и конфискация их имущества, каковое будет продаваться с аукциона; до тех пор, пока не будет выручена от продажи имущества сумма обложения каждого, эти лица будут содержаться в заключении...». Аналогичное постановление вышло из исполкома Нижегородского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [6, л. 101, 129]. После ознакомления с документами арестованных начали отпускать на свободу. Началась волна обысков, описей имущества и конфискаций. Многие оставались в тюрьмах до конца мая.

Из истории чрезвычайного налога на Нижегородчине, которая развертывалась с начала 1918 г. и продолжалась до окончания весны, можно сделать следующие выводы. По логике новой власти, обложение буржуазии налогом в крупных размерах было не только актуально и оправданно, но и вполне объяснимо и уместно в условиях достаточно болезненного становления государственных органов, не желающих идти ни на какие компромиссы с имущими слоями населения. Сама идея обязательности контрибуции проистекала из реальной угрозы дальнейшему существованию новой власти, не имеющей тогда экономической основы жизнедеятельности.

Нижегородские большевики в числе первых представителей региональных властей пошли на организацию единовременного чрезвычайного налога, который был поддержан центром. Состоятельные люди губернского центра и губернии в большинстве своем пошли навстречу распоряжениям Нижегородского губернского совета рабо-

чих, солдатских и крестьянских депутатов и поддержавшей его советской городской управы. Но ожидаемые властью результаты не были достигнуты: из намеченных к уплате 50 млн руб. удалось взыскать лишь 6,4 млн. Тем не менее, весомость вклада можно понять, учитывая, что весь бюджет Нижегородского губернского совета за 1918 г. составлял около 8,5 млн руб. [7, с. 95]. Понятно, что классовые противники советов всячески противились новой налоговой политике, исполняемой в условиях чрезвычайек, хотя в дело были пущены аресты, взятие заложников, содержание под стражей, принудительные работы. По сути, репрессивная политика советской власти была специфическим выражением гражданской войны, трагедии для всего населения России.

Источники и литература

1. История УФНС России. Нижегородская область [Электронный ресурс] // URL: https://www.nalog.ru/rn52/about_fts/fts/history_fts/history_ufns/ (дата обращения – 11.07.2017).
2. Харламов В. Нелегкая доля чекиста // Нижегородская правда. 2011. 26 марта.
3. Рабоче-крестьянский нижегородский листок. 1918. 3 марта.
4. Не выбранный, но назначенный // Нижегородские градоначальники. История местного самоуправления города Нижнего Новгорода от начала до наших дней [Электронный ресурс] // URL: <http://нижнийновгород.рф/references/mauog/levit.htm> (дата обращения – 11.07.2017).
5. Сеньоткина О.Н., Царев М.Ю. Единовременный налог на богатых (проявление репрессивной политики рождающихся органов советской власти в Нижегородской губернии весной 1918 года) // Мост (Язык и культура). 2004. № 13. С. 52–57.
6. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 1099. Оп. 1. Д. 2.
7. Колябин В.В., Харламов В.А. Яков Воробьев. Горький, 1983.
8. ЦАНО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 7.
9. Судоходец. 1918. № 3.
10. Рабоче-крестьянский листок. 1918. 10 марта.
11. ЦАНО. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 3.
12. ЦАНО. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 4.

Дело поручика Громова

В.И. Андрюхин

Одной из загадок Гражданской войны на территории Нижнего Новгорода и губернии стал так называемый «заговор поручика Дмитрия Громова». Речь идет об аресте в начале 1918 г. довольно большой группы контрреволюционеров. Арест проводился военно-революционным комитетом большевиков.

Историкам этот эпизод известен главным образом по корреспонденции в газете «Рабоче-крестьянский Нижегородский листок». Вот отрывок из этой публикации:

«Как член штаба укомплектования добровольческих отрядов для отправки на Дон, Дмитрий Громов приехал в Нижний и вступил в сношение с так называемыми “общественными деятелями”, оставшимися не у дел – Демидовым, Килевейном, Панютиным и Башкировым, которые обещали ему финансовую поддержку. Благодаря им же он вступил в контакт с местными организациями белогвардейцев, во главе которых стояли прапорщик Ещин, студент Варшавского политехникума Рейнин, Н. Бирин (“Синий кирасир”). Вскоре Громов встает во главе всех организаций белогвардейцев, объединенных в офицерский батальон. В состав батальона входили офицеры, кадеты, студенты и т. д.

Батальон располагал также оружием – винтовками и пулеметами, привезенными из Москвы. Склады оружия, между прочим, были у Рейнина и в Ново-Ярмарочном соборном склепе, доходящим до воды...

Белогвардейцы через посредство денщика прапорщика Гаврилова, Паныка, скупали солдатские вещи для своего батальона» [1].

В советское время эта информация воспринималась без малейшей критики, а самого поручика Громова даже именовали чуть ли не личным адъютантом генерала Корнилова, якобы специально прибывшим в Нижний Новгород для свержения красной власти. Историки говорили и о том, что арест Громова позволил выявить крупную белогвардейскую сеть в Москве [2, с. 144–145]. И на этом, пожалуй, все.

А в постсоветский период этот эпизод был поставлен под большое сомнение. В одной из книг по истории политических репрессий советского периода даже утверждается, что эпопея Громова якобы была целиком и полностью выдумана Военно-революционным комитетом

для того, чтобы был повод для создания губернской ЧК [3, с. 22]. Это утверждение не подкреплено никакими фактами.

Что же на самом деле произошло ранней весной 1918 г.? Для изучения этого дела автору пришлось ознакомиться с некоторыми материалами Центрального архива Нижегородской области, архива УФСБ России по Нижегородской области и Центрального архива ФСБ РФ. По изученным данным выявляется примерно следующая картина событий.

В самом конце февраля 1918 г. на одной из нижегородских квартир был арестован приехавший из Москвы бывший поручик 7-го Финляндского полка Дмитрий Громов. Что послужило непосредственной причиной ареста, и кто сообщил Военно-революционному комитету об этом человеке, неизвестно до сих пор. Тем не менее, он на допросах дал весьма интересные показания.

Из показаний поручика Громова:

«Я, Дмитрий Громов, бывший командир батальона 199-го запасного полка в промежутки времени с апреля по август 1917 года. С августа по 24-ое ноября 1917 года я был назначен командиром роты в 7-ой Финляндский полк, где был также временным командиром батальона.

22-го октября я получил месячный отпуск на родину в г. Пошехоны Ярославской губернии, где и пробыл до 23-го ноября, когда я отправился в Москву. Здесь в Москве приблизительно 25–26 ноября я встретил знакомых офицеров Тарасевича, Подбережского, Переяславцева и Захарова, которые предложили мне вступить в ряды Добровольческой армии, формированием которой в Москве ведали графиня Ланская Александра Николаевна (она же Оболенская и фон Розен), Халафов Константин Моисеевич, Кривошеин Василий Васильевич, инженер Бари, имени и отчества которого не знаю, и Свешникова Софья Евгеньевна. Вместе мы отправились к Ланской, которая дала мне сначала 55 рублей на дорогу в гор. Новочеркасск, где находился штаб по укомплектованию Добровольческой армии, затем 2000 рублей на Нижегородскую организацию и еще 50 рублей на дорогу в Нижний Новгород. Цель организации Добровольческой армии была: Учредительное собрание и воссоздание мощной армии для отпора немцам. В Москве о других целях не говорилось. В Новочеркасске к этим целям присоединилась еще – оказать отпор Советским войскам.

Гражданина Бари я лично не знаю и никогда в бытность мою в Москве не встречал. Также не знаю Кривошеина и Халафова. От Свешниковой я слышал, что Бари, Халафов и Кривошеин снабжали офицеров деньгами, обмундированием и отправляли их на Дон в Ново-

черкасск. Знаю, что до 26 ноября было в Москве бюро по организации ударных частей еще при Керенском, в состав которого входили Кривошеин, Малышев и Свешникова. Бюро это ликвидировано и 26 ноября прекратило свое существование. Одновременно с этим бюро существовала и организация по созданию Добровольческой армии, в которую я поступил. Относительно снабжения офицеров, юнкеров и других приезжающих на Дон знаю, что деньги с обмундированием давал Бари, в сумме от 50 до 100 рублей на дорогу в Новочеркасск. Делалось это часто через Халафова и Кривошеина. Относительно вольноопределяющегося Лесли. Настоящая его фамилия Николаев Николай, знаю, что он получил около 1500 рублей от Бари для передачи другим офицерам, которые должны были ехать на Дон. В Новочеркасске возникло подозрение, что Лесли растратил эти деньги, и я был командирован в Москву 13 декабря, чтобы расследовать это дело и хотел зайти по этому поводу к Бари, но меня предупредила Свешникова, что надобности нет, так как все улажено. 5 января сего года я уехал из Москвы в Нижний Новгород для вербовки новых добровольцев, имея поддельные документы, переданные мне Свешниковой в незапечатанном пакете, на котором красным карандашом была сделана надпись: «От Халафова». 9 января я вернулся в Москву, пробыл здесь до 11 января и уехал обратно в Нижний Новгород, где 21 февраля был арестован Революционным штабом и препровожден в штаб Московского военного округа.

Дополнительно показываю, что в конце января месяца отправки добровольцев из Москвы уже не было и таковые отправлялись в Астрахань, причем ясно указывалась цель: отправка этих добровольцев на Дон для отпора большевикам и немцам. Оставшиеся в Москве добровольцы должны были бороться с большевиками...» [4, с. 1–2].

Перед нами классическая подпольная белая офицерская организация раннего периода Гражданской войны, созданная эмиссарами Добровольческой армии для вербовки и отправки людей на Дон. Видимо, эта организация также имела и параллельный план восстания непосредственно в Нижнем, на случай обострения политической ситуации. Для финансирования такого рода подпольной деятельности Громов сумел привлечь местную бизнес-элику, вроде купца Башкирова – по данным ЧК, на нужды организации нижегородские богатеи выделили 17 тыс. руб., еще 30 тыс. были отправлены на Дон [4, с. 4].

Поручик Громов, очевидно, исполнял обязанности курьера в московском вербовочном бюро Добрармии, курсируя между столицей, Нижним и Новочеркасском. Затем окончательно перебрался в Нижний Новгород, где возглавил местных «добровольцев».

Примечательно, что большевики пытались детально и даже объективно разобраться со всей этой эпопеей. Так, свое участие в белом подполье категорически отрицали крупные капиталисты, которых назвал Громов. Тот же Башкиров на допросе категорически заявил членам Военно-революционного комитета, что Добрармия – это авантюра, и денег на нее он никогда не давал и не даст. И вообще, по его словам, все затеяла зеленая молодежь, слишком наивная для такого рода дел [4, с. 5].

На мой взгляд, Башкиров просто хитрил и водил следствие за нос – на самом деле он выдавал деньги заговорщикам. Но доказательств, кроме слов Громова, не было, поэтому все обвинения против буржуазии постепенно отпали.

В итоге под следствием остались только офицеры – Громов, прапорщики Николай Федоров и Леонид Ещин (кстати, сын известного лидера нижегородских кадетов Евсея Ещина), студент из Варшавы Евгений Рейнин (прозвище – «Синий кирасир»). Их дело поначалу было передано в губернский революционный трибунал. Первое заседание по этому делу было намечено на 23 апреля 1918 г. [5, с. 3]. Однако делом заинтересовалась ВЧК – ведь все нити белого подполья вели в Москву. Особенно были интересны графиня Ланская, инженер Бари, София Свешникова, а также приват-доцент Московского университета И.А. Ильин.

Речь идет о том самом Иване Ильине, который позже, уже в эмиграции, станет одним из самых видных теоретиков русской национальной мысли (его прах совсем недавно перезахоронили в Донском монастыре). А в начале 1918 г. Ильин подозревался в активной антисоветской борьбе.

Главным в белом подполье, как выяснили уже московские чекисты, был столичный промышленник Владимир Бари. Владимир Александрович происходил из богатой семьи фабрикантов, которая покровительствовала российской технической науке, в том числе и известному инженеру-строителю В.Г. Шухову. Знали Бари и в Нижнем Новгороде – на ярмарке у принадлежащего им медно-литейного механического завода был постоянно действующий павильон, представлявший заводскую продукцию, вроде паровых котлов.

Октябрьскую революцию семья не приняла – в ходе октябрьских боев 1917 г. между большевиками и их противниками в Москве Владимир Бари активно действовал на стороне белых, помогая им телефонной связью. А уже после революции он активно включился в заговорщическую деятельность. Явногодились ему и нижегородские

связи, позволившие ему подключить нижегородцев не только к финансированию, но и к прямому участию в вербовочном бюро.

Советские историки отмечали: «14-го апреля 1918 года была арестована организация, в центре которой стоял известный в Москве заводчик В.А. Бари. Членами организации кроме него были бывшие офицеры Громов, Кривошеин, графиня Н. (Ланская – прим. авт.), приват-доцент Ильин, Халафов и другие. В задачу организации входило снабжение материальным и людским составом отрядов Корнилова и Каледина на Дону. В найденных у Бари счетах организации отмечен большой приход, по-видимому пожертвований от лиц, скрытых инициалами. Специальное лицо было занято формированием отряда в 1500 человек для отправки на Дон в Добровольческую армию. Графиня Н. приобрела 1000 пар сапог на деньги, полученными от Бари. В бумагах имеется указание на существование конспиративного “кабинета воссоздания России”» [6, с. 16].

Вот такую цепочку удалось раскрутить благодаря бдительности нижегородских большевиков. Это дело получило тогда широкую огласку, и оно находилось под личным контролем председателя ВЧК Феликса Дзержинского, который сам вел допросы заговорщиков.

Владимира Бари, имевшего американское подданство, выпустили из тюрьмы под гарантии консульства США. На свободе, под честное слово являться на допросы, оказались и другие – бывший штабс-капитан Василий Кривошеин (жених младшей сестры Владимира Бари), офицер Константин Халафов, профессор Иван Ильин. Другим столпным руководителям белого подполья, кого называл поручик Громов – Ланской, Свешниковой, инженеру Жилинскому и др. – удалось скрыться [7, с. 281–283].

Дело Леонида Ещина, Громова и других нижегородских офицеров было выделено в отдельное производство. Его мне обнаружить не удалось, но, судя по всему, часть этих офицеров (вроде Ещина) также были отпущены до суда под честное слово.

В конце декабря 1918 г. состоялось судебное заседание Московского революционного трибунала. Однако все главные обвиняемые, кроме Ивана Ильина, скрылись и на суд так и не явились [7, с. 284].

В материалах уголовного дела хранится запрос наркомата иностранных дел по поводу Владимира Бари, где говорится о том, что консульство США опасается наступления кайзеровской Германии, чьи войска тогда стояли под Смоленском, на Москву – и потому требует от всех своих подданных немедленного выезда за пределы России. Очевидно, что Бари воспользовался этим обстоятельством, чтобы выехать из Советской республики – реакции ревтрибунала на запрос из наркомата.

мата почему-то не последовало, и наркомат дал разрешение на выезд [7, с. 280]. Думается, что произошло это из-за слабости советских органов власти первого послереволюционного года, когда разные учреждения действовали вразнобой, без должного сотрудничества и даже не всегда отвечали за запросы друг друга (чем и воспользовался Бари для получения паспорта и побега из России).

Проявилось это и в отношении Халафова и Кривошеина. На заседании революционного трибунала их адвокаты (по тогдашней терминологии – правозаступники) сообщили, что обвиняемые не могут явиться, так как якобы еще летом их вызвали на регистрацию на территорию бывшего Алексеевского военного училища как бывших офицеров (по результатам регистрации они могли быть направлены либо на фронт, либо в фильтрационный лагерь, либо подвергнуты аресту как заложники). Что именно случилось с Кривошеиным, до сих пор неизвестно (я не исключаю, что ему удалось избежать регистрации и бежать за границу вместе с Бари, потому что одновременно вместе с ним исчезла и его невеста, сестра инженера). А вот насчет Халафова его адвокат предоставил трибуналу справку, что тот якобы был призван в Красную Армию по 4-й волне мобилизации, и 23-го августа 1918 г. отбыл на фронт. Если это так, то очевидно, что в 1918 г. мобилизация в Красную Армию шла без должной координации с судебными органами и со спецслужбами [7, с. 278].

В итоге Московский ревтрибунал судил только одного Ивана Ильина. Следствие вменяло ему главным образом факт получения 8 тыс. руб. от Бари. Ильин все время это отрицал, особенно участие в подпольной белой организации – по его словам, он никогда не состоял ни в каких партиях, поскольку, как верующий человек, всегда считал любую партийную деятельность вредной для России. Был знаком с графиней Ланской, но только потому, что доставал через нее продукты питания, с которыми тогда в Москве было очень туго. Знал он и инженера Бари.

Вот что Ильин заявил уже на судебном процессе:

«Я познакомился с Бари через одного знакомого профессора, родственника Бари. Он часто посещал мои публичные лекции и был от них в восторге. Спрашивал: почему я не публикуюсь. Я отвечал: что для этого нет денег. Бари мне возразил, что это легко устроить, что он поможет издать мои произведения и попросил, чтобы я зашел к нему на квартиру. Через некоторое время я явился к Бари и взял у него для издания 8 тысяч рублей. Но это тяготило меня, деньги я не использовал. Нашелся потом издатель Леман, который согласился издать мои произведения без затрат с моей стороны. Тогда я с облегчением вернул деньги Бари» [7, с. 318].

Трибунал счел эти объяснения исчерпывающими и снял с него все обвинения – приват-доцент Иван Ильин вплоть до своей высылки за границу в 1922 г. продолжал преподавать в Московском университете.

Что касается остальных обвиняемых – Халафова, Кривошеина и Бари – они были заочно приговорены к расстрелу [4, с. 15].

Таким образом, большевикам по «делу Громова» реально до суда удалось довести только нижегородских офицеров во главе с Громовым (кроме Леонида Ещина, который скрылся за линией красно-белого фронта, попав в армию адмирала Колчака). В январе 1919 г. «Известия ВЦИК» сообщили:

«В Московском революционном трибунале 2-го января было рассмотрено дело бывшего поручика Д.А. Громова, находившегося в связи с рассмотренным на днях делом американского гражданина Бари и с делом скрывшихся от суда графини Ланской и Софии Свешниковой. Графиня Ланская, как известно, имела на Новинском бульваре штаб-квартиру контрреволюционной организации по вербовке и отправке людей на Дон. Бари оказывал крупную финансовую поддержку.

Революционный трибунал признал бывших офицеров: Д.А. Громова, А.Н. Манилова, Н.Г. Андреева, Е.С. Петрова, Е.Н. Рейнина и Н.В. Федорова виновными в участии контрреволюционной организации против Советской власти в защиту Учредительного собрания. Однако в виду отбытия подсудимыми предварительного заключения до одиннадцати месяцев и принадлежности всех, кроме Рейнина, к немущему классу, Трибунал постановил от дальнейшего наказания всех освободить как граждан, неопасных в настоящее время для революции» [8].

Мне могут возразить, что дело развалилось не столько потому, что скрылись самые главные участники белого подполья, а в связи с отсутствием серьезных улик у большевиков. И даже – вся история могла быть полностью инсценирована ЧК. Полагаю, что это белое подполье было реальным, и об этом говорят многие факты. В этой связи весьма интересным выглядит обвинительное заключение Московского ревтрибунала. В частности, на основе показаний обвиняемых там говорится о том, что организация Бари являлась частью белой Добровольческой армии, которая в конце 1917 – начале 1918 г. формировалась на Северном Кавказе. Правильно названы и главные организаторы армии на то время – генералы Каледин, Корнилов и Николай Эльснер (начальник снабжения, в том числе ведавший и вопросами переброски офицеров на Дон) [7, с. 90].

Напомню, что обвинение составлялось в 1918 г., когда большевики имели еще самое смутное представление о «добровольцах», кото-

рые еще не считались главными противниками советской власти. Поэтому сведения об организаторах армии могли дать только люди, которые имели непосредственные контакты с Доном – в этом случае речь как раз идет об организации Бари.

В этой структуре сам Бари выделял и находил деньги для переправки офицеров на Дон, графиня Ланская занималась самой отправкой. Ее помощницей являлась София Свешникова, курсистка Московского коммерческого института. Офицеры Халафов и Кривошеин непосредственно контактировали с завербованными офицерами и прочими добровольцами, ездили для связи в другие города России – Петроград, Тамбов, Рязань, Нижний Новгород и другие.

А вот что поведал в своем письме Московскому трибуналу сам Владимир Бари (письмо он оставил перед побегом из России):

«После Октябрьского переворота борьба с Германией была еще не закончена. Россия находилась в состоянии войны и на фронте непрерывно происходили столкновения. Я знал, что в кругах бывших союзников России не пропала в то время надежда, что Россия вместе с ними может дать еще отпор германцам. И у меня лично не пропала надежда на то, что русская армия еще найдет себя, и что в России найдутся силы для того, чтобы защитить свои границы... А так как моя страна (то есть США) продолжала оставаться в состоянии войны с Германией, то я считал полезным поддерживать все то, что может способствовать сохранению и восстановлению боеспособности русской армии. Вот почему, когда ко мне приходили офицеры и просили помочь уехать из Москвы и прибавляли, что едут на Дон, где формируется Добровольческая армия, и что эта армия ставит целью создания дисциплинированного ядра, которое могло бы дать отпор немцам, когда они мне все это говорили, то это не являлось для меня препятствием в том, что я этим людям помог уехать, ибо они ехали для той цели, которой я сочувствовать не только мог, но и должен быть.

Дальнейшие события подтвердили правильность моей точки зрения и показали, что соображения о необходимости дать отпор немцам были не напрасным предположением, а диктовались самой действительностью.

Так продолжалось примерно до марта месяца, когда был заключен Брестский мирный договор. С заключением формального мира между Россией и Германией, когда военные действия должны были прекратиться, я перестал оказывать помощь тем, кто собирался ехать для организации отрядов для борьбы с немцами» [7, с. 91–94].

Таким образом, Бари сам признался в том, что оказывал помощь и поддержку Добровольческой армии – хотя и пытался убедить, что действовал вовсе не против советской власти, а исключительно с целью борьбы с Германией.

Думаю, что здесь инженер хитрил. Ведь Добровольческая армия не скрывала своих целей – война с Германией и свержение большевизма, который белыми рассматривался как немецкий союзник. Об этом же говорил в своих показаниях и поручик Громов (см. выше). Кроме того, следователи трибунала установили, что на самом деле Бари продолжил поддерживать добровольцев и после заключения Брестского мира.

Также трибунал обратил внимание на поддельные бланки и печати, коими активно пользовались как завербованные офицеры, так и курьеры организации, что само по себе свидетельствует о подпольной, незаконной деятельности. Кстати, сам Бари дал по этому поводу весьма туманные объяснения. Бланки, по его словам, нужны были якобы на случай прихода немцев в Москву, а приобрел он их у некоего неизвестного лица [7, с. 87]. Согласитесь, что выглядит такое объяснение весьма неубедительным и рассчитанным на очень уж наивную публику.

О реальном существовании белого подполья в Нижнем говорят и некоторые белогвардейские источники. Так, в 1968 г. в эмигрантском журнале «Часовой» вышла статья, посвященная сопротивлению большевизму на заре Советской власти. Ее авторы, Л. Бек и Б. Годлевский, по всей видимости, имели какое-то отношение к Нижнему Новгороду. Ибо они со знанием дела писали следующее:

«Вскоре после октябрьского переворота в Нижний Новгород приехали из Петербурга и из Москвы юнкера разогнанных большевиками военных училищ и школ прапорщиков, а с фронта много штаб- и обер-офицеров.

Поздней осенью 1917 года офицеры из Нижнего и других городов уезжали на Юг к генералу Корнилову. Но пробраться из Нижнего на Кубань было в то время трудно. Некоторые группы офицеров, чудом избежав в Царицыне ареста и расстрела, возвращались в Нижний» [9, с. 425–426].

На наш взгляд, белое подполье в Нижнем провалилось из-за неопытности его членов – офицеры конспираторами были явно никудышными. Организация разрослась до таких размеров, когда либо надо было действовать, подняв вооруженный мятеж, либо уходить к своим на юг. В противном случае, на разросшуюся подпольную структуру рано или поздно обратили бы внимание большевики. Так

оно, по всей видимости, и случилось: регулярные и плохо законспирированные офицерские собрания попали в поле зрения военно-революционного комитета, вызвав там немалый переполох. Самая поверхностная проверка сразу выявила угрозу белого заговора. И большевики, со свойственной им молниеносной реакцией, решили действовать на упреждение, взяв под арест всех, на кого пало подозрение. Первым был арестован поручик Громов, а потом и все остальные.

Скорее всего, большевики хотели провести большой показательный судебный процесс по этому делу – ради этого не стали даже трогать обвиняемых офицеров, несмотря на разгул красного террора в августе-сентябре 1918 г. Однако в силу неопытности и непрофессионализма первых советских государственных учреждений и силовых ведомств всем главным обвиняемым удалось скрыться, до суда удалось довести только Ивана Ильина и некоторых нижегородских офицеров. Все они в итоге были отпущены на свободу.

К этому факту можно по-разному относиться, но очевидно, что большевики, упустив главных организаторов белого подполья, все же не опустили до мести его исполнителям.

Источники и литература

1. Рабоче-крестьянский Нижегородский листок. 1918. 24 марта.
2. Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Т. 1. М., 1980.
3. Политические репрессии в Нижегородской области. 1917–1953 / сост. и отв. ред. С.А. Смирнов. Н. Новгород, 2016.
4. Архив УФСБ России по Нижегородской области. ОФ-31 (Материалы о деятельности НижГубЧК (1969 г.)). Т. 4.
5. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 1678. Оп. 8. Д. 2.
6. Владимирова В. Год службы «социалистов» капиталистам [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.me/books/god-sluzhby-socialistov-kapitalistam-read-53068-1.html> (Дата обращения – 24.06.2017 г.).
7. Центральный архив ФСБ РФ. Р-49033. Дело по обвинению Бари, Халафова, Кривошеина, Ильина и др.
8. Известия ВЦИК. 1919. 5 января.
9. Бек Л., Годлевский Б. Ярославское восстание 1918 года // Сопровождение большевизму в 1917–1918. М., 2001.

Нижегородская милиция в первые годы советской власти (1918–1928)

А.В. Беляков

События 1917 г. в России оказали серьезное влияние на социально-политическое развитие не только страны, но и мира. Одним из символов новых общественных отношений в России явилась милиция – вновь учрежденный орган охраны общественного порядка, представлявший, как и другие учреждения, советскую власть. 30 июля 1918 г. состоялся первый съезд председателей губисполкомов и заведующих отделами управления с участием председателя СНК РСФСР В.И. Ленина [1, с. 20–23]. Одним из важнейших решений съезда стала резолюция об организации советской милиции [2, с. 4]. Отделы гражданского управления реорганизовывались в отделы управления, одним из трех подотделов которых стал подотдел милиции [3, л. 2].

Нижегородское губернское управление милиции и его структурное подразделение уголовного розыска с осени 1918 г. располагалось на улице Малая Покровская в здании, где сегодня находится больнично-поликлинический комплекс Управления ФСБ России по Нижегородской области. Важным обстоятельством явилось то, что заведующий подотделом милиции отдела управления губисполкома по должности являлся заведующим управлением милиции губернии. К сожалению, в краеведческой литературе нет точного перечисления нижегородских руководителей милиции за октябрь 1918 – декабрь 1928 г.). Мы о них напомним.

Таблица

Заведующие подотделом милиции отдела управления Нижгубисполкома, руководители милиции Нижегородской губернии. 1918–1928 гг.

№ п/п	Ф. И. О.	Социальное происхождение	Возраст	Предыдущая должность	Срок
1	2	3	4	5	6
1.	Мельников В.С.	Рабочий	24	Председатель профсоюза	20.10.1918– 03.04.1919
2.	Криппен Я.П.	Неопред.	23	Председатель Канавинской ЧК	04.04.– 30.06.1919

Окончание таблицы

3.	Шибабев П.И.	Рабочий	28	Инструктор губмилиции	01.07.– 12.08.1919
4.	Сенцов М.К.	Крестьянин	24	Член Нижгуб- испокома	13.08.– 30.09.1919
5.	Андреев И.А.	Рабочий	29	Зав. ж/д милицией	01.10.– 30.11.1919
6.	Сергиевский С.П.	Рабочий	28	Зав. милицией Нижегородского уезда	01.12.1919– 08.03.1921
7.	Андреев И.А.	Рабочий	31	Зав. Днепро- Двинским управлением милиции	11.03.– 11.08.1921
8.	Пырков А.С.	Крестьянин	34	ПУР РВС Республики	12.08– 14.10.1921
9.	Тюрин М.Н.	Рабочий	24	Зав. Сергачской уездной мили- цией	15.10– 22.02.1923
10.	Тройченко Д.В.	Рабочий	40	Нижгубвоенком	01.03.– 27.02.1929

Первым заведующим подотдела милиции отдела управления Нижгубисполкома был назначен Владимир Степанович Мельников, 24 лет, коммунист, председатель профсоюза кожевников, имеющий опыт агитационно-массовой работы с 1912 г. [4, л. 188]. При ответе на распоряжение НКВД РСФСР от 9 октября «Может ли быть милиция действительной и верной защитницей революции?» [5, л. 1], обобщив данные, направил следующие сведения: «Революционность и политическая благонадежность по докладам начальников уездных управлений милиции преувеличена. Общая развитость слаба» [5, л. 20]. В.С. Мельников в соответствии с распоряжениями центральной власти отмечал необходимость исполнительской дисциплины применительно к воинской в органах милиции [6, л. 8–11].

Для проведения агитационно-массовой работы по подбору новых кадров милиции Нижегородским губкомом выделилась группа инструкторов губернской милиции. При их участии к концу 1918 г. был сформирован новый состав милиции из представителей рабочих и крестьян. Лица, служившие в полиции, в милицию не принимались. Инструкторами являлись: В.И. Буров, А.А. Ермаков, К.А. Есин, А.К. Клепиков, М.Н. Краев, Н.И. Карр, П.И. Шибабев.

Яркое, доходчивое слово агитаторов имело большое значение. Так, по докладу К.А. Есина, в четвертом участке нижегородской го-

родской милиции собрание постановило «всеми средствами поддерживать рабоче-крестьянскую власть и меры, направленные к освобождению трудящихся масс от капитализма». Милиционеры Выксунского горного округа 24 декабря 1918 г., заслушав доклад П.И. Шибаева о текущем моменте и о том, «какая партия защищает трудовой народ», постановили: «Соблюдать революционный порядок и защищать всеми силами Советскую власть» [7, л. 103].

На состоявшемся 23–24 декабря 1918 г. съезде нижегородской рабоче-крестьянской милиции были установлены штаты городской, уездной милиции и уголовного розыска [8, л. 105]. Съезд постановил, чтобы начальники губернской и уездных милиций входили в состав отдела управления губернского (местного) исполкома на правах члена коллегии. На нем были определены функциональные обязанности должностных лиц в милиции.

На 1 января 1919 г. в рядах нижегородской губернской милиции состояли: заведующий подотделом милиции отдела управления Нижгубисполкома, секретарь и 12 сотрудников. В партийном отношении из 12-ти заведующих уездными управлениями милиции было шесть коммунистов, два кандидата в члены партии и четыре сочувствующих политике партии. Общее количество милиционеров в губернии составляло 960 человек, из них 180 – коммунисты.

В циркуляре Нижгубкома РКП(б) от 8 марта 1919 г. в уездные комитеты губернии отмечалось: «Революция, разрушив старый аппарат полиции, построила новый аппарат милиции. Но, к сожалению, до последнего времени на милицию органы управления не обращали внимания. Как само построение милиции, так и ее командный и рядовой состав не соответствовали своему назначению во многих местах. Уездным комитетам на милицию следует обратить серьезное внимание. Это особенно необходимо сейчас, когда уездные чрезвычайные комиссии расформированы, а милиция должна играть большую роль в борьбе с контрреволюцией. Поэтому необходимо влить коммунистов из среды рабочих и крестьян. Все старые полицейские, как из среды комсостава, так и из рядовых должны быть изъяты. Кроме этого, необходимо усилить партийную работу среди милиционеров» [9, л. 1].

Были приняты к исполнению базовые нормативно-правовые документы: декрет 3 апреля 1919 г. «О советской РКМ» [6, ст. 67], Положение «О железнодорожной охране (милиции)» [10, л. 56–59], инструкции ГУМ об употреблении оружия сотрудниками милиции [6, л. 13] от 8 марта 1919 г. № 271 по производству дознания [6, л. 41–42] и др.

С начала апреля и по июнь 1919 г. заведующим подотделом милиции Нижгубисполкома являлся Ян Петрович Криппен. Член РСДРП(б). В Нижегородской губернии с 1916 г. Участник революционных событий 1917 г. Организатор ЧК в Канавино [11, л. 178]. Ко времени приема должностных обязанностей Я.П. Криппеном отмечалось, что подотдел милиции состоял из железнодорожного отдела, общей милиции из 12 уездов и пяти районов. Милиционеров состояло 1190 сотрудников. Подотдел милиции составляли заведующий железнодорожным отделением И.А. Андреев, секретарь подотдела И.И. Хоцев и сотрудники канцелярии (6 человек). В уездах все начальники управлений милиции были коммунистами. Коммунистов в рядах нижегородской губернской милиции 235 человек [12, л. 81]. НКВД РСФСР отмечал: «коммунисты в рядах милиции с первых же дней ее существования были самыми надежными и сознательными работниками» [13, л. 51].

9–10 апреля 1919 г. прошел второй съезд нижегородской губмилиции, обсудивший ряд важных вопросов организационно-партийной и политико-просветительной работы. На первое полугодие 1919 г. в милиции состояло по штату 1975 человек: в наружной службе – 1370, уголовном розыске – 82, железнодорожной милиции – 296, командного состава – 227 человек; коммунистических ячеек – 11 [14, л. 325–327]. Губернский уголовный розыск состоял из заведующего, шести начальников отделений, девяти инспекторов первого разряда, 25 инспекторов второго разряда [14, л. 327]. К 1 июня 1919 г. во главе уголовного розыска была сформирована коллегия из трех человек (А.М. Галанин, А.С. Зимин, М.Н. Краев). Общее число сотрудников уголовного розыска по губернии составляло 79 человек. К осени 1919 г. нижегородское городское управление милиции было объединено с нижегородским уездным управлением.

В череде кадровых перемен не были забыты старые специалисты. В рядах нижегородской городской полиции служило 10 офицеров [15, л. 6], 16 специалистов уголовного розыска [16, л. 3]. На учете состояло 103 человека нижних чинов армии в милиции. Руководство городской полиции (А.Н. Анисов) и уголовного сыска (Г.С. Левиков) было отстранено от управления. Правда, А.Н. Анисов и Г.И. Лазарев (уголовный розыск) до начала 1921 г. являлись помощниками руководителей служб. В то же время распоряжением ГУМ НКВД РСФСР от 19 октября 1920 г. отмечалось, что «сотрудники бывшей полиции и жандармерии должны быть восстановлены в правах, но необходима осторожность и предусмотрительность» [17, л. 76].

Нижегородский губисполком, анализируя за первое полугодие 1919 г. кадровый состав милиции, сделал вывод о том, что «необходимо

усилить политическую и боевую значимость милиции» [18, с. 8]. К концу 1919 г. подчеркивалось, что «при целом ряде недостатков, обусловленных в основном сложностью обстановки периода интервенции и гражданской войны, аппарат милиции в губернии становится на должную высоту» [19, с. 21].

Этому способствовало активное участие в организационной работе на посту заведующего управлением милиции Нижегородской губернии коммунистов П.И. Шибаева, М.К. Сенцова, И.А. Андреева.

Петр Иванович Шибаев – уроженец Нижегородской губернии. Рабочий – речник. Член РСДРП(б) с 1917 г. С первых месяцев советской власти на партийной работе, с октября 1918 г. – инструктор управления милиции Нижегородской губернии, в июле – августе 1919 г. – заведующий управлением милиции Нижегородской губернии [20, л. 49–50]. В последние годы работал в РКИ.

Михаил Константинович Сенцов – уроженец с. Починки Лукояновского уезда Нижегородской губернии. В РСДРП(б) вступил 1 июля 1917 г. После Октябрьской революции стал активным советским и партийным работником уездного, губернского, а с середины 1920-х гг. – общероссийского масштаба. С начала 1919 г. – на руководящей работе в Нижгубисполкоме. С 13 августа по 30 сентября 1919 г. исполнял обязанности заведующего подотделом милиции отдела управления губисполкома, заведующего губернским управлением милиции [21, л. 5].

Иван Андреевич Андреев родился в Тверской губернии. С 1900 г. – фрезеровщик Путиловского завода в Петрограде. С 1916 г. в Сормове. С утверждением советской власти в губернии – заведующий вторым районом (Сормово) милиции Балахнинского уезда. С апреля 1919 г. – заведующий Нижегородским участком Московско-Нижегородской железной дороги. В октябре – ноябре 1919 г. – зав. подотделом милиции губисполкома [22, л. 276].

И.А. Андреева, ушедшего на фронт, заменил Сергей Прохорович Сергиевский. Он родился в Сергиевом Посаде (Московская губерния). Рабочий текстильной фабрики. Служил в армии. С марта 1917 г. – начальник милиции Сергиева Посада. С июня 1918 г. – заведующий управлением милиции Нижегородского уезда, а с октября 1919 г. – объединенного управления милиции Нижнего Новгорода и уезда [23, л. 1–11].

На основании закона о милиции одна треть сотрудников милиции направлялась в Красную армию. Милиция формировалась по военному образцу в милицейскую бригаду. Командиром бригады являлся начальник губернской милиции. В губернии была создана 14-я милицейская бригада, состоящая из четырех батальонов (15 рот). Первый

батальон – железнодорожная милиция (1207 человек), второй – нижегородская городская и уездная милиции (835 чел.), третий – милиция из состава Арзамасского, Ардатовского, Лукояновского, Павловского, Сергачского уездов (1281 чел.), четвертый – милиция Балахны, Васильсурска, Княгинина, Макарьева, Семенова (436 чел.). Кроме того, имелся конный эскадрон из 160 всадников [24, л. 1087].

Наряду с задачей по вооруженной защите ставились вопросы охраны экономики и народного достояния, создания специальных служб милиции: железнодорожной [25, ст. 142], речной [26, ст. 213], промышленной [27, л. 2], подкрепленных в первом квартале 1919 г. принятием соответствующих нормативно-правовых актов. Было возвращено строительство этих специальных подразделений милиции. Первым руководителем нижегородского отделения железнодорожной милиции являлся И.А. Андреев, речной – А.Н. Голов, промышленной – И.Е. Старов.

Речная милиция работала в составе милиции Волжской области. Нижегородский участок обеспечивался 1264 служащими трех верхневолжских губерний: Ярославской, Костромской, Нижегородской [28, л. 396]. Не менее значительной по составу и поставленным перед ней задачами являлась деятельность промышленной милиции, численность которой составляла около одной тысячи человек [29, л. 91]. Предполагалось, что ее отдел организует в губернии охрану лесных угодий, взяв на себя задачу по обеспечению контроля над 250 лесными объездчиками и более чем 1,5 тыс. лесниками [30, л. 101]. Постановлением СТО «Об охране транспортных артерий Республики» от 22 июля 1921 г. охрана путей сообщения передавалась в компетенцию войск внутренней службы, а конкретные задачи милиции стала выполнять сторожевая охрана. Взятые под охрану объекты передавались территориальной милиции.

Большая роль отводилась политико-просветительной работе в милиции. В резолюции съезда начальников уездных управлений милиции Нижегородской губернии 22–24 февраля 1920 г. отмечалось, что «культурно-просветительная работа в милиции должна быть построена по типу воинских частей», ведь «приходится наблюдать еле разбирающихся в буквах милиционеров, что конечно вредит делу» [31]. 7 марта 1921 г. С.П. Сергиевский по возвращении И.А. Андреева подал рапорт в ГУМ НКВД РСФСР с просьбой о командировании на Кавказ, «где требуется организаторская работа по созданию милиции» [32, л. 205].

К завершению Гражданской войны задачи милиции в системе государственных учреждений меняются. Их определил съезд начальников уездных управлений губернской милиции в мае 1921 г. На нем

были поставлены задачи по изменению организационной структуры в связи с новыми условиями функционирования.

12 августа 1921 г. Политическое управление Реввоенсовета Республики направило в губернское управление милиции своего представителя Алексея Сергеевича Пыркова. Он родился в с. Дураково Никитинской волости Лукояновского уезда Нижегородской губернии в семье крестьянина. Образование – 4 класса Нижегородской гимназии. В 1918 г. окончил педагогические курсы в Москве с выдачей диплома по специальности «учитель первой ступени». Участник Первой мировой войны. По демобилизации в 1918 г. был назначен военкомом Лукояновского уезда. В 1919 г. получил назначение военкомом седьмого района Донбасса. С августа 1920 г. – командир полка на Западном фронте. С расформированием бригады получил временное назначение на службу в НКВД РСФСР заведующим управлением милиции Нижегородской губернии. 10 октября 1921 г. отозван распоряжением Политического управления Реввоенсовета [33, л. 1–8].

После Гражданской войны отмечалась серьезная текучесть кадров в милиции. Только с августа 1921 г. по март 1922 г. из органов нижегородской милиции уволилось более шести тысяч человек. Для проведения политико-просветительной работы в органах милиции был создан Политический секретариат, руководителем которого стал Ю.М. Каганович. По инициативе Посекра с 1 сентября 1922 г. появилось распоряжение о запрете приема неграмотных в органы милиции. В результате чего к 1 мая 1923 г. неграмотных в рядах нижегородской милиции уже не было [34, л. 24].

А.С. Пыркова сменил Михаил Николаевич Тюрин. Уроженец Канавина. Рабочий по найму до 1917 года. Член РСДРП(б), с октября 1917 г. на партийной работе. С октября по декабрь 1918 г. – заведующий милицией Балахнинского уезда. В 1919–1920 гг. – заведующий управлением милиции Сергачского уезда. С начала 1921 г. – член бюро Канавинского РК РКП(б). С октября 1921 г. – заведующий управлением милиции Нижгубисполкома [35, л. 1–7]. С октября 1923 по октябрь 1928 гг. – председатель Дисциплинарного суда при Нижгубисполкоме.

С середины 1923 г. нижегородской милицией стал успешно руководить коммунист Дмитрий Владимирович Тройченко Уроженец Нарвы. Начиная работу на Кременчугской мануфактурной фабрике. Впоследствии трудился полиграфистом. С 1904 г. член союза печатников. Участник революционных событий 1905 г. в Санкт-Петербурге. С 1906 г. в армии, унтер-офицер. После демобилизации – на профсоюзной работе в союзе полиграфистов. С 1920 г. руководил военным

комиссариатом в Арзамасе, затем Нижегородским губернским военными комиссариатом. С 1923 г. – заведующий подотделом милиции отдела управления, а с 1925 г. – заведующий административным отделом Нижгубисполкома [36, л. 1–9]. За добросовестное и умелое руководство губернской милицией был награжден Почетным оружием, знаком НКВД РСФСР «10 лет рабоче-крестьянской милиции», орденом Трудового Красного Знамени.

Нижегородская милиция активно осуществляла борьбу с пьянством и хулиганством, опираясь на содействие населения. Исполнительная власть губернии с 1924 г. организовала создание института сельских исполнителей. Их численность составляла 18 тыс. человек [37, с. 151].

Большие проблемы составляла общеуголовная преступность. Если с начала организации советского уголовного розыска в губернии им руководил Г.С. Левиков, бывший заведующий уголовным сыском с 1915 г., то с июня 1919 г. была создана коллегия из трех человек. Отделение уголовного розыска располагалось на улице Малая Покровская, как и управление милиции Нижгубисполкома.

Руководители нижегородского уголовного розыска в 1920-е гг. Г.М. Малышев (июнь 1921 – март 1926) и А.Д. Лелаш (март 1926 – февраль 1932) использовали передовые для своего времени методы борьбы с общеуголовной преступностью, с кражами и хищениями. Так, инспекторская проверка, проведенная УУР НКВД РСФСР в 1923 г. отметила «образцовый для Республики уровень организации борьбы с преступностью» [38, л. 1071]. Высокий уровень профессиональной подготовки показала и инспекционная проверка губернских учреждений милиции и уголовного розыска, проведенная под руководством наркома внутренних дел РСФСР В.Н. Толмачева [39, 26 июня].

Источники и литература

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37.
2. Вестник НКВД РСФСР. 1918. № 21/22. 26 сентября.
3. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 55. Оп. 4. Д. 27.
4. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее – ГОПАНО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1061.
5. ЦАНО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 2252.
6. ЦАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2.
7. ЦАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3.
8. ЦАНО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 1780.
9. ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 46.
10. ЦАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 59.

11. ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 5а. Д. 1048.
12. ЦАНО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 1809.
13. Советская милиция. 1958. № 1.
14. ЦАНО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1.
15. ЦАНО. Ф. 105. Оп. 4. Д. 2.
16. ЦАНО. Ф. 105. Оп. 4. Д. 3.
17. ЦАНО. Ф. 3648. Оп. 1. Д. 12.
18. Вестник Нижгубисполкома. 1919. № 1.
19. Вестник Нижгубисполкома. 1919. № 8.
20. ЦАНО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 156.
21. ЦАНО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 2824.
22. ЦАНО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 73.
23. ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 5а. Д. 4325.
24. ЦАНО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 358.
25. Собрание узаконений РСФСР (далее – СУ РСФСР). 1919. № 15.
26. СУ РСФСР. 1919. № 18.
27. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 23.
Д. 117.
28. ЦАНО. Ф. 1247. Оп. 1. Д. 4.
29. ЦАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 66.
30. ЦАНО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 94.
31. Нижегородская коммуна. 1920. 28 февраля.
32. ЦАНО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 73.
33. ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 5а. Д. 3938.
34. Рабоче-крестьянская милиция. 1923. № 8.
35. ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 5а. Д. 4870.
36. ГОПАНО. Ф. 1. Оп. 5а. Д. 4825.
37. 2 года работы Нижгубисполкома (1925–1927). Н. Новгород,
1927.
38. ЦАНО. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 39.
39. Нижегородская коммуна. 1929. 26 июня.

Крестомаровская пустынь в начале XVIII века

С.М. Ледров

В настоящей публикации я вновь обращаюсь к сюжету из истории одной из малоизвестных духовных обителей Нижегородчины – Крестомаровской общежительной пустыни. В первом выпуске «Нижегородского краеведа» была опубликована статья о возникшей у ее стен Маровской ярмарке [1]. В начале XXI в. поселок Красные Мары, где некогда располагалась пустынь, стал главной достопримечательностью Спасского района. Тут вновь налаживается монашеская жизнь. В 2011 г. была освящена новая деревянная Никольская церковь. Ежегодно на Мары устраиваются крестные ходы с местнотимой иконой Божьей Матери «Избавительница», которая хранится в соседнем селе Вазьянка. Первоначально же эта икона с конца XIX в. и до 1927 г. находилась на Марах. В то время там существовала Маровская Крестовоздвиженская женская община, которая появилась лишь столетие спустя после упразднения общежительной пустыни.

Прошлое первой духовной обители на Марах скрывает еще немало тайн. Основным источником о первоначальном периоде ее существования является «Повесть о создании Крестомаровской общежительной пустыни», написанная по канонам агиографической (житийной) литературы в конце XVII в. и изданная дважды в конце XIX в. [2; 3]. Согласно этому произведению, история Маровской обители началась в 1632 г. Тогда в село Прудичи Нижегородского уезда пришел киевский монах Матфей и под холмом, на котором располагалась приходская церковь, «ископал малу пещеру». Через некоторое время Матфей вместе с местным жителем Илларионом удалился в «безмолвную пустыню» – местность под названием Марища в окрестностях Прудич. Там сначала была поставлена деревянная церковь, а затем выстроены и каменные храмы.

Подробного описания пустыни и ее хозяйства в «Повести» нет. Восполнить этот пробел позволяет уникальный для истории Маров

документ – Переписная книга Крестомаровской пустыни 1702 г., которая хранится в Российском государственном архиве древних актов в Москве [4]. Хотя следует оговориться, что к моменту составления этой книги пустынь уже пережила период своего расцвета.

Изученная нами переписная книга сохранилась в комплексе, состоящем из пяти архивных дел, в которых содержатся подобные описания 26 монастырей Нижегородского уезда. Источниковедческий анализ этих документов и организационные принципы проведения описания монастырей и их владений изложены в статье Н.В. Соколовой [5].

Подробное описание Крестомаровской пустыни, как и других монастырей, проводилось согласно указу Петра I, решившего использовать богатства церкви для покрытия все возрастающих государственных расходов на проведение активной внешней политики. В 1701 г. был восстановлен Монастырский приказ – исполнительный орган государственной власти, в ведение которого было передано все патриаршее и монастырское хозяйство. В церковные учреждения направлялись царедворцы для сверки наличного имущества и составления переписных книг. Такие книги и стали своеобразными актами передачи этого имущества под контроль приказа.

На Мары в январе 1702 г. был направлен стольник Петр Вельяминов. Давайте представим, какой он увидел пустынь.

Все монастыри обычно имели ограду (у некоторых это были настоящие крепости) и главный въезд – святые ворота. Существовали таковые и в Крестомаровской пустыни. Ее святые ворота были сложены из кирпича, сбоку имелась калитка. Ворота осеяли образа Богородицы и Иоанна Предтечи без окладов. Каменной была и ограда, отходившая от святых ворот, но только частично – справа на 52 метра, слева на 39 метров (причем 30 метров этого участка уже обвалилось). Общая же длина монастырской ограды в форме четырехугольника составляла 618 метров. Большая ее часть представляла собой острог – забор из заостренных кверху бревен. На трех углах стояли рубленные из дуба башни. На участке ограды, противоположном святым воротам, между двумя наугольными башнями находилась деревянная проезжая башня. В четвертом углу ограды, судя по описанию, башни не было, а имелись только деревянные ворота с калиткой.

«А по досмотру на выше писанных четырех башнях, – говорится в документе, – воинского снаряду пушек и никакого ружья и свинцу и пороху и иных никаких воинских припасов нет» [4, л. 83 – 83 об.]. Как оказалось, все вооружение пустыни состояло из винтовой пищали и пистолета, хранившихся в казенной палате [4, л. 55 об.].

Что же заметил царский посланник внутри монастырской ограды? В первую очередь, он обратил внимание на монастырские храмы – каменный двухстолпный Крестовоздвиженский собор «об одной главе, крест опаян железом» и каменную теплую (для зимних богослужений) двухстолпную Успенскую церковь также одноглавую с железным крестом и с пристроенными к ней трапезной и приделом во имя Архистратига Михаила «об одной же главе, крест железный». Над пустынью возвышалась каменная колокольня с пятью колоколами. «Да на той же колокольне сделаны боевые часы, бои приведены к тем же колоколам» [4, л. 52 об.]. В переписной книге отмечено, что один малый колокол был снят и «отдан в Нижний в платеж четвертной части с колоколов в отпуск к Москве в Пушкарской приказ» [4, л. 59 об.], то есть для переплавки на пушки. Изъятие колоколов, а точнее четвертой части их общего веса, с приходских церквей и монастырей производилось согласно царскому указу, изданному в январе 1701 г. [6].

Кроме того, на момент описания на Марах велось строительство третьего каменного храма – к 1702 г. были возведены только его стены до сводов. В дальнейшем возведение этой церкви, видимо, так и не было завершено. В ведомости о Крестомаровской пустыни 1738 г. в ней обозначены только Крестовоздвиженский собор и Успенская церковь [7, л. 452].

Подробно описывались храмовое убранство и богослужebная утварь. Наиболее ценные монастырские иконы (Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, Пресвятой Богородицы воплощения сына Божия и другие, в серебряных окладах и убранные пеленами из дорогих тканей с висящими над ними медными лампадами, увитыми шелковыми кистями) хранились в Крестовоздвиженском соборе. В алтаре собора на престоле лежало Евангелие в серебряной оправе с позолоченными застежками и петлями. В одном из трех напестольных крестов хранилась частица мощей святого мученика Пантелеймона.

В главном храме пустыни была собрана и ее библиотека, в составе которой значилось 116 печатных, 39 рукописных и 10 певчих книг. Среди них названы Торжественник и Скитский патерик, которые были составлены бывшим настоятелем, известным историком и религиозным деятелем второй половины XVII в. Игнатием Римским-Корсаковым. В настоящее время обе книги находятся в Государственном историческом музее в Москве. Хранилась в соборе и книга «Летописец», в которой была изложена история обители. Эта рукопись считается утраченной.

Под колокольней размещалась казенная палата. Хотя монастырская казна была скудна: «А в Крестомаровской пустыне в казне и по

досмотру денег и золотых и ефимков (немецких серебряных монет. – С. Л.) и золотой и серебряной посуды ничего не явилось» [4, л. 53]. Перечислены только оловянная и медная посуда да упомянутое выше оружие. По словам казначея старца Авраамия, сбережения были израсходованы, а часть их (700 руб.) еще ранее переданы на хранение в архиерейскую казенную палату в Нижнем Новгороде. Лишь в монастырской ризнице, где хранилось имущество только для богослужебных целей, имелись серебряные вещи общим весом 1 фунт и 51 золотник (627,1 грамма). Их велено было беречь до царского указа.

В казенной палате был собран и архив пустыни. В переписной книге перечислены 10 документов с изложением их содержания. В основном это царские грамоты на пользование рыбными ловлями и мельницами, а также о постройке в Нижнем Новгороде часовни «для збирания потребы и для пропитания братии, а нижегородским посацким людям утешения», расписка митрополита Нижегородского и Алатырского Павла и казначея старца Стефана Лебежева игумену Гавриилу о принятии на сбережение монастырских денег. Упомянут и такой важный для Маровской обители историко-правовой акт, как данная грамота 1645 г. владельца с. Прудыщи Замятни Леонтьева черному священнику Макарию о передаче в собственность пустыни земли, на которой она была основана. Текст грамоты опубликован нами [8, с. 57], и пока это самое раннее документальное свидетельство о существовании Крестомаровской пустыни.

Из хозяйственных построек внутри монастырской ограды имелись деревянные поварня, келарня (кладовая), погреба с сушилами, на которых была установлена икона Казанской Богородицы в серебряном окладе с позолоченными венцами. На сушилах хранились посуда, сельскохозяйственный инвентарь и кузнечная снасть. В пяти рубленых житницах были ссыпаны рожь, овес, пшеница, ячмень, горох, ржаная мука и яшная (ячменная) крупа. Немолоченная рожь хранилась в гумне.

На территории пустыни также располагались пасека из пяти ульев и п-образный конюшенный двор: с двух сторон его огибал крытый соломой сарай, с третьей стороны была пристроена конюшня с сушилами; внутри двора стояли две избы с сенями. В конюшне находилась 21 лошадь.

За пределами монастырской ограды был выстроен скотный двор с двумя поземными (с земляным полом) избами и сараем. Монастырское стадо состояло из 20 дойных и восьми яловых коров, двух быков, шести телят, 25 овец. Поодаль располагалась бревенчатая кузница. На пруду стояла мельница с одним жерновом.

Для паломников был сооружен огороженный забором въезжий двор. Внутри него стояла изба с сенями.

Вести хозяйство монахам помогали жители окрестных селений: ежегодно в хлебню, поварню, на конюшенный двор и на другие работы нанимались девять человек.

В переписной книге были перечислены и все насельники пустыни. В их числе значились игумен Иоаким, казначей монах Авраамий, два иеромонаха (монахи-священники) Евлогий и Феодул, иеродиакон (помощник иеромонаха) Ларион, ризничий монах Никита, два головщика (монахи-запевалы с хорошими вокальными данными) монахи Пахомий и Иосифей, пономарь (звонил в колокола) монах Исихий, подкеларщик (ответственный за хранение съестных припасов) монах Илларион, житенный монах Филарет, конюший монах Мисаил, воротенный монах Исаия, монахи Исакий, Андроник, Иннокентий, Вассиан, Иев.

Любопытно указание на существование в пустыни больницы для престарелых и немощных насельников, в которой проживали монахи Иев, Карион, Иоасаф, Пафнутий, Петр и Тихон.

Еще два маровских монаха, Ефрем и Иоиль, жили при монастырской часовне в Нижнем Новгороде. Монахи Иосиф и Павел находились при рыболовецкой ватаге на сурских рыбных ловлях у Курмыша.

Таким образом, общее число монашествующих равнялось 28-ми. Для сравнения укажем, что в 1650–1670-х гг. число насельников достигало 80 человек.

Кроме лиц монашеского чина, на Марах проживали дьячки Гришка Михайлов и Васька Иванов. Как немонахи дьячки по царскому указу подлежали высылке из пустыни. Однако были оставлены, так как «в церкви во время божественного пения без них пробывать невозможно» [4, л. 69].

Руководители пустыни обязаны были отчитаться и об источниках денежных доходов. Игумен Иоаким и казначей Авраамий представили Петру Вельяминову «сказку», в которой указано, что пустынь владела Пашковскими рыбными ловлями в Курмышском уезде. Часть их сдавалась жителю Курмыша Кириллу Королеву за 2 рубля 31 алтын и 4 деньги (2 руб. 95 коп.) в год. С остальных ловель рыба поступала для монастырского обихода. На реке Имзе у пустыни имелись три мельницы. Однако в 1701 г. ими завладели крестьяне из села Троицкое Бармино. Осталась лишь мельница на монастырском пруду. Ежегодный доход от Маровской часовни в Нижнем Новгороде составлял около 5 руб. Милостыня же, которую подавали молящиеся в самой пусты-

ни, по словам игумена и казначея, в письменном виде не фиксировалась. Вотчин с крепостными крестьянами за пустыню не было.

Досконально переписав имущество Крестомаровской пустыни, стольник Петр Вельяминов довел до сведения игумена и всей братии строгий царский указ. Государь требовал, чтобы все монахи были неисходны (чужих монахов принимать только в редких случаях – если те имели бумагу об отпуске из другого монастыря, своих же отпускать из обители только с письменного разрешения игумена, даже на два-три часа); письма монахам писать только в трапезной, у себя никаких бумаг не держать; ворота должны быть всегда заперты и охраняемы; земельными угодьями с помещиками и вотчинниками не меняться; прибыль от оброка без указа не тратить; для пропитания расходовать только имеющиеся рыбные и хлебные запасы, братию питать умеренно «по древнему обыкновению», а лишних расходов не держать; служилых людей и беглых не принимать; вино для пустыни в окрестных селах и деревнях не курить до указа великого государя [4, л. 76–80].

С этого времени для Крестомаровской пустыни, не отличавшейся особенным материальным богатством и в лучшие времена в своей истории, в условиях жесткой регламентации государством ее хозяйственной деятельности окончательно наступил период длительного упадка. В 1721 г. она была признана «недостаточной» и приписана к Оранской Богородицкой пустыни, а в царствование Екатерины Великой вовсе упразднена.

Источники и литература

1. *Ледров С.М.* К вопросу об истоках Маровской ярмарки // Нижегородский краевед: сборник научных статей. Вып. 1. Н. Новгород, 2015.

2. *Макарий [Вороновых].* Повесть о создании Крестомаровской общежительной пустыни. М., 1889.

3. *Макарий [Вороновых].* Повесть о создании Крестомаровской общежительной пустыни [В пер. на соврем. рус. яз.]. Н. Новгород, 1896.

4. Российский государственный архив древних актов. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 45.

5. *Соколова Н.В.* Описание церковно-монастырских владений в процессе секуляризации начала XVIII века. Опыт реконструкции (на материалах Нижегородского уезда) // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. тематич. сб. науч. тр. Калининград, 2008.

6. *Седов П.В.* Снятие церковных колоколов для литья пушек в начале Северной войны // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1.

7. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 29. Д. 122.

8. *Ледров С.М.* Родной земли седая старина: территория Спасского района Нижегородской области в XVII веке: документы и исторический очерк. Н. Новгород, 2013.

Шереметевы и село Богородское в XVIII веке: у истоков кожевенного промысла

А.В. Любавин, С.В. Петряев

Село Богородское (с 1923 г. – город Богородск) считается одним из крупнейших центров кожевенного производства в России. Поскольку данная отрасль промышленности в былые времена имела неоспоримое значение в народнохозяйственном комплексе страны, внимание к ней со стороны исследователей было особо пристальным. Тем не менее, в истории ее есть один слабоизученный временной отрезок – XVIII век.

Объяснение этому довольно простое: отсутствие исторических источников. Так, С.И. Архангельский, изучая вопрос о возникновении кожевенных заводов в Нижегородской губернии, сделал вывод: «самые крупные центры кожевенного производства, как Богородское и Павлово, сложились и развивались ранее XIX века...» [1, с. 132]. Но как это произошло в Богородском, он не излагает – по названной причине. Возможно (и скорее всего!) скудость источниковой базы возникла из-за пожара, случившегося в с. Богородском 12 мая 1788 г. Последствия его были громадны, а для изучения нашего вопроса – катастрофичны.

Горбатовский нижний земский суд в своем докладе губернским властям сообщал, что пожар начался в «кожевенной дубной избе» крестьянина Морковкина. Сгорели господский дом, где был мирской приказ «с немалым числом крестьянских писменных по вотчине дел», и 172 крестьянских двора. Убытки от пожара были определены в 99390 руб. Кроме того, сгорели питейный дом и 12 домов духовенства [2, с. 79].

Вот эта лакуна и создает существенную проблему, суть которой в том, что не поддается объяснению факт наличия развитого кожевенного промысла в селе Богородском на рубеже XVIII–XIX вв. при отсутствии его превалирующего наличия столетием ранее.

И это действительно так. Длительное время существовавшая точка зрения о занесении кожевенного промысла в с. Богородское новгородцами в 1570 г. документального подтверждения не находит. По-

следние исследования нижегородского ученого С.М. Ледрова показывают, что в течение XVII в. кожевенное дело устойчивого развития здесь не получило и определяющим в хозяйственной жизни села не было [3, с. 87–89]. Но вот проходит сто лет, и к концу XVIII в. этот промысел уже главенствовал в занятиях богородчан.

В.П. Шеломаев, изучив историю кожевенной промышленности в Нижегородской губернии, выделил необходимые условия и предпосылки для ее развития. Среди них: выгодное географическое положение, наличие удобных путей сообщения, техническое умение выделывать из сырых шкур кожевенный товар, возможность получения при минимальных затратах большого количества химически-доброкачественной воды [4, с. 13–15].

Эти условия и предпосылки либо изначально присутствовали, либо формировались в ходе развития кожевенного промысла в с. Богородском. Но в условиях крепостного права нужно учитывать еще один фактор – личную заинтересованность и непосредственное участие в хозяйственном процессе помещика, в нашем случае нижегородских Шереметевых. В этой связи В.П. Шеломаев отмечает, что «распространение кожевенного промысла в Шереметевских поселениях нельзя объяснить простой случайностью. Несомненно, оно обязано в значительной мере деятельности самих Шереметевых» [4, с. 24].

Нижегородские Шереметевы принадлежали к нетитулованной линии рода, берущей свое начало от Василия Петровича Шереметева, брата Б.П. Шереметева, графа и одного из выдающихся сподвижников Петра I. И здесь уместно будет вспомнить, каким образом село стало их собственностью.

После смерти в 1632 г. сына Кузьмы Минина Нефёда, который был бездетным, с. Богородское с деревнями отошло в казну. Но вскоре оно стало собственностью князей Черкасских. При них село продолжило устойчивый рост населения, и уже к концу века в нем числилось 466 дворов, в которых проживало около 3000 человек, при этом половина населения (в 1667 г.) пашенной земли не имела [3, с. 84].

Переписная книга Нижегородского уезда письма и переписи князя Ю.М. Солнцева-Засекина 1678 г. дает нам обстоятельную картину занятости жителей села. Анализ ее показывает, что в селе насчитывалось 57 ремесленников, из них 12 связаны с кожевенным производством: кожевников – 2, овчинников – 4, сапожников – 4, шапочников – 2 [3, с. 86]. Эти данные позволили С.М. Ледрову сделать вывод, что «возможно, уже тогда начала проявляться первоначальная специализация богородских мастеров, занятых в этой отрасли, именно на выделке овчин» (из которых шили рукавицы). Она была характерна

для местной кожевенной промышленности в XVIII–XIX вв. В целом же в XVII в. Богородское, по мнению С.М. Ледрова, еще не являлось крупным центром кожеобработки» [3, с. 89].

В начале XVIII в. с. Богородское сменило владельца. В 1714 г. оно перешло в собственность нижегородских Шереметевых, а именно – Василия Петровича, доставшись ему после брака с П.М. Черкасской. Он был владельцем села до своей смерти 19 апреля 1733 г.

В архиве вотчинного правления Шереметевых сохранился документ, датированный 29 июля 1726 г. В нем говорится, что «Нижегородской губернии Нижегородского уезду Березопольского стану вотчины Василья Петровича Шереметева в селе Богородском по скаскам и по свидетельству мужеска полу душ тысяча шестьсот шестьдесят человек. Да в деревнях: Демидове – 184, Песошной – 97, Выболове – 133, Коростелихе – 133» [5]. При таком количестве населения прокормиться только земледельчеством на не самых плодородных в здешних местах землях было затруднительно. Это обстоятельство толкало крестьян на поиск дополнительного заработка, в том числе и на стороне. Помещик также был в этом заинтересован. Вторая подушная перепись населения 1744 г. насчитала 279 жителей села, «с паспортами» отпущенных на волю [4, с. 23]. Однако сведениями о том, как шло развитие в с. Богородском кожевенного промысла, мы не располагаем.

После смерти Василия Петровича его сыновья Иван и Сергей поделили наследство. Село Богородское с деревнями отошло капитану лейб-гвардии Семеновского полка С.В. Шереметеву (1723–1773) [6, с. 30]. В Центральном архиве Нижегородской области хранится указ об его отставке [7, л. 1].

В 1758 г. Сергей Васильевич был уволен из гвардии [8, с. 185]. Документы вотчинного правления Шереметевых дают нам основание полагать, что он занимался хозяйственной деятельностью. Но, по всей видимости, недооценивал потенциал Богородского. Иначе бы не решился на поступок, от которого его предостерег граф Петр Борисович Шереметев, сын знаменитого сподвижника Петра I и его, Сергея Васильевича, двоюродный брат. 27 февраля 1765 г. П.Б. Шереметев отправил ему письмо, в котором писал:

«Государь мой Сергей Васильевич!

Письмо ваше получил, которым изволите требовать от меня совета, чтоб для оплаты долгов ваших продать нижегородскую вотчину село Богородское и теми деньгами заплатить долги, а на достальные купить подмосковныя вотчины графа Алексея Петровича Бестужева. Я вам такой капитальной деревни продавать не советую. Это такая деревня, какой впредь нажить не уповательно (курсив наш. – авт.).

[...] Пребываю покорный и верный ваш слуга и брат граф Шереметев» [9, с. 75–76].

В чем же заключалась «капитальность» Богородского, о которой хорошо был осведомлен граф, обширные владения коего непосредственно граничили с селом? Да в том, что жители этого села в силу малоземельности издавна занимались различными ремеслами. Одним из таких ремесел и была кожеобработка. «Инициатива» крепостных была выгодна помещикам Шереметевым, со временем она получила не только их поддержку, но и покровительство. Подтверждением этому служат документы XVIII в., дошедшие до нас.

Так, в сохранившемся в архиве вотчинного правления Шереметевых письме, датированном 17 марта 1768 г., говорится: «... Казанского уезду ... дворянина Евдокима Демидова железным заводам жителству ... письмо священника с. Архангельского, Чистое Поле тож, в том, что имеется он (крестьянин с. Богородского вотчины С.В. Шереметева Иван Спиридонов) Иван у нас в селе для делания сыромятных кож и для шитва рукавиц по пашпорту с прошлаго 767 года и во оном нашем селе сочетался законным браком онаго года сентября 21 числа онаго нашего села на девице Домне Ивановой дочери и мною священником Андреем Григорьевым обвенчан и в том и сие письмо дано» [10, л. 1].

Ценность этого документа в том, что он:

– подтверждает наше предположение о направлении (и специализации) хозяйственной деятельности жителей с. Богородского в указанный период – кожевенный промысел;

– показывает, что такое занятие вышло на высокий уровень, коль крепостные мастера-кожевники были востребованы в имениях других помещиков и на большом удалении от Богородского.

Однако мы должны принять во внимание, что Иван Спиридонов мог оказаться в Чистом Поле и из близлежащего села, которое в разное время называлось и Уратьма, и Богородское, и Шереметевка. Как сообщает член-корреспондент Казанского губернского статистического комитета С.Е. Мельников, «мурзы Урекеевы, приняв христианскую веру, отыскиали себе для жительства более удобные места, а принадлежавшие им земли по речке Уратьме продали в 1757 году Лейб-гвардии Семеновского полка капитан-поручику Сергею Васильеву Шереметеву, который заселил их крестьянами, переведенными из Нижегородской губернии» [11, с. 270].

Отметим, что такими данными, видимо, не располагал крупнейший знаток истории кожевенного промысла в с. Богородском В.П. Шеломаев. В своей первой фундаментальной работе на эту тему он напи-

сал, что «Шереметевы для развития кожевенного промысла у крестьян своих вотчин широко пользовались принудительными расселениями крестьян-кожевников по своим имениям» [4, с. 35]. Но XVIII в. не упомянул. В 1940 г. Шеломаев, развивая эту тему, назвал общую дату: «В конце XVIII в. много крепостных ремесленников (из Богородского – прим. авт.) было переселено в ... Шереметевку, Казанской губернии» [12, с. 54]. А в 1941 г., говоря о переселении «в Ново-Богородское или Шереметевку», вообще не указал какой-либо даты [13, с. 44].

Здесь, в казанском Богородском, также и длительное время успешно развивался кожевенный промысел [14]. Об этом свидетельствуют данные, опубликованные в 1897 г.: «Развитие (кожевенного дела – прим. авт.) наблюдается в селе Богородском, Чистопольского у., где выделкою кож занято 271 человек (130 мужч., 110 женщ. и 30 подр.). ... Изготовление сбриу, хомутов, узд и шлей сосредоточиваются... в селе Богородском того же уезда (27 ч.). Кроме того, жители с. Богородского выдывают рукавицы ежегодно до 300000 пар, стоимостью до 90000 руб. Предметы этого производства сбываются на ярмарках Нижегородской, Мензелинской, Бугульминской, Самарской, Бузулукской, Симбирской и Елабужской» [15, с. 47].

Приведенные сведения, между прочим, позволяют еще раз вспомнить о дискуссии между местными (богородскими) исследователями В.П. Шеломаевым и Ф.А. Желтовым по поводу зарождения кожевенного промысла в с. Богородском, о которой рассказывается, например, в статье «Богородск», опубликованной в сентябре 1935 г. (статья подписана двумя авторами – Солоницын, Головастиков. А.Ф. Солоницын, отец выдающегося советского актера Анатолия Солоницына, в 1930-х гг. работал в богородской районной газете «Ленинская победа», А.Н. Головастиков – известный богородский краевед) [16].

Шеломаев придерживался новгородского «следа», связанного с разорением Новгорода Великого в 1570 г. Иваном Грозным и расселением мастеровых жителей вольного города по пределам Московского государства, в том числе и в с. Богородском Нижегородского уезда. Желтов же – восточного, от волжских болгар [4, с. 7–11; 17, с. 14–16].

К слову, эта дискуссия носит отнюдь не «местный» (богородский) характер. Напомним о ней более подробно. Например, Н.М. Щегольков также (и, как Шеломаев, без ссылок на конкретные источники, «по преданиям») придерживался новгородского влияния, говоря, что расселенные Иваном Грозным новгородцы принесли в Арзамас «предприимчивость и знакомство с процветающими в пределах новгородских ремеслами: кожевенным, мыловаренным и скорняжным» [18, с. 19]. Возможно, он воспользовался публикацией священника села Выездной

Слободы Арзамасского уезда Н. Лузина [19, с. 720–721], в которой тот, без ссылки на конкретный источник, сообщал: «Царь Иван Васильевич, карая Великий Новгород ..., предал мечу множество из его жителей, а других разослал по новым городам; в том числе и в г. Арзамас было отправлено несколько семейств, которые принесли сюда ремесла – кожевенное, скорнячное и др. Фамилии некоторых купцов доселе ведут свое начало от Новгородских поселенцев». Справедливости ради отметим, что редакция газеты сочла необходимым уточнить: эти данные (о начале Арзамаса) составлены автором на основании рукописи некоего Мерлушкина, жившего в Арзамасе в конце XVIII в. Тот же ссылается на сочинение князя Хилкова «Ядро Российской Истории» (в газетной статье оно ошибочно названо «Ядро Российской Империи»), а более – на древнюю рукописную историю Арзамаса местного купца Шлейникова [19, с. 717].

Но у Хилкова нет ни слова о том, что именно Иван Грозный расселил свободолюбивых новгородцев в нижегородских пределах. Более того. По поводу событий 1570 г. в его сочинении сказано так: «Царь Иоанн Васильевич... ратным своим людям всех сряду Новгородцев рубить и убивать велел, где никакому полу мужеску ни женску, ни веку молодому и старому никакой пощады не было...» [20, с. 203]. А вот о событиях, которые произошли в русской истории веком ранее, во времена Великого Князя Ивана Васильевича (в 1480 г.), говорилось следующее: «И дабы Новгородцев в конечное порабощение пригнать, Архиепископа их и первейших из дворянства и посадников мужеска и женска полу больше нежели 7000 человек оттуда выслал к Москве, которым испоместиться велел в Московском, Владимирском, Муромском, Нижегородском, Ростовском, Переяславском, Юрьевском и Костромском уездах; а на их поместья в Новгородчину послал из тех же помянутых уездов дворян из Московского, Владимирского и прочих» [20, с. 171].

Некто же Кондоров в очерке «Кожевенный и овчинный промыслы в селе Больш. Мурашкине, княг. уезда», опубликованном в нескольких номерах «Нижегородских губернских ведомостей» в 1889 г., предполагал, «что кожевенный промысел перешел в Мурашкино из “Господина Великаго Новгорода” по следующему случаю: в 1478 году бунтовавший Новгород был покорен вел. кн. московским Иоанном III и большинство новгородцев было выслано на поселение в Н.-Новгород и его область, в том числе ими было заселено и Мурашкино. В Новгороде в то время наряду с буйством и “ушкуйничеством” процветала промышленность, а в том числе и кожевенное дело» [21, с. 4]. Так что

окончательная точка в этом запутанном вопросе историками еще не поставлена.

Болгары, Шереметевка-Уратьма и Архангельское, населенные пункты Казанской губернии, расположены недалеко друг от друга. Получается, что восточное влияние (а скорее взаимопроникновение) на развитие кожевенного промысла в с. Богородском (и в казанском, и в нижегородском) идет со второй половины XVIII в., а не с древних времен.

Не меньший интерес в этом плане представляет и документ, датированный 19 января 1769 г. Суть его заключается в том, что в начале этого года на имя С.В. Шереметева покупается в Нижнем Новгороде «двор своя ветхим деревянным строением и с садом». Дом этот располагался на Телячьей (ныне Гоголя) улице Похвалинского прихода, и, как следует из документа, предназначался «на приезд ево господина Шереметева и ево крестьян» в губернский город [22, л. 1 – 1 об.]. Логичен вопрос: для каких целей планировались эти приезды и почему именно на данной улице был приобретен дом?

В середине XVIII в. этот район представлял собой окраину Нижнего Новгорода. Здесь располагались бойни, ямские слободы, недалеко торг. В округе, например, в расположенной рядом слободке Благовещенского монастыря, развитие кожевенного промысла прослеживается до конца XVII в. [23, стб. 351–352, 451] Знатные люди в те времена в этом районе не селились, тем более в ветхом деревянном строении.

Напрашивается предположение: покупка дома совершалась не для приезда и проживания господина, а для торговых целей – приобретения сырья и сбыта кожевенных (и других) товаров богородскими крестьянами.

А сбывать было кому. Изделия богородских шорников, рукавичников и кожевников были востребованы ямщиками, проживавшими поблизости. Да и «родство-дружба» с ними шла с давних времен. Богородское стоит на тракте, Нижний – рядом, а с ямщиками, «забубенными головушками и притом богачами» можно было «привезти дешевого товара и продать его в Нижнем безданно, безошлинно». Не случайно, как отмечал Д.Н. Смирнов, «дореволюционные купцы Ильинской улицы в большинстве – потомки государевых ямщиков XVII столетия...» [24, с. 52].

Примечателен такой факт. В «Росписании приходов к церквам Нижняго-Новгорода, утвержденном Святейшим Синодом 28 Июля 1895 года» в приходе Похвалинской церкви по Телячьей улице среди прочих упоминаются мешане Яков Шубин, Иосиф Лосев и Яков

Сыромятников [25, с. 511–513]. Шубины – фамилия алешковских ямщиков. В XVII в. дворы ямщиков находились в этом районе Нижнего Новгорода, в том числе и на Телячьей улице [23, стб. 295–298]. Сохранилось «Позволительное письмо», в котором говорится, что «1764 году Мая 8 дня по Указу ... ямского правления ... ниж. ямщика Михаила Васильева сына Шубина дочери ево девке Агафье Михайловой по самопроизвольному ея желанию взамужество ... деревни Демидова (владение Шереметевых – прим. авт.) за крестьянина Ивана Никитина сына Решетова понеже она я девка подлинно ямская показанного ямщика Алешковской слободы Михайла Шубина дочь ...» [26, л. 1] Уточним: Алешково – ямская слобода, и стоит от с. Богородского всего-то в нескольких верстах. Что же касается Лосевых, то это старинный род богородских кожевников, ну а фамилия Сыромятниковы говорит сама за себя – предок рода получил свое прозвище-фамилию по той причине, что занимался кожевным ремеслом, делал сыромять.

Возвращаясь к истории семейных взаимоотношений Шереметевых – графской и нижегородской ветвей – отметим еще одно обстоятельство, на которое следует обратить внимание. А именно – их (семейных взаимоотношений) исключительно доверительный характер, сложившийся в течение XVIII в. Выше мы привели образец искренней дружбы между графом Петром и его кузеном Сергеем. Их дети сохранили и приумножили эту традицию. Например, в письме к Василию Сергеевичу граф Николай Петрович писал: «Приятно, милостивый государь мой, видеть в нынешний век наималейшую связь между родными, и мы часто лишаемся сего приятнейшаго удовольствия; но вы тот добrorасположенный человек, который мне оно чувствовать даете... Не лишайте меня сего истиннаго и достойнаго чувств человеческих блага. Приятно и с чужим иметь хорошую связь; сколь же оно утешительно между родственников» [27, с. 391]. И это были не просто слова.

Для нас же такой семейный альянс важен в том плане, что он мог способствовать развитию кожевнного промысла в Богородском. Известно, что в с. Павлове, крупном промышленном селе графов Шереметевых, расположенном неподалеку, в течение второй половины XVIII в. кожеобработка процветала. Но к концу века ее значение в хозяйственной структуре села стало падать, а к середине XIX она окончательно уступила и первенство, и место металлообработке [28, с. 110–121].

У богородчан тенденция была противоположная [29, с. 83–91]. Более того, есть мнение, что «этому способствовал сговор владельцев Павлова и Богородского... по перераспределению роли промышленных центров Горбатовского уезда» (к сожалению, авторы не дали

ссылку на конкретный источник, дав лишь общий список использованных архивных и прочих материалов) [30, с. 19].

Поэтому мы можем предположить, что многое в организации ремесла (и вообще хозяйственной деятельности) было заимствовано у соседей павловчан (В.П. Шеломаев считал, что павловские заводы, кстати, устроенные владельцами села гр. Шереметевыми, «непосредственной связи с Богородском не имели» [4, с. 27]), хотя специализация на рубеже XVIII–XIX вв. у них и у богородских кожевников была различной [29, с. 84].

Особенностью же организации производства в с. Богородском стало то, что местные Шереметевы сформировали особый его тип, который впору назвать «крепостническим социализмом». Для развития ремесла «помещик учреждал артельное производство: мелкие мастера соединялись в артели, артельно покупали сырье и продавали изделия; для мелких мастеров имелся банк, в котором они могли занимать деньги для промысла и домашних расходов. Для покупки сырья и продажи изделий посылались особые выборные, облеченные доверием артели и помещика» [31, с. 66]. Помещик буквально заставлял крестьян заниматься таким прибыльным делом. Особенно широко это проявилось уже в XIX в., при Сергее Васильевиче Шереметеве, который «...был крут, но двигал промышленность железной рукой и содействовал процветанию села. Скольких крестьян он гнал силой в Петербург; плакали, когда уезжали, а после разбогатели» [32, с. 108–113]! «Сергей Васильевич не позволял не только водку, но и чай пить и курить не позволял, очень строгой был и крутой, а добра много сделал; бывало, узнает, кто не пьет, велит дать ему сто кож, работай!» (слова эти были сказаны графу П.С. Шереметеву в 1910 г. в с. Богородском спустя 44 года после смерти С.В. Шереметева) [33, с. 251].

«Добрые» слова в адрес предприимчивых дворян высказал даже В.И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России». Говоря о кожевном производстве в с. Богородском, он отметил: «... в истории промысла особенно памятли помещики Шереметевы (начало XIX века), значительно способствовавшие развитию промысла и защищавшие, между прочим, давным-давно образовавшийся здесь пролетариат от местных богачей» [34, с. 403]. Но до идеализации, конечно, было очень далеко. Здесь, пожалуй, уместны слова В.П. Столбова: «Род Шереметевых на протяжении своей истории, по выражению историка К. Щепетова, «вглядывался и вслушивался в крепостную деревню». В жизни этого рода выдерживался принцип «беречь крестьян, – это сила России», который передавался из семьи в семью. Этот принцип реализовывался в стремлении улучшить и облегчить жизнь крестьян,

развить в русском народе корни национальной, народной культуры, развить предпринимательскую жилку в отдельных смекалистых крестьянах. Однако вряд ли Шереметевы были альтруистами в крестьянском вопросе, они понимали (особенно это проявилось в выкупе крестьян), что крестьяне своей деятельностью, особенно “капиталистский” их тип, представляли своей деятельностью определенный процесс самовозрастания капитала, то есть были сильным источником его накопления» [35, с. 146].

С.В. Шереметев умер 29 марта 1773 г. в возрасте 50 лет. Послушав совета своего двоюродного брата, он не продал Богородское, способствовал развитию и села и кожевенного промысла в нем. Пожар, о котором мы поведали выше, безусловно, сказался на развитии промысла и его темпах. Но не заглушил его.

8 марта 1797 г. вышел указ Правительствующего Сената о доставлении в экспедицию государственного хозяйства и сельского домоводства сведений о сельских произведениях, фабричных товарах, ремеслах, рукоделиях и проч.

Вызван он был, между прочим, тем, что «продукты, необходимые для сухопутных войск наших, коими империя наша хотя и изобилует, час от часу становятся дороже, причиняя тем чувствительное умножение расходов... Главнейшею сему причиною считая отпуск таковых в чужия государства, несообразной с собственными империи нашей надобностями и с количеством ежегодно земледельцами и фабрикантами от хозяйств своих отпускаемым, повелеваем обратить на сие все ваше внимание ...» [36, с. 236].

Указ губернского правления о доставлении сведений был разослан городничим и нижним земским судам 7 апреля; им было предписано доставить ведомости не позднее 20 апреля. Такая спешность, вероятно, повлияла на точность и верность доставленных сведений. Но она, тем не менее, дает ценную информацию по нашей теме.

Согласно ей, «в селе Богородском выделяется до 5000 пар рукавиц, ценою 20, 40 и 50 коп. пара, до 1000 шлей, по 1 р. и 1 р. 20 к. и узд до 500, по 50–60 к. ... на 46 крестьянских кожевенных заводах... выделяется 61400 бараньих белых кож (85–90 р. сотня)» [36, с. 236, 245]. В специализации производства богородчан налицо рукавичный, шорный и кожевенный промыслы.

Вскоре были составлены «Экономические примечания к Генеральному межеванию земель Горбатовского уезда Нижегородской губернии». Согласно им в Богородском числилось 948 дворов, в которых проживало 2448 мужского и 2625 женского пола душ. «При том селе состоит 46 (в архивном документе поверх этого числа про-

ставлено 76. – прим. авт.) домашних кожевенных заводов, на которых выделяется разный товар. Сапожной и бараний и рукавишный, который употребляется ими в сем селе в торговые дни, так и развозят в разные города и по ярманкам для продажи не менее по цене в год до 40740 рублей ...

Крестьяне состоят на оброке, а большею частию упражняются в делании разных кожевенных товаров или же выделывают овчины, а для сего же промыслу ходят в отдаленные губернии и города. Землю всей дачи отдают близлежащих селений крестьянам, и хотя некоторую часть и обрабатывают сами, но только наемными людьми и зажитком довольно хороши» [37, л. 95–97].

Купчие крепости о продаже шести кожевенных заводов за 1798–1810 гг. дают нам некоторое описание этих заведений. Из них следует, что заводы состоят из: «исбы с кожевенной посудой», «кожевни с толчею», «каменного кожевенного завода с кожевенной посудой», дубней, толчей, каменной кладовой и хоронным дворовым строением» [13, с. 45].

Так кто же после смерти Сергея Васильевича (1773) «правил» селом и развитием кожевенного промысла в нем, достигшего, как мы убедились, значительных успехов? В Планах дач генерального и специального межевания 1746–1917 гг. есть запись от 26 августа 1785 г. В ней говорится о том, что «Богородское село с деревнями [находилось во владении] Капитанши Натальи Шереметевой». И в сем селе проживало 2525 душ «мужеска пола» [38, л. 3].

Наталья Яковлевна Шереметева, урожденная княжна Голицына (1731–1792), была женой С.В. Шереметева. Возможно, после его смерти она и руководила огромным хозяйством нижегородских Шереметевых. Во всяком случае, в указанном нами источнике все деревни Шереметевых в Горбатовском уезде числятся за ней.

Однако архивный документ от 1779 г., в котором нижегородский второй гильдии купец Алексей Алексеев сын Брызгалов объявляет: «прикащику своему Нижегородского уезду вотчины лейб гвардии Коннаго полку ротмистра Василья Сергеевича Шереметева села Богородскаго крестьянину Михаилу Матвееву сыну Головастикову (Головастиковы – известный богородский род, представители которого сыграли значительную роль и в истории Нижнего Новгорода [39, с. 38–42]) сим полную даю мочь и веру в том, что ему Головастикову с вышеписаннаго числа впредь на три года на мое хозяйское имя ищет в Москве и в других российских городех ярмонках и протчих местах також в Нижнем в холщовом ряду или где случится всякаго звания товар покупал и продавал на собственные мои деньги до тысячи рублей или что и

сверх онаго до тысячи рублеф подростиску...» [22, л. 1 – 1 об.], – указывает на участие в хозяйственных делах и сына Василия, единственного наследника С.В. Шереметева.

Как на «вотчинника» В.С. Шереметева указывает еще один исторический факт. Для путешествия на юг императрицы Екатерины II в 1787 г. требовалось значительное количество подвод. По разнарядке из дворянских имений Горбатовского уезда было отправлено 37 лошадей с 18-ю проводниками. Так вот, из села Богородского, «вотчины В. Шереметева», как сообщает выборный Лыткин, «для высочайшего шествия ея императорскаго величества» было выставлено пять лошадей и три проводника [40, с. 118–119].

Кто владел и кто «правил» – нуждается в дополнительном изучении. Но оговоримся, что заслуги В.С. Шереметева (1752–1831) в развитии села в эти годы остаются все-таки под вопросом. Василий Сергеевич с молодости избрал военную стезю. Достигнув высоких чинов и званий, ушел в отставку. В письме графу Н.П. Шереметеву, написанном им собственноручно в с. Богородском и датированном 4 января 1800 г., он сообщает троюродному брату, что «живет спокойно, среди семейки своей». И добавляет: «Занимаюсь хозяйством мало...» [33, с. 142].

Это первое имеющееся в нашем распоряжении упоминание о пребывании В.С. Шереметева в своем нижегородском имении. Время же его здесь, в с. Богородском, наступит в веке девятнадцатом.

Источники и литература

1. *Архангельский С.И.* Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII–XIX вв. Горький, 1950.
2. Журналы Нижегородского Наместнического Правления 1788 г. // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (далее – НГУАК). Т. V. Нижний Новгород, 1903.
3. Село Богородское в XVII веке. Документы и исторический очерк / сост.: С.М. Ледров, В.Н. Беляева. Н. Новгород, 2014.
4. *Шеломаев В.П.* Кожевенная промышленность Нижегородской губернии. Исторический очерк и перспективы. Н. Новгород, 1928.
5. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 2148. Оп. 1. Д. 4.
6. *Таланин В.И.* Род Таланиных в истории Богородска. Богородск, 2015.
7. ЦАНО. Ф. 933. Оп. 1963. Д. 2.
8. История лейб-гвардии Семеновского полка / сост. П. Дишин. Т. II. СПб., 1883.

9. Отголоски XVIII века. Вып. V. М., 1897.
10. ЦАНО. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 48.
11. Казанские губернские ведомости. 1856. 27 августа. Часть неофициальная.
12. *Шеломаев В.П.* «По Оце реце, где втечет в Волгу» // Горьковская область. 1940. № 3.
13. *Шеломаев В.П.* Богородский район. Горький, 1941.
14. *Санникова Г.А.* Крестьянское кожевенное производство Казанской губернии XIX века // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма / отв. ред. Ю.И. Смыков. Чебоксары, 1982.
15. Кустарные промыслы. Текущая статистика на 1895/6 сельскохозяйственный год. СПб., 1897.
16. Горьковская коммуна. 1935. 10 сентября.
17. *Желтов Ф.А.* Исторические очерки (О начале промышленности в Богородском) // Искры творчества. Литературно-художественный сборник. С. Богородское, 1922. № 1.
18. *Щегольков Н.М.* Исторические сведения о городе Арзамасе, собранные Николаем Щегольковым. Ярославль. 1992. Репринт 1911 г.
19. Нижегородские епархиальные ведомости. 1894. 1 декабря. Часть неофициальная.
20. Ядро Российской Истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь Андреем Яковлевичем Хилковым, в пользу российского юношества, и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих в печать изданное, с предисловием о сочинителе сей книги, и о фамилии князей Хилковых. М., 1770.
21. Нижегородские губернские ведомости. 1889. 13 сентября.
22. ЦАНО. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 49.
23. Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду. М. – Н. Новгород, 2011.
24. *Смирнов Д.Н.* Нижегородская старина. Н. Новгород, 2007.
25. Нижегородские епархиальные ведомости. 1897. 15 сентября. Часть официальная.
26. ЦАНО. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 44.
27. Письма графа Н.П. Шереметева к В.С. Шереметеву. I (1792) // Русский архив. 1899. № 3.
28. *Козлова Л.Г.* Павловские кожевники и мыловары // Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. Памяти русского историка / под ред.: А.В. Любавина, С.В. Петряева, А.А. Сорокина. Богородск, 2014.
29. *Ледров С.М.* Кожевенная промышленность в нижегородских вотчинах Шереметевых в конце XVIII – первой половине XIX века // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сборник научных и методических статей. Вып. 13. Нижний Новгород, 2013.

30. *Башикиров В.В., Башикирова Л.Р.* Богородск. Б.м., 2004.
31. Кустарные промыслы Нижегородской губернии второй половины XIX – начала XX вв. / Егоров В.Г., Моркунцов С.А., Зозуля О.А., Петряев С.В. СПб., 2013.
32. *Бондарь А.А.* В забытом прошлом душу обретаю. Н. Новгород, 2008.
33. *Шереметев П.С.* Василий Сергеевич Шереметев. 1752–1831. СПб., 1910.
34. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 3. М., 1971.
35. Столбов В.П. Вотчинные крестьяне рода Шереметевых // Историко-экономические исследования. 2013. Т. 14. № 3.
36. Описание делам Нижегородского наместнического правления (за 1790–1797 гг.) // Действия НГУАК. Т. III. Нижний Новгород, 1898.
37. ЦАНО. Ф. 829. Оп. 676 б. Д. 8.
38. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1354. Оп. 265. Ч. I. Ед. хр. 898.
39. *Селезнев Ф.А.* Из истории рода богородских старообрядцев Голлавастиковых // Без прошлого нет настоящего: сборник историко-краеведческих трудов, посвященный памяти выдающегося богородского краеведа Алексея Александровича Бондаря (1952–2012) / под ред.: А.В. Любавина, С.В. Петряева, А.А. Сорокина. Богородск, 2015.
40. Описание журналам Нижегородского наместнического правления // Действия НГУАК. Т. IV. Н. Новгород, 1900.

Мелкое производство по обработке глины в Балахне в XIX веке

М.В. Карташова

С XVI в. в городе Балахне стало развиваться кирпичное производство на базе местных залежей высокосортных глин и неограниченного количества чистого речного песка. Производство кирпича было делом трудоемким и требовало значительных профессиональных навыков. Кирпичные заводы, или, как их чаще называли, сараи, по документам фиксируются с XVII в. Кроме кирпича в них изготавливали глиняную посуду, поливные многоцветные изразцы, поливные керамические плиты для пола, поливную черепицу для кровли.

Большой популярностью в XVII–XIX вв. пользовались балахнинские изразцы. Балахна являлась одним из центров изразцового производства [1, с. 285; 2, с. 50; 3, с. 171]. По масштабам изготовления изразцовой продукции Балахну сравнивают только с Москвой и с Ярославлем [4]. Балахнинские изразцы и изразцовые печи были распространены на большой территории от Оки до Верхнего Поволжья. Однако в городе не существовало профессиональных изразечников, как в столице. Изразцы изготавливали все те же кирпичники. Изразцовые печи вывозили в разные города и чаще всего через Макарьевскую ярмарку. В приходно-расходной книге муромского Троицкого монастыря за 1803 г. записано: «куплена на Макарьевской ярмарке в теплую трехсвятительскую церковь израчатая печь». Вот как описал один из гостей Макарьевской ярмарки путешественник Г. Реман торг балахнинскими изразцовыми печными наборами в 1805 г.: «На берегу видишь еще длинные ряды простых изразцовых печей, в числе коих есть даже весьма красивые. Они искусно сложены между толстыми шестами, по наружности которых никак не догадаешься, что они содержат внутри себя большую печь и нужное количество соломы, для безвредной переноски и перевозки столь ломкого вещества... Одна печь развязывается на показ и служит образчиков другим такого же разбора».

В начале XIX в. кирпичное производство в Балахне оставалось почти на том же уровне, что и во второй половине XVIII в. Каменных зданий, как и прежде, строилось немного, так как в городе проживало мало богатых дворян и купцов, способных вести дорогостоящее каменное строительство. От того времени сохранились лишь Сретенская церковь в селе Кубенцево – 1807 г. (находилась на границе с городом), дома купцов Латухиных – 1813 и 1825 г. и несколько других каменных зданий.

В городе работали частные кирпичные заводы, принадлежавшие небогатым купцам и мещанам. Это объясняет их маломощность, так как для организации крупного производства у их владельцев не доставало капиталов. Кроме того, если сырьё (глины и строительного песка) в городе имелось достаточно, то дров для обжига не было. Если основной балахнинский промысел – соляной – терпел недостаток в лесе, то кирпичное производство, менее выгодное для хозяев, и вовсе не могло позволить приобретение дорогостоящих дров.

Число кирпичных заводов (сараев) с каждым годом изменялось, что в первую очередь зависело от цен на дрова. В 1808 г. их было 14, в 1813 г. – 15, в 1825 г. – 20, в 1835 г. – 22, в 1845 г. их число опять резко снизилось до 16, а в 1848 г. до 12. На балахнинских кирпичных заводах выделялся кирпич разных сортов: крупный и мелкий, и его общая

выделка в год составляла от двух до четырех млн штук на сумму до 90 тыс. руб. По данным официальной статистики, в 1850-е гг. всего в России изготавливалось до 140 млн штук кирпича на сумму около одного млн руб. [5, с. 59]. Таким образом, Балахна выпускала, в стоимостном выражении, около 9 % всего кирпича, но в штуках это была значительно меньшая часть, 2–3 %. В 1813 г. из 15 кирпичных сараев лишь один принадлежал купцу (С.М. Зеленихину), остальные – мещанам. Доход от них городу составлял 104 руб. [6, л. 108]. Стоимость тысячи штук кирпича оценивалась в 11,5 руб. Из документа за 1825 г. следует, что 14 заводов выделяли 3–4 млн. штук кирпича [7, л. 31], значит, на каждый завод приходилось около 200 тыс. штук, то есть их продажная цена составляла 2300 руб. Такой доход кирпичезаводчиков представить трудно, сумма большая, но дело в том, что сбыт они находили с трудом и разница в ценах, которую определяли заводчик и торговец, была тоже большой. Балахнинские заводчики очень редко сбывали кирпич на месте, как в случае, когда городская дума купила 2 тыс. штук кирпича на две новые печи и ремонт старых [6, л. 108]. К тому же нельзя исключать преднамеренной ошибки в документе, которую сделали в думе, чтобы к рукам местных чиновников «прилипла» какая-то сумма из казенных денег. Скорее всего, торговцы из других городов или балахнинские купцы, владевшие судами, скупали кирпич в Балахне, а продавали его в других городах значительно дороже.

В 1825 г. три кирпичных завода принадлежали купцам 3-й гильдии: Якову Нестерову, Петру Редозубову и Василию Рукавишникову, а остальные – мещанам. В 1845 г. только два завода были во владении купчихи Марьи Ивановны Редозубовой, остальные – принадлежали балахнинским мещанам. В этом случае можно предположить, что купцы теряли интерес к данному производству в силу его малой прибыльности. Владельцы заводов обязаны были платить в казну акциз (налог). В 1845 г. он составлял один рубль с каждой тысячи штук крупного кирпича. Так, купчиха М.И. Редозубова заплатила за 10,5 тыс. штук крупного кирпича 105 руб. акциза. В 1839 г. эти сборы были гораздо меньше. За год со всех заводчиков было собрано 1054 руб. 82 коп. ассигнациями, а в 1845 г. – 1966 руб. 45 коп. (правда, 840 руб. 20 коп. с заводчиков было недополучено). Точные данные о количестве кирпичных заводов и их производстве узнать невозможно, так как еще в середине XIX в. отмечалось «отсутствие точного списка и данных о заводчиках, сколько сделано кирпича» [8, л. 15]. Кирпичные заводы в течение всей первой половины XIX в. оставались небольшими полукустарными предприятиями. Скорее это были мастерские, в которых работал зачастую сам хозяин, иногда с одним или двумя помощниками.

Так, в 1848 г. на 12 заводах трудилось 27 рабочих [9, л. 20], то есть на один завод приходилось 1–3 человека.

31 января 1849 г. балахнинские кирпичные заводчики были вынуждены обратиться к нижегородскому военному губернатору с просьбой о разрешении им делать кирпич на старых заводах, так как они не имеют возможности строить кирпичные сараи согласно Высочайше утвержденным новым правилам и чертежам из-за «малого количества выделки и продажи кирпича». Губернатор, поддержав заводчиков, направил прошение главноуправляющему путями сообщения и публичными зданиями. В результате 5 марта 1849 г. был издан именной императорский указ «О дозволении кирпичным заводчикам г. Балахны выделывать кирпич на заводах прежнего устройства», который дозволял балахнинским кирпичным заводчикам «выделывать кирпич на заводах прежнего устройства, но с тем, чтобы приготовленный ими кирпич видом и качеством непременно соответствовал кирпичу, который требуется по правилам, Высочайше утвержденным 24 января 1847 года (20848)» [10]. Другим законом устанавливались правила для единообразной и прочной выделки кирпича, действие которого распространялось на территорию всей империи. Параграф 1 формулировал сам термин «кирпич», который определялся как «искусственный камень, приготовляемый из глины, с примесью некоторого количества песка, высушенный в сырце на воздухе и наконец обожженный в кирпичеобжигательных печах». Выделялись четыре сорта кирпича, определялся его вес, размер и технология производства [11].

Глина также была главным сырьем для гончарных и горшечных заводов. Различия в этих заводах были небольшими: и на тех и на других могли изготавливать печные изразцы и посуду, хотя, конечно, горшки, в основном, выпускали на горшечных заводах. И те, и другие являлись небольшими мастерскими, где все трудовые операции и даже сбыт осуществлял сам мастер – хозяин заведения. Однако, были и такие предприятия, на которых трудились только наемные рабочие, так как их хозяин владел не только этим предприятием, но и другими видами промышленных заведений. Так, купец И.В. Мулындин в 1813 г. являлся владельцем гончарного и солодовенного заводов. Семен Деревенькин в 1825 г. владел гончарным и кирпичным предприятиями. У таких предпринимателей производство было поставлено более широко, но и у них количество наемных рабочих не превышало 2–3 человека.

О сходстве гончарных и горшечных предприятий говорит такой факт, что отчеты того времени не всегда их разделяют на две группы. Так в 1808 г. в Балахне числилось восемь гончарных заводов, горшечные совсем отсутствовали, а во все последующие годы указывалось по

два горшечных завода. Число же гончарных мастерских в первой половине XIX в. изменялось очень сильно: 1808 г. – 8, 1813 г. – 5 [8, л. 108], 1825 г. – 1, 1835 г. – 3 [12, л. 183–184], 1848 г. – 2 [13, л. 20]. Эти колебания зависели от многих факторов и, прежде всего, от заказов на изразцы: были заказы – была работа. Если горшки можно было продавать в любом количестве: 1–2 десятка или целый воз на базаре в городе или в близлежащих деревнях и селах, то изразцы изготавливались не поштучно, а целыми печными наборами, где все изразцы должны были иметь одинаковый размер и рисунок, тем более что горшечное производство требовало умения работать на гончарном круге – и только, а производство изразцов – не только мастера по изготовлению этих самых «плинф» из глины, но и художественного мастерства для оформления изразцов.

Печные изразцы, хранящиеся в фондах Балахнинского музейно-историко-художественного комплекса, сильно отличаются по своему художественному оформлению. Есть даже такие, над которыми работали, видимо, дети, так как линии рисунка, цветы – неровные, примитивные. Следовательно, изразцовое производство требовало высокопрофессионализма, чтобы изразцы могли конкурировать с изделиями из других городов. Балахнинские мастера-изразечники имели богатейшие традиции, уходящие своими корнями в XVI–XVII вв., когда местными мастерами были созданы высокохудожественные изразцы, не только печные, но и архитектурные, барельефные, многоцветные, которые до сих пор украшают церкви и хранятся в коллекциях лучших музеев России.

Расходы на гончарное и горшечное производство были небольшими. Главное сырье – глина в Балахне была практически бесплатной, так как ее рыли хозяева этих заведений, в основном, на своей земле, выплачивая лишь налог за производственную деятельность в городскую казну.

Мастерам-изразечникам приходилось покупать краску для оформления изразцов. Но главным пунктом расходов являлись, конечно, дрова, которые в Балахне были очень дороги, так как, в лучшем случае, их приходилось покупать в Жарской волости у помещиков или сплавливать по рекам Узоле и Унже. Дороговизной дров во многом и объяснялось значительное снижение изразцового производства в Балахне. Налог, который платили гончары-горшечники, был небольшим – от 1,5 до 10 руб. с каждого заведения.

В 1813 г. он распределялся следующим образом:

Гончарные заведения:

И.В. Мулындин – 10 руб.

Степан Фурин – 5 руб.
Е.Шилов – 5 руб.
С. Деревенькин – 10 руб.
Семен Щепетильников – 1 руб. 50 коп.
Горшечные:
Ф. Черников – 2 руб.
Тихон Горшечников – 2 руб.

Итого: 35 руб. 50 коп. на 7 мастерских [6, л. 108].

Стоимость вырабатываемой продукции тоже была небольшой. В 1825 г. эти заводы изготавливали продукции на следующие суммы:

- гончарный завод мещанина Семена Деревенькина – на 700 руб.;
- горшечный Якова Горшечникова – на 100 руб.;
- горшечный Федора и Михаила Черниковых – на 200 руб.

О большей выгоды гончарного и изразцового производства говорит и другой факт: в 1848 г. на двух гончарных заводах трудилось 8 рабочих, а на двух горшечных – лишь трое [13, л. 20], то есть на каждое гончарное предприятие приходилось по 4, а на каждое горшечное – по 1–2 человека.

Таким образом, на всем протяжении первой половины XIX в. гончарное и горшечное производства оставались примитивными и бесперспективными, над которыми тяготели стародавние традиции. У гончаров не было финансовых возможностей для расширения своих предприятий, а у кого они и были, те видели невыгодность расширения этого производства, так как в быт горожан стали проникать изделия более утонченные, которые привозились с близлежащей Нижегородской ярмарки, куда свозились товары со всей империи. Горшечные мастерские в первой половине XIX в. развивались еще стабильно, а вот изразцовое производство начало заметно снижаться.

Во второй половине XIX в. с ростом промышленности в Российской империи активизировалось и кирпичное производство. Большим спросом стали пользоваться строительные материалы и, в частности, кирпич. В 1861 г. число кирпичных заводов только в Москве увеличилось до 27-ми, а выпуск кирпича поднялся до 55 млн штук в год. В 1860-е гг. себестоимость одной тыс. штук кирпича не превышала 6 руб., а продажная цена доходила до 26 руб. «По сильному возвышению цены на кирпич все захотели сделаться кирпичными заводчиками», – писал в 1862 г. обозреватель журнала «Зритель» [14, с. 413–416].

Балахна не стала исключением в процессе общероссийского подъема кирпичного производства. Число таких заводов здесь в 1860-е гг. значительно увеличилось, продолжая расти на протяжении всей второй половины XIX в. Если в 1848 г. их было лишь 12, то в 1862 г. – уже 19,

через 6 лет – 20, в 1880 г. – 27. В 1900 г. в Балахне работало 23 кирпичных завода. Как и прежде эти заводы оставались частновладельческими, но несколько изменился социальный состав владельцев. Если в 1845 г. лишь один завод принадлежал купчихе, а остальные мещанам, то в 1868 г. – уже семь купцов 2-й и 3-й гильдий занялись кирпичным производством. За эти 20 лет значительно увеличился и выпуск кирпича: с 2299,3 тыс. штук в 1845 г. до 3612 тыс. штук в 1868 г. Однако такое увеличение было не стабильным. Уже в 1872 г. с кирпичных заводчиков было получено налогов 2008 руб. 33 ½ коп., тогда как в 1845 г. – 1966 руб. 45 коп., то есть почти столько же. Следовательно, в 1872 г. производство кирпича в городе оставалось примерно на прежнем уровне. В 1895 г. кирпича было произведено 2315 тыс. штук [15, л. 54], почти столько же, что и 50 лет назад. Всплеск кирпичного производства в Балахне был недолгим. Он мог объясняться несколькими крупными заказами на кирпич. К 1900 г. сумма выработки кирпича, по сравнению с 1868 г., снизилась более чем в два раза: с 18060 руб. до 8150 руб., хотя число заводчиков и увеличилось с 20 до 23 человек.

В этот период вновь изменился социальный состав владельцев таких заводов. В 1895 г. ими были только мещане. Видимо, купцы потеряли всякий интерес к малоприбыльному кирпичному производству. Можно сравнить стоимость имущества кирпичного и лесопильного заводов. Например, стоимость кирпичного завода мещанина Африканта Афанасьевича Хлыстова оценивалась в 100 руб., сумма выработки – в 500 руб.; стоимость же инвентаря и зданий лесопильного завода Рябова и Щепетильникова – в 14642 руб., сумма выработки – в 11510 руб. Разница столь значительная, что очевидны причины маломощности кирпичных предприятий в Балахне, которые и в конце XIX в. назывались сараями.

Это были длинные деревянные корпуса, в лучшем случае «крытые горбушами и обгороженные соломенными щитами» [16, л. 1], с земляным полом, где располагалась печь для обжига. Труд был полностью ручным. В фондах Балахнинском музейного историко-художественного комплекса хранятся инструменты для изготовления кирпичей: деревянная лопата, обитая железом для выемки кирпичей из печи, деревянная форма, кадушка для замешивания состава, наклонная скамейка. Естественно, этот нехитрый инвентарь, практически весь деревянный, стоил дешево. Глина и песок были, что называется «под ногами», и налог за аренду земли – низким. В 1872 г. аренда 451 кв. саженей земли под кирпичным заводом обходилась купцу Е.Я. Нестерову в 22 руб. 35 коп. В кирпичном производстве были необходимы работники разных специальностей: возчики глины, песка и кирпича; мастера,

работа которых заключалась в размятии глины и выбивки заготовки из формы; оправщики, выправляющие кирпич, когда он подсохнет; уходчики, обжигающие кирпич и заведующие всем процессом выделки кирпича. Но зачастую два – три работника занимались всем производством.

Основная масса кирпичных заводов располагалась за Покровской слободой, вокруг Солдатской улицы. В настоящее время это территория Картонной фабрики ОАО «Полиграфкартон», поселка фабрики и садов. На такой небольшой площади во второй половине XIX в. располагалось около 20 кирпичных заводов. Эти места, хотя и благоустроенные, до сих пор глинистые, а в садах, хотя они и возделываются около 50 лет, на 5 см вглубь земли – глина. Лишь два кирпичных завода в 1895 г. располагались за Петровским полем в низине. Заводы занимали небольшую площадь: от 150 ½ саженой у мещанина Луковникова до 651 саженой у Долгополова, где кроме самого завода-сарая располагались складские места для дров и готового кирпича, но главный интерес представляла сама глина, на которой фактически и стояли заводы. Это была ужасная грязь и антисанитария. Фотография одного из балахнинских кирпичных заводов хранится в Балахнинском музейном историко-художественном комплексе. В фондах музея сохранились и кирпичи старого производства. По свидетельству корреспондента «Нижегородских губернских ведомостей», балахнинский печной кирпич весил до 7 фунтов, строевой – до 10–11 фунтов [17].

Кроме кирпичей, на этих же заводах зачастую изготавливали глиняную посуду и изразцы. Однако точных сведений об их производстве в документах не обнаружено. Отдельные мелкие горшечные и гончарные предприятия существовали в Балахне и в пореформенный период. Работали в них сами хозяева-мастера, в документах даже нет сведений об использовании в таких мастерских наемного труда. Если в 1848 г. действовало два гончарных и два горшечных заведения, то в 1862 г. лишь по одному. В «Описи заводов и фабрик за 1862 г.» на горшечном заводе значится один человек, а сумма выработки – 5 руб. [18, л. 11]. На одном гончарном заведении число мастеровых не указано, стоимость изготовленной за год продукции составила 160 руб. Эти маленькие ремесленные мастерские, какие были еще в XVII в., действовали и через три столетия на том же уровне развития. Они не перерастали в более крупные предприятия. В «Ведомости о фабриках и заводах Балахнинского уезда» за 1895 г. два горшечных завода с суммой выработки в 100 руб. названы «мелкопромышленными заведениями» [15, л. 54]. К 1900 г. осталась лишь одна гончарная мастерская, где работал сам хозяин, изготавливая горшков всего на 15 руб. Этот мастер лишь в силу старой привычки не бросал свое дело. Кроме того, нанять-

ся на работу в городе было трудно. Маленькие мастерские не могли конкурировать с крупными предприятиями. Горшки кустарного производства переставали пользоваться спросом, так как в быт горожан и даже крестьян стали входить стеклянная посуда и изделия многочисленных фаянсово-фарфоровых фабрик.

Таким образом, кирпичное и гончарное производство в Балахне, в 1860-е гг. пережив кратковременный подъем, в последующий период сильного развития не получило, продолжая стабильно развиваться на уровне мелкопромышленных заведений. Отсутствие механизации тормозило совершенствование кирпичных заводов, и их производство держалось лишь на практически бесплатном сырье. Заслуживает внимания тот факт, что для строительных и реставрационных работ даже в Балахне зачастую использовали привозной кирпич. Так, в Никольской церкви города были обнаружены кирпичи с клеймами ярославского производства. Однако балахнинские кирпичные заводы просуществовали еще долго, один из них даже до 1960-х гг. Их продукция очень пригодится во время строительного бума в 1920-е гг. Практически все здания балахнинских фабрик – Бумкомбината, Картонной фабрики и НиГРЭС – были выстроены из местного кирпича.

Источники и литература

1. *Воронов Н.В.* Изразцы // Русское декоративное искусство. Т. 1. М., 1962.
2. *Инягин П.Г., Алексеев С.И.* Находки изразцов в Макарьеве на Унже // Материалы научной конференции «VI Плесские чтения». Плес, 1996.
3. *Немцова Н.И.* Балахнинские изразцы // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: Материалы II региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». Нижний Новгород, 1991.
4. Рабочая Балахна. 1986. 23 августа.
5. *Черняк Я.Н.* Очерки по истории кирпичного производства в России. М., 1957.
6. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 2. Оп. 6. Д. 42.
7. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 44. Д. 31.
8. ЦАНО. Ф. 154. Оп. 98. Д. 263.
9. ЦАНО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 13.
10. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. 2. Т. XXIV. № 23058.
11. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XXII. № 20848.

12. ЦАНО. Ф. 61. Оп. 216. Д. 1. Т. 1.
13. ЦАНО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 19.
14. Зритель. 1862. № 3.
15. ЦАНО. Ф. 61. Оп. 216. Д. 638.
16. ЦАНО. Ф. 61. Оп. 216. Д. 96 Б.
17. Нижегородские губернские ведомости. 1895. 3 мая. Часть неофициальная.
18. ЦАНО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 54.

Нижегородцы и вопрос о реформе крестьянского суда в начале XX века

А.А. Сорокин

В начале XX в. вопрос о реформе крестьянского правосудия оставался одним из ключевых. Это было во многом связано с тем, что выбор той или иной модели суда крестьян должен был юридически обозначить их положение: либо как граждан, равных в правах с остальными, либо как отдельное сословие.

К этому времени основным институтом для решения крестьянских тяжб являлся волостной суд, учрежденный в 1861 г. К рассматриваемому нами периоду он являлся частично общинной структурой (поскольку судьи выбирались из числа крестьян-домохозяев) и частично – административной (поскольку председатель суда утверждался земским участковым начальником).

Вопрос об отношении крестьянства к своему правовому положению вообще и суду в особенности является малоизученным [1; 2; 3]. Связано это во многом с узостью источниковой базы. Крестьяне долгое время не являлись субъектами общественно-политических дискуссий в Российской империи, практически не оставляли воспоминаний, а книги решений волостных судов не позволяют определить степень отношения тяжущихся к той модели суда, которая им была предложена.

Впервые у крестьян появилась возможность дать свои характеристики существующему судоустройству и предложить свои варианты устранения тех или иных недостатков в ходе работы Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра законоположений по судебной части под председательством Н.В. Муравьева. Комиссия работала в 1894–1894 гг., и в ее фондах в РГИА отложилось значительное количе-

ство записок и проектов от крестьян, служащих, землевладельцев и чинов судебного ведомства. Однако документов нижегородского происхождения среди них обнаружить не удалось.

Положение изменилось с учреждением Государственной Думы. Во-первых, в ее состав вошли крестьяне, во-вторых – на имя депутатов и председателя стало приходиться немалое количество писем, наказов, адресов. Мы решили проанализировать приговоры и наказания крестьян Нижегородской губернии, в 1905–1907 гг. направленные в правительство и Государственную Думу [4]. В опубликованном комплексе источников 30 таких документов были подписаны жителями 8 уездов (Ардатовского, Арзамасского, Балахнинского, Васильсурского, Княгининского, Лукояновского, Макарьевского и Нижегородского). Наиболее активными были макарьевцы, балахнинцы и нижегородцы – по 11, 8 и 7 обращений соответственно.

Каким же хотели видеть крестьянский суд жители Нижегородской губернии? В первую очередь – равным. Идея равенства в суде была озвучена в 12 документах. При этом были использованы различные формулировки. Так, крестьяне Макарьевского уезда апеллировали к необходимости исполнения норм указа 12 декабря 1904 г. [4, с. 37], который, помимо прочего, провозглашал необходимость единства устройства судебной части в целях равенства перед судом [5]. Крестьяне с. Елховка Васильсурского уезда требовали «уравнять дворян и крестьян во всем» [4, с. 151]. Наказ крестьян Терюшевской волости Нижегородского уезда в Государственную Думу содержал положение о «равенстве всех граждан перед судом» [4, с. 322]. Таким образом, на местах бытовали настроения о ненужности специального судебного органа для крестьян.

В 11 наказах было озвучено требование отмены власти земских начальников. Оно во многом перекликалось с предыдущим, поскольку именно благодаря земским начальникам волостной суд контролировался административно, так как последние влияли на кадровый состав суда. Как писали во II Думу крестьяне Макарьевского уезда, земские начальники «производят суд и расправу по своему усмотрению» [4, с. 323, 324]. Балахнинские крестьяне считали излишней их опеку [4, с. 358].

Крестьяне Нижегородского уезда – вероятно, как наиболее политически грамотные – требовали, чтобы крестьянский суд был выборным [4, с. 75]. Жители Лукинского общества в своем приговоре призывали заменить выборными судьями именно земских начальников [4, с. 328]. Их поддерживали крестьяне Лукояновского уезда, которые в наказе во II Думу просили ввести прямые выборы судей [4, с. 368].

Кроме того, 136 крестьян с. Протасовка того же уезда отмечали, что следует «преобразовать или совсем упразднить волостные суды» [4, с. 350].

Насколько крестьянские чаяния перекликались с мнениями местной администрации и представителей земства? В 1902–1904 гг. действовало Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В рамках его работы были образованы губернские и уездные комитеты для обсуждения обширного перечня вопросов. Вопрос о крестьянском суде не входил в обязательную программу для обсуждения, однако комитеты имели право ставить на повестку любые проблемы, которые могли быть сопричастны к нуждам крестьянства. По архивным данным, в итоге крестьянское судоустройство обсуждалось в 150 комитетах 49 европейских губерний (по нашим подсчетам – примерно в 40 % от общего числа таких комитетов) [6, л. 21].

В Нижегородской губернии этот вопрос вызвал меньше интереса – формулировки о крестьянском суде мы находим в заключениях 4 из 12 комитетов. Тем не менее, эти краткие дебаты и сообщения, которые имели место быть, являются интересным источником по истории борьбы за реформу крестьянского правосудия. Важным моментом является и то, что в работе уездных комитетов принимали участие многие будущие депутаты Государственной Думы от Нижнего Новгорода и губернии.

Насколько в комитетах сознавали необходимость развития крестьянского правосудия? В докладе члена Арзамасского уездного комитета Н.П. Воробьева об организации юридической помощи населению отмечалось, что существовавшие волостные суды «нисколько не способствуют делу развития в крестьянской среде народного правосознания, проникновению в нее идей законности и правовых начал» [7, с. 206]. Будущий лидер нижегородских кадетов А.В. Иконников, входивший в состав Макарьевского комитета на правах председателя земской управы, указывал, что развитие сельского хозяйства находится в тесной связи с распространением общего образования, а удержать «интеллигентного крестьянина» можно лишь за счет реформы правового положения крестьянства и подчинения его общим законам [7, с. 415]. О необходимости хотя бы упорядочения применения обычного права в суде говорил председатель Нижегородского уездного комитета А.А. Савельев [7, с. 442]. О необходимости уравнивания крестьян в правах с другими сословиями и об отсутствии целесообразности в особом крестьянском суде, управляемом «большой частью волостным писарем» спорили в Семеновском комитете [7, с. 534].

Каким образом предлагалось улучшить крестьянское правосудие, помимо уравнивания крестьян в правах с другими сословиями? Сергачский уездный комитет в своих заключениях отмечал необходимость реформы или замены волостного суда «иным судебным учреждением». В случае сохранения волостного суда предлагалось всех волостных судей (а не только председателей судов) утверждать в должности уездным съездом [7, с. 100]. Семеновский предводитель дворянства Н.М. Ленивцев и земский начальник А.Н. Лебедев призывали вернуться к началам Судебных уставов 1864 г. и выборному мировому суду [7, с. 535–536].

Однако противоположной точки зрения придерживалось немалое количество остальных членов. Так, по мнению балахнинского земского начальника Л.Л. Панютина, правовое положение крестьянства «нисколько не тормозит хозяйства» [7, с. 224]. Председатель Макарьевского комитета В.В. Левашов заявил, что с реформой волостной суд будет уничтожен, а нужно ходатайствовать «о сохранении местного суда, близкого к населению» [7, с. 415]. Члены Семеновского комитета И.С. Горбунов и Г.В. Горячев защищали волостной суд, отмечая, что он «работает как следует... никто у нас не жалуется» и формируется из «самых хороших людей» [7, с. 534]. Категорическим противником реформы крестьянского суда был председатель Сергачского комитета, местный предводитель дворянства и одновременно председатель уездной управы П.Г. Бобоедов. В своем докладе он призывал «не брать закон с европейских теорий, чуждых и вредных русскому народу» [7, с. 581].

И хотя, как мы видим, часть земства имела схожие с крестьянством взгляды на проблемы местного суда, точка зрения противников изменения правового положения крестьян в итоге возобладала: в Нижегородском губернском комитете вопрос о реформе волостного суда или замене его другим учреждением был отклонен [7, с. 42].

Однако нижегородцам удалось поучаствовать в дальнейших дебатах, когда в III Государственной Думе шли ожесточенные прения по проекту реформы местного суда, подготовленному кабинетом П.А. Столыпина. Согласно этому проекту, предполагалось создание единой системы местных (сельских) судов – низшего звена юстиции. На смену судебным полномочиям земских начальников, а также волостным судам, должны были придти мировые суды, которые после реформы 1889 г. сохранились только в крупных городах.

Нижегородский кадет Г.Р. Килевейн, участвовавший в работе профильной думской комиссии, так изложил партийную позицию: «Положение правосудия на местах настолько отчаянное, что далее

терпеть с этим вопросом невозможно. Ныне параллельно действуют: волостной суд, суд земских начальников, суд городских судей и суд уездных членов окружного суда. Одна многочисленность этих инстанций создает чрезвычайную ситуацию в вопросе о подсудности. Мы постараемся ввести в судопроизводство такие изменения, которые дали бы нам суд близкий к народу, и пользующийся его авторитетом, скорый и независимый... чтобы он был на страже законности не только по отношению к населению, но и к власти» [8, стб. 1492–1499]. Его поддержал однопартиец уже упоминавшийся нами А.А. Савельев. При первом чтении законопроекта он отмечал: «Важнейшей стороной этого проекта я считаю замену выборными мировыми судьями, с одной стороны, сословных крестьянских судов, а с другой – административно-судебной власти земских начальников» [8, стб. 1512]. Оба депутата считали, что волостной суд должен быть упразднен [8, стб. 1494, 1517].

В вопросе реформы местного суда кадеты нередко дискутировали с октябристами. Если первые требовали максимально демократизировать суд, применять только выборное начало для замещения судейских должностей и отдавать при этом приоритет образовательному, а не имущественному цензу, то вторые были более лояльны к точке зрения правительства (приоритет имущественного ценза над образовательным), а некоторые из них даже оказывались солидарны с правыми и защищали сословный суд. Хотя официально октябристы изначально выступали за отмену волостного суда, некоторые из них полагали, что его можно реформировать, улучшить, сохранить. Так, другой нижегородский депутат – А.Е. Фаворский, в отличие от Г.Р. Килевейна и А.А. Савельева, апеллировавших к необходимости единства закона и суда для всех, отстаивал право крестьян на самобытность:

«Возможно ли в самом деле, чтобы целое сословие, сложившееся экономически, в бытовом отношении имеющее известный нравственный облик, привычки, могло руководиться без всяких норм? Возможно ли, чтобы у такого сословия не было естественного позыва к насаждению в среде своей власти, власти судебной, руководящей экономическими и нравственными отношениями членов общегития?... И вот в решениях волостных судов, которые руководились обычаем более, нежели писаным законом, несомненно, сказалась и должна была сказаться та идея правды и справедливости, которая в совести крестьян, в совести простолюдинов безусловно есть, без наличности которой в жизни человеку простому жить невозможно, без наличности такого принципа бесконечные обиды и притеснения жить ему не дадут» [8, стб. 1676].

В 1912 г. крестьянский суд был реформирован. Восстанавливался выборный мировой суд, который становился апелляционной инстанцией для волостных судов (последние, вопреки первоначальному варианту законопроекта, сохранялись). Многолетняя дискуссия оказалась завершена, и к ее итогу – новому закону о местном суде – оказались причастны и нижегородцы.

Источники и литература

1. *Безгин В.Б.* Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М., 2017.
2. *Земцов Л.И.* Борьба за крестьянское правосудие в России в начале XX века // Вестник восстановительной юстиции. 2016. № 13.
3. *Сорокин А.А.* Реформа волостного суда в 1890-е годы (по материалам Комиссии Н.В. Муравьева) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2016. № 6.
4. Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905–1907 гг. Сборник документов / под ред. В.П. Данилова и А.П. Корелина. М., 2000.
5. О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка: Именной Высочайший указ, данный Сенату // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XXIV. Ч. 1. № 25495.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 105.
7. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 24. Нижегородская губерния. СПб., 1903.
8. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия III. Ч. 1. СПб., 1910.

Нижегородские страховые доски

М.В. Моисеенко

Традиционный атрибут огневого страхования прошлых веков – металлическая страховая доска. На ней изображался знак страховой компании. Такая доска показывала высокий уровень достатка хозяина. Она же служила своеобразным украшением фасада дома. В России страховые доски появились в первой половине XIX века. Видимо, пер-

вым их стало выдавать клиентам учрежденное в 1835 г. «Второе российское страховое от огня общество».

Земское страхование

Сильный толчок развитию страхования в России дала земская реформа 1864 г. Земское страхование строений от огня подразделялось на обязательное (окладное) и добровольное. Обязательному земскому страхованию подлежали все крестьянские постройки. Операции как обязательного, так и дополнительного страхования были открыты в Нижегородской губернии в 1868 г. Но тратить деньги на дополнительное страхование крестьяне не хотели. Поэтому страхование в первые 10 лет своего существования принесло земству «громадный убыток» и в 1879 г. было отменено. Земское добровольное страхование в Нижегородской губернии вновь началось лишь с 1884 г. [1, с. 77].

Имея за плечами негативный опыт, Нижегородское земство регулярно и тщательно пересматривало правила как по добровольному, так и по обязательному страхованию в целях их совершенствования. В 1898 г. вышел очередной сборник дополнительных правил к «Положению о взаимном земском страховании» Нижегородского губернского земства. В него были включены все изменения и дополнения в правилах по страхованию, введенные губернскими земскими собраниями с 1893 г. Кроме того, сборник содержал образцы бланков окладных листов, квитанций, описей, ведомостей и иных бумаг, оформляемых агентами при страховании. Среди них оказался интереснейший для нас документ – образец бланка о сдаче земским агентом денег, полученных с «добровольных страхователей за выданные им страховые доски-значки» [2, с. 154].

Подавляющее большинство страховщиков вручали клиентам страховые доски бесплатно при заключении страхования. Тем не менее, ряд учреждений выдавал страховые доски за плату. Пример тому – Нижегородское земство. Таким образом, при добровольном земском страховании от огня страхователь должен был заплатить определенную сумму денег за «страховую доску-значок».

Однако в августе 1903 г. на съезде страховых инспекторов и агентов Нижегородской губернии комиссией было постановлено: «Доски-значки страхователям выдавать бесплатно по одной на каждое страхование; для мелких же страхований следовало бы размеры значков уменьшить». Первое постановление комиссии о безвозмездной выдаче досок-значков реализовано было не сразу. В докладе Нижегородской земской управы по добровольному страхованию очередному Нижегородскому губернскому земскому собранию за 1905 г. содержатся

ся сведения о получении дохода за страховые доски, следовательно, доски страхователям продолжали выдавать за плату. В разделе «Состояние страховой кассы» указано, что за отчетный год «получено за страховые доски» 25 руб. 45 коп., а выплачено «за изготовление страховых досок» 1243 руб. 12 коп. [3, с. 33]. Количество досок не указано, но сумма, потраченная Нижегородским земством на изготовление табличек по добровольному страхованию, впечатляет, так как в разы превосходит суммы, выделяемые на эти цели другими страховыми учреждениями. Это вполне объяснимо значительным количеством застрахованных строений: на 1 января 1906 г. в Нижегородском земстве по добровольному страхованию было застраховано 6131 строение и выдано 3119 страховых полисов.

При анализе количества и динамики страхования объектов имущества становится понятно, почему в смете расходов статья «На изготовление страховых досок» значится далеко не каждый год. Можно полагать, что заказ в 1000 знаков являлся оптимальным по соотношению «цена – количество» и на несколько лет обеспечивал общество страховыми досками, а следующую партию изготавливали по мере истощения запасов.

Второе постановление комиссии Съезда страховых инспекторов и агентов Нижегородской губернии по выпуску малых страховых досок-значков, по всей видимости, вовсе не было реализовано. Во всяком случае, значки меньшего размера Нижегородского земского страхования до настоящего времени не встречались.

Общество взаимного страхования от огня имущества в Нижнем Новгороде

Страховые доски Общества взаимного страхования от огня имущества в Нижнем Новгороде в коллекциях встречаются сравнительно редко. Сейчас на домах в Нижнем Новгороде их не осталось вовсе, а последние из найденных экземпляров находились в крайне плачевном состоянии – с утраченными фрагментами и сквозной коррозией. По данным отчета за первый год деятельности, Обществом взаимного страхования в 1895 г. на страховые доски израсходовано 200 руб. [4, с. 11]. Количество их не указано. Предположение, что заказ на изготовление страховых досок в размере 1000 штук являлся стандартным, позволяет вычислить стоимость нижегородского знака – 20 коп. Масштабы по страхованию имущества Нижегородским обществом были весьма скромными – за пять лет деятельности было застраховано всего 615 строений.

Доски вручались домовладельцам, но, к сожалению, не всегда крепились ими на фасады домов, чем и были обеспокоены члены правления общества. Как отмечено в протоколе годового общего собрания членов общества от 18 марта 1897 г., по заявлению члена-страхователя Алексея Ефимовича Наумова относительно страховых досок «собранием постановлено предложить правлению обратиться ко всем страхователям общества с просьбой – выдаваемые им страховые доски помещать на страхуемых зданиях непременно на видном месте» [5, с. 4].

Нижегородское Ярмарочное общество взаимного страхования от огня

Особенным образом хочется обратить внимание читателя на Нижегородское Ярмарочное общество взаимного страхования от огня, начавшее страховые операции в 1900 г. Это общество было создано исключительно для страхования товаров во время Нижегородской ярмарки, а также объектов движимого и недвижимого имущества, расположенных на ярмарочной территории.

Таким образом, по российским меркам Ярмарочное общество было совершенно незначительным ввиду ограниченности страховых операций. До недавнего времени никому из коллекционеров даже в голову не приходило, что эта компания могла иметь свои фирменные страховые знаки. Однако в отчете Ярмарочного общества за пятый год деятельности в разделе о расходах по управлению оказалась строка «На изготовление страховых досок» с указанием сумм: назначено 350 руб., однако выдано чуть меньше – 321 руб. 28 коп. [6, с. 16]. Сложность определения возможного количества изготовленных Ярмарочным обществом досок заключается в том, что не известен ни один из параметров: ни размер, ни материал, ни способ изготовления. Если в качестве эталона для сравнения использовать сведения Сызранского общества, можно сделать предположение, что страховых досок было заказано порядка 1400 штук при условии, что доски изготавливались из жести методом штамповки.

В течение 1905 г. Ярмарочным обществом принято на страхование 225 объектов недвижимого имущества, 17 – движимого и 66 товаров. Объемы операций общества были стабильными, но положительной динамикой не отличались. За девятый год работы, в 1909 г., Обществом было заключено всего 320 договоров страхования: из них 239 – на строения, 17 – на движимое имущество и 64 – на товары.

В число членов-страхователей Нижегородского Ярмарочного общества взаимного страхования от огня входил целый ряд известней-

ших мануфактур, торговых домов, частных лиц. Среди них – Товарищество Никольской мануфактуры Саввы Морозова, Промышленное торговое товарищество братьев А. и Н. Мамонтовых, Товарищество высшей парфюмерии А. Ралле и К^о, Товарищество льняной мануфактуры Сосипатра Сидорова, Товарищество Тезинских бумагопрядильной и ткацкой фабрик, Ярмарочное торговое общество.

Так как доселе никто не встречал ни «вживую» на домах, ни в музейных экспозициях и запасниках страховых досок Нижегородского Ярмарочного общества взаимного страхования от огня, то отметим, что есть еще белые пятна в истории страхования государства Российского.

Страховое общество «Волга»

В процессе поиска документальной информации о страховых досках мне попала в руки инструкция по страхованию от огня для агентов общества «Волга», выпущенная в 1888 г., в период, когда правление компании находилось еще в Нижнем Новгороде. Параграф 22-й инструкции требовал: «Агенты должны наблюдать, чтобы к застрахованным строениям и помещениям, в которых находятся застрахованные движимые имущества, была прибита на видном месте выдаваемая страхователю доска; страховые доски изготавливаются и высылаются агентам Правлением и выдаются бесплатно по одной доске на каждое застрахование» [7, с. 19].

Исследователями страхового дела отмечалось, что «особое психологическое значение имели страховые доски на домах в сельской местности, где у российских крестьян существовал древний обычай сводить счёты с недругами, поджигая их постройки. При наличии страховки, о чем наглядно свидетельствовала страховая табличка на доме, такой способ мести терял свою привлекательность» [8, с. 14]. Это заключение подтверждается особым примечанием в тексте инструкции агентам общества «Волга»: «Опыт нескольких лет показал, что страховые доски, прибитые или поставленные на местах у застрахованных сельскохозяйственных продуктов, усадебных и вообще страхований в уезде, служат предохранением от поджогов из мести; ввиду этого ставится в непрременную обязанность гг. агентов следить, чтобы упомянутые страховые доски ставились у каждого принятого риска сельскохозяйственных продуктов и застрахованного строения усадьбы» [7, с. 19].

Итак, страховые учреждения уделяли особое внимание не только изготовлению «знаков огня», но и вменяли агентам в обязанность выдавать и даже присматривать за размещение страховых досок на объектах движимого и недвижимого имущества своих клиентов.

Таким образом, страховые доски выполняли важнейшую функцию – служили своеобразной дополнительной защитой от «красного петуха». Этим объясняется повышенная забота страховых учреждений о наличии досок на «застрахованиях от огня».

По прошествии векового периода знаки страховой защиты продолжают свою жизнь в новом качестве – музейных экспонатов. К сожалению, очень редко можно увидеть страховые доски в экспозициях. В тех же музеях, где доски представлены, экскурсоводы редко дают верное пояснение, чаще всего называя их вывесками страховых компаний.

За время сбора и формирования коллекции автором организовано и проведено более 15 экспозиций и выставок в разных городах России. Самым масштабным проектом по праву можно назвать трехгодичный цикл выставок «Из истории страхования в России XIX–XX вв.», организованный Нижегородским государственным университетом им. Н.И. Лобачевского – Национальным исследовательским университетом в 2009–2011 гг. К каждой из выставок был выпущен каталог. Стоит отметить, что представленные экспонаты охватывают историю отечественного страхового дела за более чем 160-летний период, в том числе период государственного страхования в СССР.

Посетители имели возможность увидеть не только доски, принадлежащие акционерным, городским взаимным обществам и земскому страхованию, но и документы, рекламу, литературу, значки, плакаты, календари, спичечные этикетки и прочую атрибутику страхового дела.

Активная выставочная и просветительская деятельность автора статьи была отмечена Всероссийской премией в области страхования «Золотая саламандра» в номинации «За личный вклад в развитие науки и подготовку кадров в страховании» (2009 г.), медалями Международного союза коллекционеров «За отличие в развитии коллекционирования в СНГ» (2010 г.) и «За верность коллекционированию» (2012 г.).

Источники и литература

1. Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства. СПб., 1896.
2. Сборник дополнительных правил к Положению о взаимном земском страховании. Изд. 3-е Нижегород. губерн. земства, пересмотр. и доп. Н. Новгород, 1898.

3. Доклад Нижегородской земской управы по добровольному страхованию XLII Очередному Нижегородскому губернскому земскому собранию. Н. Новгород, 1905.

4. Отчет Общества взаимного страхования от огня имуществ в Нижнем Новгороде. Год первый. С 11 января 1895 г. по 1 января 1896 г. Н. Новгород, 1896.

5. Отчет Общества взаимного страхования от огня имуществ в Нижнем Новгороде. Год третий. С 1 января 1897 г. по 1 января 1898 г. Н. Новгород, 1898.

6. Отчет Нижегородского Ярмарочного общества взаимного страхования от огня. Год пятый. С 1 января 1905 г. по 1 января 1906 г. М., 1906.

7. Инструкция агентам страхового общества «Волга» по страхованию от огня. Н. Новгород, 1888.

8. Знаки страховой защиты в Российской империи. М., 2008.

Страницы истории кинопроката в Нижнем Новгороде (Горьком) в 1896–1963 годах ¹

М.Ю. Гусев, Т.В. Кучерова

Минувший 2016 г. был ознаменован юбилеем двух событий, непосредственно связанных друг с другом: 120-летием XVI Всероссийской промышленно-художественной выставки в Нижнем Новгороде и первых на Нижегородской земле киносеансов, проведенных в рамках этой выставки в кафе-париэен Шарля Омона на ярмарке. Среди зрителей был корреспондент газет «Одесские новости» и «Нижегородский листок» Алексей Пешков, будущий всемирно известный писатель Максим Горький. В своих репортажах он оценил значение синематографа как научного достижения и нового вида искусства, «демонстрирующих энергию и пытливость человеческого ума» [1, с. 4].

¹ Публикация подготовлена по итогам совместного проекта «Нижегородский кинематограф: год, век, эпоха» МКУК «Центральная городская библиотека им. В.И. Ленина» и МКУ «Архив города Нижнего Новгорода», реализованного в 2016 г. в рамках Года российского кино.

История сохранила для нас и имя первого кинодокументалиста, заснявшего на пленку посетителей Нижегородской ярмарки в августе следующего, 1897 г., – физика-оптика Карла-Оскара Краузе, который тогда же продемонстрировал свое творение в кинематографе Месстера в помещении цирка Никитиных на ярмарке. Одновременно «синема» впервые заработало и в центре Нижнего Новгорода – в доме Полуяро-славцевой на Большой Покровской улице и в помещении нового городского театра [2, с. 23].

Предприимчивые дельцы включали «живую фотографию» в программы театров-варьете, цирков, ярмарочных балаганов или арендовали под проведение сеансов театральные залы, учебные аудитории, торговые помещения. О репертуаре проката можно судить по рекламе и фотографиям начала XX в. Например, на одном из снимков М.П. Дмитриева запечатлен павильон на Самокатной площади Нижегородской ярмарки, пестрящий афишами фильмов на все вкусы: здесь и вестерны про ковбоев и индейцев, и «новинка из Парижа» – картина «Нана» для взрослых, и сюжеты о русско-японской войне, а также «Война и мир» и «Тайны доктора Фауста» [3, с. 94–95]. Одновременно в Нижнем Новгороде появились и первые стационарные «электротeatры»: «Патеграф» Зуля в доме Н.Х. Курепина у Мытного рынка [4, с. 45], «Бразильский» купца Сметанкина на Осыпной улице и другие (см. приложение).

Наряду с коммерческим параллельно возник и получил развитие кинематограф, ставящий перед собой научно-просветительные и образовательные цели. Одна из инициатив исходила от Постоянной комиссии по техническому образованию Императорского Русского технического общества, которая еще в 1897/1898 учебном году устроила в Петербурге ряд киносеансов в пользу школ. Этому примеру последовали и другие города страны – Москва, Одесса, Баку, Екатеринослав. Для организации просветительных сеансов либо арендовались киноаппарат и картины, либо заключалась договоренность с владельцем кинематографа об устройстве специального сеанса. Приобрести собственную киноаппаратуру учебные заведения почти не имели возможности из-за ее дороговизны и сложности обслуживания [5, с. 8–9].

В этом плане уникальный пример являет Просветительный кинематограф в Нижнем Новгороде, созданный в 1912 г. секцией гигиены воспитания и образования при Нижегородском отделении Русского общества охранения народного здравия на базе двух учебных заведений – Нижегородского графа А.А. Аракчеева кадетского корпуса и Нижегородского коммерческого училища. Деятельность Просветительного кинематографа всесторонне характеризуют отчеты, составленные его руководителем Н.М. Романовым (выпускник Казанского

университета, преподаватель геологии, химии и товароведения в Нижегородском коммерческом училище; в 1920-е гг. – профессор, зав. кафедрой геологии в Нижегородском педагогическом институте, с 1930 г. – начальник Нижегородского краевого геологического управления).

Поначалу проблемой было приобретение кинолент, приходилось их выписывать из-за границы, даже из Америки. В 1913 г. на эти цели была получена субсидия от Министерства народного просвещения [6, с. 4]. В итоге в распоряжении секции оказалась неплохая подборка по курсу географии, истории, анатомии, физиологии и других дисциплин. Показы фильмов сопровождалась лекциями специалистов. Кроме того, ленты выдавались другим заинтересованным организациям, проводилось консультирование по организации сеансов. Среди тех, кто прибег к услугам проката, – Самарское общество народных университетов, Пензенское общество содействия школьному образованию, Пензенский драматический кружок им. В.Г. Белинского, лекционный кружок в Орле, Харьковское общество любителей природы, Научно-художественный кинематограф Воронежа, Научно-просветительный кинематограф при Симбирском областном музее, Педагогическое общество Калуги, Екатеринославское коммерческое училище, Народный дом писчебумажной фабрики Кувшинова в Тверской губернии, Ломоносовская гимназия Архангельска [7, с. 81].

Вот почему деятельность Нижегородского Просветительного кинематографа привлекла внимание не только местной прессы, но и центральной газеты «Русские ведомости» и всех кинематографических журналов. Н.М. Романов отмечал: «Наш кинематограф по характеру своей организации и по успеху дела представляется явлением исключительным в России...» [6, с. 10]. Конечно, он не был первым подобным опытом в масштабах страны, но обладал несомненным приоритетом в плане своей организации: был создан на базе именно учебных заведений и работал на регулярной основе и с методическим сопровождением.

После революции 1917 г. советская власть сразу оценила значение кинематографа для пропаганды своих идей и воспитания «человека новой формации». 27 августа 1919 г. был провозглашен Декрет о переходе всей фото- и кинопромышленности в ведение Наркомата просвещения. 24 августа 1920 г. в Нижегородской губернии было создано Управление художественными предприятиями губоно, позже реорганизованное в Управление зрелищными предприятиями при отделе политико-просветительной работы губоно (губполитпросвет). В его ведение были переданы все имевшиеся на тот момент киноустановки в городе, уездах и рабочих поселках, а также склад кинокартин, прежде принадлежавший Просветительному кинематографу [8, с. 290–291].

8 июля 1926 г. в Нижнем Новгороде было открыто Волжско-Камское отделение Всероссийского кинематографического акционерного общества «Совкино». В 1930-е гг. оно было последовательно реорганизовано в Нижегородское краевое отделение Всесоюзного государственного кинофотообъединения «Союзкино», Горьковскую краевую контору Государственного треста «Роскино», краевую контору Управления по кинофикации при СНК РСФСР. Постановлением Секретариата Горьковского крайисполкома № 293 от 17 декабря 1933 г. был создан краевой трест по кинофикации и управлению городской и сельской киносетью «Горькрайкино» [9, л. 1 – 1 об].

О том, какую идеологическую нагрузку несли на себе работники кинотеатров, свидетельствуют документы 1930-х гг.: малейшая оплошность грозила им не просто выговором или увольнением, но и арестом. Вот строки из приказа по кинотеатру «Палас» за 1937 г. (орфография подлинника): «За хранение запрещенного кино-журнала с кадрами врага народа Ягоды в кинокамере и не предупреждение об этом дирекции театра на предмет изъятия и сдачи этого журнала уполномоченному ГУРК (Главное управление по контролю за зрелищами и репертуаром. – *прим. авт.*), а так-же за не предупреждение замещающего должность старшего к/механ. т. Корелова в период отпуска т. Струве, который при сдаче дел умолчал о содержании кадров журнала Волга – Москва, благодаря чего т. Кореловым была допущена демонстрация этого журнала на практике группе курсантов киномехаников звуковиков, старшего киномеханика Струве с работы снять и дело о нем передать в следственные органы...» [10, л. 45 – 45 об.]

Руководство кинопрокатом обязано было исключить любые накладки, халтуру, невнимательность при подготовке и во время демонстрации кинокартин, особенно если в них фигурировал И.В. Сталин. В преддверии демонстрации художественной кинокартины «Клятва» вышел приказ, предписывавший директорам кинотеатров «Палас» и «Художественный» тщательно проверить проекционную и звуковую аппаратуру, обеспечить широкую рекламу фильма, организовать художественную выставку, «отображающую претворение в жизнь Клятвы тов. Сталина, данную им у гроба В.И. Ленина», обсудить на производственных совещаниях мероприятия, связанные с выпуском фильма, согласовать с райкомом ВКП (б) всю массово-политическую работу вокруг него [11, л. 17 об. – 18].

Такие же меры принимались и при демонстрациях фильмов, посвященных недавно завершившейся Великой Отечественной войне. Учитывая их «большую идейно-художественную значимость», все мероприятия, направленные на наибольший охват населения, согласовыв-

вались с райкомами партии и комсомола. Афиши и плакаты вывешивались не только рядом с кинотеатрами, но и в витринах магазинов, на трамвайных остановках и в вагонах. В самих кинотеатрах перед сеансами предусматривались «вступительное слово» лекторов, выступления ветеранов войны, а также организация выставок, посвященных фильмам [12, л. 85 – 85 об.; 13, л. 100–101; 14, л. 97 – 97 об.].

Кинотеатры вели разнообразную научно-популяризаторскую деятельность: в них устраивались фестивали, лектории, встречи с деятелями кино и другими «знатными людьми». В период посевных кампаний кинопередвижками обслуживались труженики села [11, л. 16]. Организовывались бесплатные киносеансы для отдельных категорий зрителей – красноармейцев, комсомольцев, студентов, детей из детских домов. В фойе играли оркестры, проводились выставки, приуроченные к различным событиям в жизни страны – памятным датам, юбилеям выдающихся деятелей науки, культуры. Все это должно было привлечь (и привлекало) широкие массы трудящихся, что и являлось одной из основных задач кинематографа тех лет.

Особое внимание уделялось работе с детьми и подростками. В кинотеатрах существовала специальная должность детского организатора и библиотекаря [15, л. 249]. В период летних каникул в кинотеатрах города организовывались декады «в целях улучшения обслуживания детского зрителя и пропаганды научно-просветительских фильмов». Одна из таких декад в кинотеатре «Палас» в 1947 г. включала в себя следующие темы: «800-летие Москвы», «Наша Советская Родина», «Памятники старины и архитектуры», «Грозные явления в природе», «О происхождении человека», «Астрономия на службе человека». Каждый сеанс предварялся вступительным словом лектора [12, л. 26 об. – 27]. Так детям не только прививали уважение к своей стране, но и всесторонне развивали.

Не только дети, но и взрослые приобщались к знаниям. Вот строки из приказа по Горьковскому городскому управлению кинофикации за 1948 г.: «Не реже одного раза в неделю проводить во всех кинотеатрах специальные киносеансы с демонстрацией научных фильмов и с выступлением лекторов и докладчиков. Обязываю директоров кинотеатров лично обеспечить проведение указанных сеансов на высоком организационном и идейном уровне. Репертуар картин, лекторов и докладчиков согласовывать в райкомах ВКП (б), широко рекламировать фильмы на естественнонаучные темы, организовывать выставки в фойе...» [16, л. 43].

Особенно большое внимание научному и документальному кино стали уделять после принятия в январе 1954 г. Постановления Совета

Министров СССР и приказа Министра культуры СССР «О расширении показа научно-популярных, видовых, хроникально-документальных и учебных фильмов». Во исполнение этих директив городское управление культуры издало приказ, в котором директорам кинотеатров города предписывалось:

а) при демонстрировании художественных кинофильмов... в обязательном порядке включать в каждый сеанс очередной киножурнал «Новости дня» или один короткометражный научно-популярный, видовой или хроникально-документальный фильм;

б) проводить регулярный платный показ полнометражных и специально-подобранных сборных программ, документально-хроникальных, научно-популярных и видовых фильмов... не менее 1 сеанса в неделю в каждом кинотеатре...;

г) улучшить рекламирование..., используя для этого местную печать, радио, а также афиши и плакаты...» [17, л. 40].

Действие приказа распространялось на семь кинотеатров Горького: «Рекорд», «Прогресс», им. Ворошилова, им. Белинского, им. Маяковского, «Колхозник», «Сормовский» (адреса указаны в приложении).

Руководство горьковским кинопрокатом помимо контроля за качеством кинокартин и кинолент, уделяло внимание и доходности кинотеатров. В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР № 980 от 30 марта 1948 г. «Об улучшении кинообслуживания населения и увеличения доходов от кино» Горьковское городское управление кинофикации ликвидировало все ведомственные киноустановки учреждений, предприятий и организаций [16, л. 76–77]. В число лишенных права бесплатного просмотра фильмов практически на рабочем месте попали горисполком, облизполком, областная партшкола и даже обком партии, не говоря об институтах, училищах и заводах. Думается, что немаловажную роль сыграли и цензурные вопросы: не так давно закончилась война, трофейные киноленты пользовались большой популярностью, а в стране набирала обороты борьба с «западным влиянием» в музыке, эстраде, искусстве, даже в стиле одежды.

Нельзя обойти вниманием и такой аспект культурно-просветительской работы кинотеатров, как музыкальное оформление. Практически в каждом из них имелись свои оркестр и вокальные исполнители, деятельность которых строго регламентировалась. К репертуару относились очень серьезно (не дай бог прозвучит какая-нибудь «пошлая западная музыка»!). На исполнение джазовых программ требовалось разрешение уполномоченного Главного управления по контролю за зрелищными предприятиями и репер-

туаром (Главрепертком) по Горьковской области. В противовес «тлетворному влиянию Запада» в кинотеатрах стали создавать оркестры русских народных инструментов с соответствующим репертуаром.

В 1952 г. «в целях улучшения работы оркестров кинотеатров и удовлетворения идейно-художественных запросов кинозрителя» при городском управлении кинофикации был создан художественный совет, на который были возложены «просмотр и утверждение концертных программ оркестров кинотеатров города» [18, л. 56].

Многие музыканты были выпускниками консерваторий. Так, в период учебы в Горьковской консерватории, в оркестре кинотеатра «Палас» работал А.С. Лаписов, сын С.Н. Кнушевицкого, выдающегося советского музыканта, профессора Московской консерватории [19, л. 1 – 1 об, 3]. В конце 1955 г. на работу в кинотеатр имени К. Минина была переведена пианистка симфонического оркестра Горьковской филармонии А.В. Виллуан, дочь В.Ю. Виллуана – одного из организаторов музыкальной жизни Нижнего Новгорода на рубеже XIX–XX вв. [20, л. 313].

Приказом по Горьковскому городскому управлению культуры от 4 ноября 1960 г. № 226 при кинотеатре «Спутник» с 9 ноября того же года открылся киноуниверситет. Главной его задачей было «содействие повышению коммунистической сознательности широких народных масс, их идейно-эстетическому воспитанию, пропаганде лучших советских фильмов». Был разработан тематический план работы, занятия проводились два раза в месяц, аудиторию составили рабочие, служащие, учащая молодежь. Руководство деятельностью киноуниверситета осуществлял художественный совет из 11 человек, в состав которого вошли директор кинотеатра «Спутник» А.А. Бухвалов, известный искусствовед Ю.И. Волчек, руководители областной конторы кинопроката, отдела кинофикации и городского управления культуры, артисты нижегородских театров, журналисты, представители райкома КПСС и областного отделения Общества по распространению политических знаний [21, л. 271–272].

В целях дальнейшего развития пропаганды киноискусства, усиления в кинотеатрах массовой работы со зрителем и, что немаловажно, создания более широкого круга кинокритиков было создано Бюро по пропаганде киноискусства. Члены бюро пользовались эксклюзивным правом смотреть новые фильмы до их выхода на большой экран, для чего в кинотеатре им. Минина по средам в 18 часов устраивались закрытые просмотры [22, л. 66].

Советская власть отводила киноиндустрии огромную роль в политико-просветительной работе с населением. Кинотеатры являлись не только местом культурного отдыха, но и инструментом просвещения и массовой пропаганды в духе «строителей коммунизма».

Источники и литература

1. *Хорев М.* «Кинематограф меня занимает давно...» // Горьковский рабочий. 1985. 27 августа.
2. *Колябин Виктор.* Нижегородские кинопремьеры // Курс. 1997. № 1 (январь).
3. «Прожектор из Парижа» // Старый Нижний в деталях. Нижний Новгород и нижегородцы в старинных фотографиях: фотоальбом / сост.: И. Кузнецов, О. Наумова, С. Пожарская. Н. Новгород, 2013.
4. *Орельская О.В., Петряев С.В.* Улица Большая Покровская. Прогнулки во времени. Н. Новгород, 2015.
5. *Лурье С.В.* Страничка истории. Культурно-просветительный и научный кинематограф // Советское кино. 1927. № 1.
6. Просветительный кинематограф в 1913 году / сост. товарищ председателя Секции, преп. Коммерч. училища Н.М. Романов. Н. Новгород, 1914.
7. Просветительный кинематограф в 1914 году / сост. товарищ председателя Секции, преп. Коммерч. училища Н.М. Романов. Н. Новгород, 1915.
8. Культурное строительство в Нижегородской губернии. 1917–1927. Документы и материалы / сост.: В.В. Колябин, Т.И. Бибанов. Горький, 1988.
9. Архив города Нижнего Новгорода. Ф. Р-120. Оп. 2. Д. 2.
10. Там же. Ф. Р-120. Оп. 2. Д. 1.
11. Там же. Ф. Р-120. Оп. 2. Д. 22.
12. Там же. Ф. Р-120. Оп. 2. Д. 23.
13. Там же. Ф. Р-120. Оп. 2. Д. 36.
14. Там же. Ф. Р-120. Оп. 2. Д. 41.
15. Там же. Ф. Р-120. Оп. 3. Д. 3.
16. Там же. Ф. Р-120. Оп. 2. Д. 32.
17. Там же. Ф. Р-120. Оп. 2. Д. 68.
18. Там же. Ф. Р-120. Оп. 2. Д. 54.
19. Там же. Ф. Р-120. Оп. 3. Д. 7.
20. Там же. Ф. Р-163. Оп. 2. Д. 15.
21. Там же. Ф. Р-163. Оп. 2. Д. 41.
22. Там же. Ф. Р-120. Оп. 3. Д. 46.

Приложение

Электротeatры Нижнего Новгорода,

указанные в списках городской телефонной сети (1914–1917)

1. «Бразильский» – ул. Осыпная, д. Вальяжникова (позже переименован в «Рекорд», ныне на этом месте центр культуры «Рекорд» – здесь и далее прим. авт.).
2. «Варьете» – Выставочное шоссе, дом Оранжереева (ныне ул. Чкалова).
3. «Общедоступный» – ул. Большая Покровская, дом Приспешникова (ныне д. 24; в 1917 г. не указан в числе действующих).
4. «Палас-театр» – ул. Большая Покровская, дом Фролова (ныне д. 7).
5. «Прогресс» – Московское шоссе, дом Кисельниковых (в советское время сохранился в том же доме, ул. Советская, д. 11).
6. «Художественный» – ул. Большая Покровская, дом Серебrenниковой.
7. Железнодорожный электротئاتр Русейкина (в 1917 г.).

Источники:

Список годовых и ярмарочных абонентов городской телефонной сети в Нижнем Новгороде на 15 февраля 1914 года. Нижний Новгород: Отделение тип. «Волгарь», 1914. С. 28, 78, 85, 109, 116; Список абонентов городской телефонной сети в Нижнем Новгороде. 1917 г. Нижний Новгород: Типография И. Серкина, 1917. С. 185.

Кинотеатры Нижнего Новгорода / Горького (1929–1939 гг.)

1929 г.

1. «Палас» – ул. Свердлова, угол Комсомольского пер., 710 мест [ныне кинотеатр «Орленок» на ул. Большой Покровской].
2. «Художественный» – ул. Свердлова, 39, 550 мест [снесен, на его месте жилой дом].
3. «Народный дом» – Острожная пл., 1000 мест [перестроен, ныне Театр оперы и балета].
4. Им. Мордовцева – Грузинский пер., д. 7, 670 мест [ныне ул. Грузинская, двухэтажное здание рядом с синагогой].
5. «Пече рский» – слобода Пече ры (пригород), 400 мест.
6. «Рекорд» – уг. Осыпной и Алексеевской, 330 мест [в 1930-е гг. заменен новым зданием по проекту арх. А.А. Яковлева-старшего].

7. «Фонарик» – летний кинотеатр [возле кремля, ныне здесь стоит памятник В.П. Чкалову].

Источник:

Нижегородский справочник. 1928–1929. Нижний Новгород: Издание журнала «Нижегородское хозяйство»; Губплан, 1929. С. 389–390.

1937–1939 гг.

1. Городского Дворца культуры им. Ленина – Ленинский район, ул. Октябрьской революции.

2. Дома Красной армии – ул. Свердлова, д. 30.

3. Клуба завода «Новое Сормово» – Сормовский район, пос. Варя.

4. Клуба им. Ворошилова – ул. Дзержинского, д. 3 [ныне ул. Алексеевская, 3].

5. Клуба им. Калинина – Куйбышевский район, пл. Маркина [ДК речников, ныне д. 3а].

6. Клуба им. Кринова – Ворошиловский район.

7. Клуба «Спартак» – Сталинский район, пл. Челюскинцев.

8. Киноконцертный зал – Автозавод, Соцгород, ул. Жданова.

9. «Октябрь» – ул. Грузинская, д. 23.

10. «Палас» – ул. Свердлова, д. 39.

11. «Прогресс» – Сталинский район, ул. Советская, д. 7.

12. Сормовского Дома культуры им. Сталина – Сормово.

13. «Художественный» – ул. Свердлова, д. 29.

14. Центрального клуба Автозавода – Автозавод, Соцгород, ул. Жданова.

15. Союзкинохроника (съёмочная группа) – ул. Свердлова, д. 18 [в 1939 г. – в д. 37].

Источники:

Справочник по городу Горькому. Горький: ОГИЗ, 1937. С. 132–133; Город Горький. Горький: ОГИЗ, 1939. С. 323.

Кинотеатры Горького на 1963 г.

1. Имени Белинского – ул. Белинского, 45.

2. «Буревестник» – ул. Коминтерна, 244.

3. Дворец культуры им. В.И. Ленина – ул. Октябрьской революции, 33.

4. «Знамя» – пр. Кирова, 8.

5. «Искра» – ул. Июльских дней, 15.
6. «Канавинский» – ул. Фильченкова.
7. «Колхозник» – Приволжская слобода, 106 [на территории Вознесенского Печерского монастыря].
8. Летний – сад им. Свердлова, ул. Пискунова, 40.
9. «Маяк» – Московское шоссе, 83.
10. Имени Маяковского – ул. Маяковского, 6 [ныне Рождественская].
11. Имени Минина – ул. Минина, 10.
12. «Мир» – пр. Жданова, 1 [ныне пр. Молодежный].
13. «Ока» – ул. Инженерная, 19.
14. «Палас» – ул. Свердлова, 39.
15. «Пионер» – парк им. Кулибина.
16. «Прогресс» – ул. Советская, 11.
17. «Радуга» – пос. Народный, Сормовский район.
18. «Ракета» – Кооперативный поселок, ул. Культуры.
19. «Рекорд» – ул. Пискунова, 11.
20. «Салют» – пос. Новое Доскино, Автозаводский район.
21. «Смена» – ул. Гордеевская, 80а.
22. Областная фильмотека облоно – ул. Дзержинского, 22/38.
23. «Кинопрокат» (областная контора) – ул. Генкиной, 29.
24. Киноремонтная мастерская – ул. Урицкого, 14.

Источник:

Город Горький: Краткий справочник. Горький, 1963. С. 107–110.

«В нем нет ни малейшей доли
заносчивости и самомнения...»:
к истории взаимоотношений
П.И. Мельникова и Н.И. Субботина

В.В. Боченков

В середине и второй половине XIX в. среди исследователей старообрядчества выделяются несколько имен, среди них – два разных по взглядам историка: Павел Иванович Мельников (1818–1883) и Николай Иванович Субботин (1827–1905). Общим для них в изучении такого непростого русского религиозного явления какое-то время был государственно-охранительный подход, в этом они сближались. Впоследствии, во второй половине 1850-х гг., после смерти Николая I, П.И. Мельников изменил свое мнение. Как пишет современная исследовательница, «когда он в достаточной мере изучил эту среду, проник в ее тайники и освободился из-под влияния взглядов тогдашнего епископа Нижегородского Иакова, по указанию и под руководством которого делал первые шаги по изучению раскола, он открыл в этом явлении много ценного и светлого... Достаточно резко он меняет свои взгляды и из “гонителя” и “зорителя” превращается в защитника староверов. Уже в 1856 г. в поданной министру (внутренних дел. – *здесь и далее прим. авт.*) Записке он выступает сторонником широкой терпимости, а позже, в комиссии, созванной наследником престола, будущим императором Александром II, выступает в защиту не только раскола вообще, но и так называемых “вредных сект”» [1, с. 142].

Н.И. Субботин – профессор Московской духовной академии, автор множества статей и работ по старообрядчеству и его истории, редактор миссионерского журнала «Братское слово» – остался верен себе до конца жизни. Старообрядчество, в отличие от П.И. Мельникова, он понимал как явление, безусловно, вредное для стабильности государства.

В этой статье мы попробуем ответить на вопрос, какими было отношение этих людей друг к другу.

Во второй половине 1850-х гг., когда П.И. Мельников работал чиновником особых поручений в Министерстве внутренних дел, он выступил с идеей о необходимости подробного и систематического изучения старообрядчества. В 1857 г. министр внутренних дел С.С. Ланской поручил ему и А.И. Артемьеву «составление возможно полного историко-догматического изложения учения разных раскольничьих сект в России» [3, с. 177]. После ухода С.С. Ланского со своего поста работы в 1861 г., были прерваны, прекратилось и их финансирование. На первое место вышла подготовка крестьянской реформы, и «все остальное положили под красное сукно», как сообщал П.И. Мельников Д.Н. Толстому [2, с. 44]. Примерно в это время завязывается знакомство П.И. Мельникова и Н.И. Субботина, поводом для которого послужила возможность совместной работы.

В архиве писателя сохранилось несколько писем Н.И. Субботина к П.И. Мельникову [4]. Нужно уточнить, что одно из них, собственно, не письмо, а список или черновик служебной записки о том, какие работы мог бы осуществить Н.И. Субботин «в занятиях комитета для разработки материалов, касающихся раскола и издания сочинений о расколе». Особая программа изучения старообрядчества была в 1862 г. опубликована П.И. Мельниковым в «Письмах о расколе», эта черновая записка перекликается с ней. Тут указано издание сборников «раскольничьих сочинений, относящихся к внутренней полемике разных сект между собою, с обстоятельным приложением (в предисловиях) как общего значения этой отрасли раскольничьей литературы, особенно в отношении к борьбе православия с расколом, так и частных сведений о каждом сочинении в отдельности». Вторым пунктом следует «издание хорошего и тщательно сличенного с другими списка “Проскинитария” с предисловием», затем – ряд биографий замечательных старообрядцев, очерки «раскольничьей литературы», очерки полемической литературы господствующей церкви против раскола. Этот документ не имеет датировки, однако, составлен был, вероятнее всего, после распрояжения С.С. Ланского, возможно, с опорой на несохранившееся письмо Н.И. Субботина.

Два других письма из архива писателя были написаны Субботиным зимой 1866 г.

Одно из них неполное, его начало утеряно. Оно, как следует из уцелевшего фрагмента (второй лист), написано в ответ на какой-то запрос П.И. Мельникова. Необходимо иметь в виду, что в 1866 г. писатель получил поручение отправиться в командировку в Москву с целью изучения настроений здешних старообрядцев (после состоявшегося осенью 1865 г. старообрядческого Собора и в связи с недавними

польскими волнениями). В этом фрагменте Н.И. Субботин подтверждает некоторые данные о старообрядцах, присоединившихся к единоверию в 1865 г. (епископы Иустин, Сергей, Пафнутий Овчинников), что тогда было довольно громким событием [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17], уточняет другие сведения. Упоминаются также имена некоторых иных лиц: будущего активного сотрудника «Братского слова» и публициста Филарета (Захарова), В.И. Кельсиева и др.

Приведем фрагмент письма:

«...Иустина относительно Пафнутия. Не удивительно для меня, что есть речь и о моей скромной особе.

Недавно Аркадий Славский¹ прислал безымянное письмо (что писал его Аркадий, с первого взгляда можно узнать по почерку: у меня до 30 его собственноручных писем). В письме этом сравнивает меня с апокалиптическим зверем, стремящимся изничтожить жену, спасающуюся в пустынях, сиречь гонимую Церковь Христову. Даже не мог и ожидать такой чести! Издатель О.С. Го. есть, по-моему мнению, не кто иной как Осип Семенов Гончаров, приятель Герцена, друг Аркадия Славского и вместе с этими последними покровитель и питатель Тульчинского – Кельсиева. Он часто бывает в Константинополе и там, вероятно, написал статью, о которой Вы упоминаете, и вероятно для герценовского и кельсиевского журнала. По крайней мере, никакого журнала, издаваемого в Константинополе, я не знаю.

Сергий действительно присоединился, еще 21 июля, вместе с протодиаконом Антонием Кирилловым Семеновым. Об этом упоминал я печатно в предисловии к “Вопросам” Филарета. Жаль, что вопросы эти напечатаны в “Душеп[олезном] чтении”, малораспространенном журнале (В 1865 г. уклонившиеся в единоверие епископы Онуфрий (Парусов), Пафнутий (Овчинников), архидиакон Филарет (Захаров) и др. адресовали, опубликовав в официальной печати, старообрядческому Московскому духовному совету, совещательному органу при архиеп. Антонии (Шутове) Московском и Владимирском, т. н. восемь вопросов богословско-канонического характера, предлагая ответить на них. Вопросы в разные годы были растиражированы различными изданиями, публиковались, в том числе, в «Душеполезном чтении», о котором упоминает Н.И. Субботин [См.: 18; 19; 20; 21; 22; 23, с. 1–9; 24, с. 9–30].

Вот Вам, уважаемый Павел Иванович, краткое объяснение по всем Вашим вопросам. Если пожелаете более подробно, готов служить Вам очень охотно, а предполагаемой поездке Вашей в Лавру (имеется в виду Троице-Сергиева Лавра) рад весьма. Я также собираюсь все в Пе-

¹Аркадий (Шапошников) – старообрядческий епископ Славский.

тербург и именно чтобы от Вас и при Вашем покровительстве позаимствоваться некоторыми нужными для меня сведениями относительно раскола.

Желаю Вам всего доброго.

Остаюсь Вашим преданным слугою.

Н. Субботин.

1 февр[аля] 1866 г.» [4, л. 1 – 1 об.].

Другое письмо, датированное 19 февраля 1866 г., сохранилось полностью. В нем Н.И. Субботин обещает оказать П.И. Мельникову содействие и познакомить его со старообрядцами, перешедшими в 1865 г. в единоверие (с «присоединившимися старцами», как он пишет).

В архиве П.И. Мельникова сохранилось одно письмо игумена Павла (Леднева) к писателю [25]. Оно датировано 30 мая 1866 г. Речь в нем идет о несостоявшейся встрече между ними (писатель в это время был в командировке в Москве), о диспуте Павла со старообрядческим полемистом Семеном Семеновичем (Семеновым), Онуфрием (Парусовым) и др.). Здесь же упоминаются имена старообрядческих епископов, заключенных в тюрьму суздальского Спасо-Евфимиева монастыря (Конон, Геннадий).

«Поспешаю ответить и на второе письмо Ваше, многоуважаемый Павел Иванович.

Весьма рад буду, если осуществится Ваше намерение побывать у меня. Но я просил бы Вас предварительно уведомить меня о времени Вашего путешествия, иначе легко случиться может, что Вы меня не застанете дома, потому что я нередко таскаюсь в Москву, а будет очень жаль, если мы разъедемся. Курскому преосвященному напишу о Вашем желании, и могу уверить Вас, что с его стороны будет оказано Вам всякое содействие. Опасаюсь я только, что о состоянии раскола в епархии он знает меньше Вас; это общая принадлежность наших архиереев, и даже лучших из них, за что, прибавлю, и винить их строго нельзя: их сделали чиновниками, у которых бездна всевозможных дел, и подумать о таких серьезных предметах, как раскол, в их пастве им даже некогда. Это жаль.

Что касается присоединившихся старцев, то познакомить с ними Вас буду очень рад, и уверен, что от них вы узнаете очень много любопытного.

Найденная запутанность в числах посвящений архиереев раскольничьих – Конона, Иова и Геннадия, объясняется, по моему мне-

нию, недобросовестностью Антония ². При поставлении Геннадия Конон, без сомнения, не участвовал; но Антоний имеет привычку писать в грамотах епископских, что такого-то епископа он поставлял в присутствии всех наличных епископов. (В 1861 г. он представил производившему над ним суд собору список всех поставленных им епископов и попов: из этого списка то, что я сейчас сказал, очевидно). И так как грамоты выдавались обыкновенно спустя много времени после посвящения, то неудивительно, что он вносил в них таких посвященных, которые при посвящении лица, получавшего грамоту, епископами не были еще. Он подделывал и то, что епископу, рукоположенному дружно, отдавал ставленную грамоту от себя, как рукоположитель: припомните историю ставленной грамоты Савватия Тобольского ³, о которой упоминается в конце последней (X) статьи моей. Так объясняю я предложенные Вами недоумения.

Числа в моем списке архиереев заимствованы:

1) из “Памятника”, который есть ни что иное как журнал, куда записаны более важные происходившие в Белой Кринице дела, в том числе и архиерейские посвящения, с большой аккуратностью; 2) из упомянутого выше Антониева списка; 3) из указаний живых свидетелей, очень хорошо помнящих событие, – Онуфрия, Пафнутия и пр.

О попе Кирилле Масляеве спрошу, какого он поставления; но думаю, что не православного. О письмах его в Россию из белокриницкого письма не видно; там рассказывается нового, как митрополит ⁴, взявши взятку, разрешил его от извержения.

За доставление копий очень Вам благодарен. Письмо московское скреплено Аркадием не Славским, а Васлуйским, – и от этого дело представляется яснее: Славскому нечего вести переписку с Тульчинским ⁵. Различие между сторонами вот какое: Васлуйский – архиепископ, Славский – епископ; первый родом, помнится, из Буковины, в Белокриницком мон[астыре] был архимандритом и из этого звания посвящен прямо в архиеп[ископы]; а Славский родом русский, настоятель Лаврентьева мон[астыря] и во епископы поставлен Аркадием

²Антоний (Шутов) – старообрядческий архиепископ Московский и Владимирский.

³Савватий (Левшин) – старообрядческий епископ Тобольский и всея Сибири, впоследствии архиепископ Московский).

⁴Имеется ввиду старообрядческий митрополит Кирилл (Тимофеев) Белокриницкий.

⁵Очевидно, с В.И. Кельсиевым, который назван Тульчинским в предыдущем письме Н.И. Субботина.

Славским Первым ⁶ во время восточной войны, с титулом епископа “странствующих христиан”, а по взятии первого принял его титул; он-то и есть друг Гончарова; он же пустил (1 слово нрзб) в ход (1 слово нрзб) о переходе в Россию, но это была именно (1 слово нрзб), как я знаю из верного источника.

О путешествии Павла и Алимпия написал было под их надзором огромное сказание, с новыми документами, белокриницкий монах Корнилий, это сочинение он нес было в Россию; но на границе был задержан и страха ради сожег всю громадную рукопись. Так погиб драгоценный, незаменимый материал в истории...

Но пора и кончить.

Искренно вам преданный

Н. Субботин». [4, л. 3 – 4 об.].

Сведения, сообщенные Н.И. Субботиным, пригодились писателю для работы над служебными записками. Одна из них касалась упоминаемого в письме арестованного в декабре 1865 г. старообрядческого священника Кирилла Масляева (впрочем, изверженного к тому времени старообрядческим собором из сана), человека с темной репутацией [26]. Кстати, в черновых материалах к этой записке П.И. Мельников упоминает еще об одном письме к нему Н.И. Субботина, осуждая намеренное распространение ложных слухов и сплетен о личной жизни старообрядческих деятелей в современной печати как методе борьбы. «О Пафнутии (Овчинникове, присоединившемся в 1865 г. к единоверию), самом разумном из раскольнических архиереев, давно была распушена молва изуверами-раскольниками, а наша бестактная обличительная литература ею воспользовалась, даже и духовные журналы рассказывали нелепую сказку о диаконице. Сказка о “наполеонке” (то есть француженке) пущена в последнее время людьми, подобными Масляеву. Я об этом слышал еще в ноябре 1865 г., писал к Н.И. Субботину, лучше всех знающему эти дела, и вот что он ответил мне: “Что касается Машеньки, об ней не могу сказать ничего. Вы знаете, что толки о подобной особе были пущены давно нашей обличи-

⁶ Было одновременно трое старообрядческих архиереев с одним именем: Аркадий (Дорофеев, 1809–1889) – архиепископ Славский, который здесь назван «Первым», так как был рукоположен именно первым из них (в 1847 г.); Аркадий (Шапошников, 1810–1868) – епископ Славский, воспринявший Славскую епархию после ареста Аркадия (Дорофеева) в 1854 г. во время Крымской войны и заключения его тюрьму суздальского Спасо-Евфимиева монастыря; Аркадий (Иванов, ?–1877) – архиепископ Васлуйский, упоминаемый в письме.

тельной беллетристической против раскола; спросить об ней у Пафнутия – у меня не стает духа, неловко как-то. Но о француженке очевидно сплетня. Нужно видеть Онуфрия, чтобы понять всю ее нелепость. Я же знаю и все места, где он жил”» [26, л. 6 об.]. Письмо Н.И. Субботина с этим сообщением, очевидно, не сохранилось.

П.И. Мельников искал встречи с Н.И. Субботиным, так как тот располагал необходимыми сведениями о московских старообрядцах для выполнения его министерского задания.

Необходимо заметить, что, несмотря на свертывание инициатив С.С. Ланского, писатель продолжил задуманное создание истории старообрядчества. Это был цикл статей, в том числе широко известные и сейчас «Очерки поповщины». На их публикацию отозвался в «Русском вестнике» Н.И. Субботин. Его замечания носили достаточно частный уточняющий характер [27].

В фонде П.И. Мельникова в РГАЛИ (Москва) хранится его «Записка о раскольнических епископах Аркадии Славском (Аркадии Лысом) и Аркадии Славском (Андрее Шапошникове)» [28]. Черновик датирован 24 марта 1866 г. Здесь, как и Н.И. Субботин, писатель разъясняет разницу между этими двумя старообрядческими архиереями с одинаковыми именами, характеризует их, делится биографическими сведениями. Но это в действительности не служебная записка, а черновик пространного письма В.М. Лазаревскому [29, с. 186–190]. Здесь это письмо также датировано 24 марта 1866 г., оно значительно дополнено другими сведениями и личными впечатлениями от встречи с заключенным в Суздале архиепископом Аркадием (Дорофеевым). О каких именно доставленных ему П.И. Мельниковым копиях пишет Н.И. Субботин во втором письме, неясно, однако они, судя по его комментарию, были связаны с заграничными старообрядческими архиереями, сведения о которых писатель затем передавал В.М. Лазаревскому.

10 ноября 1874 года в библиотечной зале Московского университета прошло публичное заседание Общества любителей русской словесности. Председательствовал на нем известный историк Д.И. Иловайский. Присутствовали попечитель Московского учебного округа князь Н.П. Мещерский, историк и этнограф П.Н. Батюшков (младший брат известного поэта) и другие гости. Заседание было посвящено 35-летней литературной деятельности П.И. Мельникова, вступившего в Общество в 1868 году, и поэта Ф.Б. Миллера (1818–1881), автора известнейшего детского стихотворения «Раз, два, три, четыре, пять, / Вышел зайчик погулять...». П.И. Мельников читал воспоминания о Казанском университете и его профессорах. В другом зале был торжественный

обед. На нем, кроме юбиляров, присутствовал Н.И. Субботин. Он произнес в честь писателя особое слово:

«Своими сочинениями о расколе вообще, о поповщинском в особенности, сочинениями, отличающимися художественностью и блестящим изложением, Павел Иванович сделал то, что столь замечательное явление в жизни русского народа, как раскол, остававшееся долгое время в тьме неведения и какой-то тайне, вышло под его пером на свет Божий и сделалось видимым пред глазами читающих. Русское общество узнало, в чем состоит этот загадочный дотоле раскол. Занимаясь с нашим юбиляром на одном поприще, я могу засвидетельствовать, что в нем нет ни малейшей доли той заносчивости и того самомнения, которые нередко бывают уделом людей, специально изучивший какой-либо предмет и обладающих обилием материалов, другим недоступных. У нашего юбиляра обширное и в высшей степени любопытное собрание материалов по части раскола, но он не держит их назаперти, для собственного лишь употребления, но всегда рад делиться своими сокровищами со всяким, кто занимается этим предметом. Занимаясь на одном с ним поприще, я иногда печатал возражения противу высказанных им мнений. Другой, как нередко случается, может быть, оскорбился бы этим. Но Павел Иванович всегда со свойственным ему благодушием относился к подобным замечаниям, и эти замечания не только не охлаждали нашей с ним приязни, но делаясь предметом душевных бесед, сближали нас еще более. Такое свойство есть свойство прекрасной души» [30, с. 16–17].

П.И. Мельников выступил с ответным словом. Именно в этот день и в этих обстоятельствах, в ответ на речь Н.И. Субботина, прозвучало его признание, которое нередко цитируется: «Сегодня я получил столько заявлений сочувствия к посильным трудам моим, столько почета, что, право, может голова закружиться, чего доброго, пожалуй, я могу возмечтать, что я действительно знаменитый русский писатель. Нет, господа, я только любитель российской словесности. Сегодня обо мне наговорили столь много лишнего, приписали мне столько хороших свойств, что, видит Бог, я того не заслуживаю. А о главном-то свойстве моем, выражением которого было все, что ни сделал я в эти тридцать пять лет, никто даже не заикнулся. Другие прошли о том молчанием, видно уж мне самому приходится сказать о нем. Это не будет хвастовством, потому что нельзя хвалиться тем, что досталось без труда, что зависело от природы человека. Бог дал мне память, хорошую память, до сих пор она еще не слабеет. Что ни видишь, что ни слышишь, что ни прочтешь, все помнишь. Как помнишь – сам не знаю. И рад бы радешенек иное забыть, так нет, что хочешь тут делай, да и

только. А на роду было писано довольно-таки поездить по матушке по святой Руси. И где-то, где ни доводилось бывать?.. И в лесах, и на горах, и в болотах, и в тундрах, и в рудниках, и на крестьянских полатях, и в мурьях расшив, и в скитах, и дворцах, всего не перечесать. И где ни был, что ни видел, все твердо помню. Вздумалось мне писать, ну, думаю, давай писать, и стал писать «по памяти, как по грамоте», как гласит старинное присловье... Наш почтенный председатель упомянул в заседании о тщательной обработке моих сочинений. Какая же тут тщательная обработка? Просто шесть корректур, больше ничего. Держу по шести корректур, зато уж как же и бранят меня в типографии, вот редакция может засвидетельствовать. Говорили о художественности моих литературных произведений, об их обдуманности. Да ей-богу же, когда беру лист бумаги и пишу на нем первую строку, никогда не знаю, о чем буду писать на последней строке той страницы...» [30, с. 17–18].

Далее П.И. Мельников предложил поднять тост за Ф.Б. Миллера. Тот ответил ему экспромтом:

Мне, как старому поэту,
Подобает в этот миг
Поднести вам для привета
Соответствующий стих.
Я готов; не знаю только,
Что могу вам пожелать.
Дай же Бог еще хоть столько
Нам на память написать,
Чтоб опять на праздник новый
С музой свадьбы золотой
Собралися мы к вам снова,
Юбиляр наш дорогой!

Иногда в библиографических указателях упоминается письмо, написанное П.И. Мельниковым Н.И. Субботину в день юбилея, 10 ноября 1874 г., со ссылкой на публикацию в «Историческом вестнике». Здесь небольшая неточность. В указанной публикации приводится не письмо, а процитированное выше ответное слово писателя на торжественном вечере. Оно заимствовано из брошюры «Тридцатипятилетний юбилей П.И. Мельникова и Ф.Б. Миллера», на которую ссылаемся и мы, и стало частью очерка П.С. Усова «Этнограф-беллетрист», опубликованного в указанном номере журнала. Между тем, письма писателя Н.И. Субботину, а их было несколько, остаются неизвестными и, не исключено, не сохранились.

Разница во взглядах на старообрядчество при всем искреннем интересе к этому явлению была у двух историков огромной. «У них

нет никакого политического будущего, – писал П.И. Мельников о старообрядцах в 1862 г. в «Письмах о расколе», выделяя свою мысль курсивом. – Поэтому рассчитывать в будущем на какую-либо политическую деятельность раскольников, как гражданской партии, как *status in statu*, значит не понимать ни бывшего, ни тем еще менее современного духа раскола... Что бы ни предстояло России в будущем, раскольники, по духу своих верований, не только неспособны быть политическими деятелями, но даже орудием таких деятелей» [31, с. 60]. Это был заочный спор с И.П. Липранди, которому старообрядцы представлялись чем-то вроде «пятой колонны». И этот заочный спор продолжил Н.И. Субботин, опубликовавший в 1866 г. сначала в «Русском вестнике», потом, отдельным изданием, книгу «Раскол как орудие враждебных России партий». Уже по названию заметна полемика с приведенной цитатой из «Писем о расколе». Вместе с этим отношения П.И. Мельникова и Н.И. Субботина всегда оставались дружескими, хотя, конечно, в первую очередь – именно деловыми.

Источники и литература

1. *Ершова О.П.* Старообрядчество и власть. М., 1999.
2. *Боченков В.В.* П.И. Мельников (Андрей Печерский): мировоззрение, творчество, старообрядчество. Ржев, 2008.
3. *Усов П.С.* П.И. Мельников, его жизнь и литературная деятельность // Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). СПб.; М., 1897. Т. 1.
4. Институт русской литературы РАН (далее – ИРЛИ). Ф. 95. Оп. 1. № 58.
5. «В московской Троицкой единоверческой церкви сегодня утром происходило небывалое торжество...» // Московские ведомости. 1865. 24 июня.
6. Присоединение к православию двух старообрядческих архиереев: [Перепечатка из «Московских ведомостей»] // Духовный вестник. 1865. № 6. Известия.
7. Принятие двумя бывшими старообрядческими епископами православия: [Перепечатка из «Московских ведомостей»] // Биржевые ведомости. 1865. 26 июня.
8. [Без заглавия] // Православное обозрение. 1865. № 6. Разные известия.
9. Присоединение к православию раскольнических епископов и других членов так называемой белокрыницкой иерархии // Русский вестник. 1865. № 12.
10. Обращение к православию старообрядческих епископов: [Перепечатка «Московских ведомостей»] // Странник. 1865. № 7. Хроника.

11. *Субботин Н.И.* Несколько дополнительных слов к известиям о присоединившихся к церкви старообрядческих епископах // Современная летопись. 1865. № 25.
12. Владимирские епархиальные ведомости. 1865. № 15.
13. Санкт-Петербург, 20 августа // Биржевые ведомости. 1865. 22 августа.
14. Санкт-Петербург, 28-го августа // Биржевые ведомости. 29 августа.
15. *Субботин Н.И.* Присоединение к православию раскольнических епископов и других членов Белокриницкой иерархии. М., 1886.
16. По поводу присоединения к православной церкви раскольнических лжеепископов // Самарские епархиальные ведомости. 1867. № 10.
17. Несколько слов о присоединении пяти старообрядцев к православию // Владимирские епархиальные ведомости. 1865. № 22.
18. Вопросы глаголемым старообрядцам // Душеполезное чтение. 1865. Ч. 2.
19. *Субботин Н.И.* Любопытный ответ на «Вопросы глаголемым старообрядцам» // Русский вестник. 1866. Т. 61.
20. Вопросы поповщине // Истина. 1869. Кн. 13.
21. Вопросы старообрядцам поповцам, изданные в четвертый раз // Истина. 1871. Кн. 18.
22. Вопросы старообрядцам, изложенные иноком Филаретом / Предисл. Н.И. Субботина. М., 1880.
23. Вопросы о Церкви, иерархии и таинствах, в разное время поданные именуемым старообрядческим епископам старообрядцами, усомнившимися в правоте старообрядчества. М., 1884.
24. Ответы на вопросы, изданные братством Московского Никольского единоверческого монастыря, старообрядцам-поповцам // *Арсений (Швецов), еп.* Собр. соч. М. – Ржев, 2013. Т. 3.
25. ИРЛИ. Ф. 95. Оп. 1. № 53.
26. *Мельников П.И.* Записка о раскольничьем попе Кирилле Масляеве, задержанном 18 декабря 1865 г. на Новоселицкой таможе // ИРЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 39.
27. *С-нь [Субботин Н.И.]*. По поводу статьи г. Мельникова «Очерки поповщины» // Русский вестник. 1864. № 8.
28. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 321. Оп. 1. Д. 6.
29. Сборник в память П.И. Мельникова (Андрея Печерского) / Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород. 1910. Т. 9.
30. Тридцатипятилетний юбилей П.И. Мельникова и Ф.Б. Миллера. [М.], 1874.
31. *Мельников П.И.* Письма о расколе // Собрание сочинений: в 8 тт. М., 1976. Т. 8.

Крепостной архитектор князя Грузинского Николай Бумажников

В.В. Краснов

Заслуги крепостных архитекторов в области провинциального, да и столичного строительства, трудно переоценить. Несомненно, им принадлежала большая роль в обустройстве многочисленных помещичьих усадеб Нижегородского края. Но практически все они так и остались для нас талантливыми безымянными исполнителями воли своих хозяев.

Имя одного из них вернулось из небытия летом 2010 г. Изучая в Центральном архиве Нижегородской области материалы, связанные с князем Г.А. Грузинским, я просматривал дело по обвинению владельца с. Лыскова в укрывательстве беглых крепостных. Это расследование, длившееся несколько лет, содержит массу интереснейших деталей из жизни села того времени.

Сохранились в деле и показания самих беглых. Один из них, рассказывая о себе, упомянул о двух дочерях, родившихся в Лыскове. Таинство крещения младшей дочери состоялось «в Великом посте» 1828 г. Обряд совершал «Егорьевской церкви заштатный священник, старичок по имени неизвестной», а одним из восприемников младенца назывался «княжей архитектор человек его Николай Бумажников» [1, л. 11]. То, что у Георгия Александровича имелся собственный архитектор, сомнений не вызывало и ранее – масштабные работы, затеянные князем в своих владениях, требовали надзора за ними сведущего лица (и, быть может, не одного). Теперь на свет выступило имя – совершенно неизвестное в краеведческой литературе.

Впервые о Николае Бумажникове мы упомянули в совместной с А.И. Давыдовым статье, посвященной Вознесенской церкви в Лыскове, высказав предположение о его причастности к возведению этого великолепного ансамбля. В 1820–1830-х гг. он мог осуществлять наблюдение за надлежащим исполнением замысла неизвестного зодчего (автора проекта), заключая договора, составляя сметы материалов и т. п. – то есть занимаясь всем тем, что входило в обязанности грамотного специалиста-непрофессионала [2, с. 124].

Исследователями неоднократно указывалось, что в начале XIX в. преобладал кустарный способ подготовки будущих мастеров-крепостных [3, с. 24–26; 4, с. 105–106]. При этом акцент делался на «столичных зарекомендованных архитекторах», у которых они полу-

чали необходимые познания. Так, С.В. Безсонов, автор одного из наиболее обстоятельных исследований о крепостных зодчих, писал: «Обычно помещики отыскивали кого-либо из архитекторов в столице или большом городе и отдавали ему на выучку своих крепостных. ... Помещик шел на некоторые жертвы, рассчитывая окупить их впоследствии высококвалифицированным трудом своего крепостного..., и даже платил значительные по тому времени суммы за обучение и содержание ученика. ... По окончании курса ученик становился помощником архитектора и получал от учителя аттестат, удостоверяющий, что, работая у архитектора, он “оказывал как в теории, так и в практике успехи”. Это давало ему право на самостоятельное производство строительных работ» [3, с. 26].

В нашем случае крепостной Г.А. Грузинского несколько лет проходил обучение не в столицах, а в «соломенно-деревянном» Тамбове. Об этом говорит его аттестат, датированный 22 января 1820 г. Он подписан «инженер капитаном и кавалером» Сомовым – одним из производителей крупных гидротехнических работ, выполненных в этом губернском городе в конце 1810-х гг. [5, с. 35–36]. Счастливо сохранившийся в коллекции документов НГУАК аттестат дает представление не только о приобретенных навыках, но и о некоторых чертах характера молодого ученика. Прочитируем этот документ полностью:

«Дан мною человеку его сиятельства князя Георгия Александровича Грузинского Николаю Васильеву сыну Бумажникову в том, что он, находясь при мне в течение более четырех лет, употреблен был: 1-е. При практических инструментальных съемках. 2-е. При черчении планов. 3-е. При смотре за работами по производившимся под ведением моим разным искусственным строениям, как-то плотин дре[наж]ных, земляных и дерновых, шлюза, основанного на свайной и шпунтовой бойке, и, наконец, при построении каменной в Тамбове казенной мельницы со всеми принадлежностями[ми] и подробностями, при чем приобрел он по[лез]нейшие практические познания. 4-е. Равномерно употребляем он был для исправления писменных дел, особенно же при составлении смет и отчетов и ведении бухгалтерии.

В течение сего времени он приобрел нуж[ные] первоначальные познания в математике, и по известным мне его способностям, прилежанию и аккуратности в исполнении, что особенно мог я заметить во время частых отлучек моих по делам службы из Тамбова, когда он заведовал всем производством работ, я нахожу его весьма способным к употреблению для подзора по части строительной и хозяйственной.

Мне должно вместе с сим отдать полную справедливость благодарному и порядочному его поведению, о тихости характера, по-

хвальному терпению и о точности в делах, которые во все время пребывания при мне замечены мною, и желать, чтобы он употреблен был с пользою по своим способностям и не переставал и впредь стараться приобретать полезные знания с тою похвальною охотою, которую я в нем заметил» [6, л. 1 – 1 об.].

Получив навыки в топографии, Н.В. Бумажников мог быть задействован в работах по коренному преобразованию планировочной структуры Лыскова на регулярной основе. Начавшись еще в конце XVIII в., эти работы заняли длительный период времени и не были осуществлены полностью. Конечно, в ведении крепостного архитектора находились и все постройки обширной помещичьей экономики.

Кроме того, в документах тех лет отмечалось, что все храмы Лыскова состояли «под непосредственным заведыванием и наблюдением того села помещика его сиятельства князя Георгия Александровича г. Грузинского», стараниями которого «соблюдается в оных всякая чистота и опрятность и благолепие... какие же где случаются недостатки, неисправности и обветшалости, то немедленно его сиятельством исправляются и приводятся в такое положение, какового требует благоприличие, красота и вкус...» [7, л. 49]. Вероятным исполнителем работ являлся Н.В. Бумажников. Очень может быть, что именно он внес ряд изменений в первоначальный проект архитектурного ансамбля упомянутой выше Вознесенской церкви, в частности, приспособив в 1829 г. под колокольню юго-западный одноэтажный кирпичный корпус, а также переоборудовал соответствующим образом северовосточный корпус, переданный Г.А. Грузинским в 1849 г. под размещение Лысковского духовного училища.

После смерти Г.А. Грузинского Н.В. Бумажников оставался в услужении графини Анны Георгиевны Толстой – дочери князя и его единственной наследницы, утвержденной 29 мая 1852 г. в правах наследства «имением... состоящем в губерниях Нижегородской, Московской, Рязанской и Костромской» [8, л. 601, 628 – 628 об.]. Вместе с тем, обладая определенной свободой действий (находясь на денежном оброке?), он занимался частной практикой, а также исполнял обязанности надзирающего архитектора.

Основанием для таких выводов стали сведения, обнаруженные в деле о строительстве в 1852–1854 гг. нового Воздвиженского храма в с. Окиnine (Акиnine) Макарьевского уезда (не сохранился). По условию, выдвинутому духовными и светскими властями, сооружение деревянной на каменном фундаменте церкви должно было вестись под наблюдением «аттестованного архитектора» [9, л. 9 об., 13]. Таковым и стал Николай Бумажников, осуществлявший надзор за «каменной,

плотничной, столярной, резной, кровельной и молярной» работами. Завершая свой подробный отчет («свидетельство») о строительстве, он подписался следующим образом: «Вольнопрактикующий аттестованный по казенным работам домовый архитектор у графини Толстой... Николай Васильев Бумажников» [9, л. 20–21].

Время смерти Н.В. Бумажникова долго не удавалось выяснить. Совершенно случайно, при изучении подшивки «Нижегородских губернских ведомостей» за 1879 г., мое внимание привлекло объявление, помещенное в номере за 31 января. В нем сообщалось следующее: «Мировой судья 1 участка Макарьевского судебного округа, Нижегородской губернии... вызывает наследников умершего вольноотпущенного князя Грузинского, человека Николая Васильева Бумажникова, для предъявления прав своих на оставшееся после него в селе Лыскове... движимое и недвижимое имущество...» [10]. Судя по помете «в первый раз», предвзявшей объявление, его смерть приключилась либо на первые дни 1879 г., либо случилась в конце года предыдущего. Он по-прежнему проживал в Лыскове, но к концу жизни отошел от дел и был одинок. Именно отсутствие близких родственников послужило причиной для подачи объявления в губернскую газету, продублированного, как и положено, затем еще дважды.

Метрические книги лысковских церквей за эти годы уцелели, что позволило установить точную дату смерти Н.В. Бумажникова – 13 ноября 1878 г. Под номером тридцать пятым его фамилия внесена в третью часть метрической книги Спасо-Преображенского собора. В графе «Лет умершего» проставлена цифра «78», графа «От чего умер» содержит краткую запись: «От старости» [11, л. 251 об.].

Нашлось дело и об охране имущества Н.В. Бумажникова. На сельском сходе 6 мая 1879 г. опекуном избрали Никандра Егоровича Копылова, которому надлежало сдать все имущество покойного «на сохранение по описи, под наблюдением старосты Лобачева» [12, л. 1 – 1 об., 5 – 5 об.]. Тремя годами позднее опекун докладывал, что все оставшееся от Н.В. Бумажникова наследство принял он от Петра Алексеевича Колосова. Заключалось оно «в деревянном доме с надворным строением и движимом разным имуществом... каковым и управлял в течение года, но дохода от него никакого не получал и из имущества ничего не продавал, но сдал все в целости... Михаилу Иванову Коптеву, которому и было продано наследниками Бумажникова по утверждении их в правах наследства окружным судом» [12, л. 3 – 3 об.]. В сохранившейся подворной описи крестьян Лыскова, составленной «с планов» землемера Коровина, производившего обмеры в 1870 г., дом бывшего крепостного архитектора отмечен в 29-м квартале под № 17 [13, л. 44 об.].

С Лысковым была связана почти вся жизнь Н.В. Бумажникова. Возможно, он и родился здесь? Однако все попытки найти какие-нибудь подтверждения этому результатов не дали. Фамилия, доставшаяся ему от отца (как следует из аттестата), не встречалась и в сохранившихся посемейных списках дворовых и крепостных Г.А. Грузинского.

Выяснилось, что у Н.В. Бумажникова был брат – Василий Васильевич, носивший ту же фамилию. Служил он кассиром в вотчинной конторе А.Г. Толстой в с. Катунки, затем стал приказчиком винного оптового склада в другом ее владении – с. Богоявленье Нижегородского уезда. Там он и умер 19 февраля 1867 г., оставив жену и пасынка, а также приличное наследство.

В марте 1868 г. Н.В. Бумажников обратился в Нижегородское губернское правление с просьбой разобраться с духовным завещанием брата, подлинность которого вызывала у него сомнения. В прошении, указывая свое место жительства «в селе Лыскове в собственном доме», он именовал себя так – «временнообязанный графини Толстой, крестьянин Балахнинского уезда, Катунской волости, села Катунок» [14, л. 1 – 2 об.]. В записи о смерти он именуется как «бывший дворовый графини Толстой села Катунки Николай Васильев Бумажников» [11, л. 251 об.]. Таким образом, появились основания считать, что родился Н.В. Бумажников в этом крупном разнопоместном селе (современный Чкаловский район) или в одном из окрестных селений.

Действительно, в ревизской сказке помещичьих крестьян Катунки, составленной 2 мая 1858 г., оба брата значатся среди дворовых А.Г. Толстой. Самому Николаю Васильевичу в это время было 59 лет, указана его супруга – 55-летняя Наталья Егорова. Примечательно, что его 57-летний семейный брат обозначен так: «Николая Васильева брат Василий Васильев» [15, л. 1348 об., 1349]. Похоже, к этому времени прозвище отца еще не вполне оформилось в наследственную фамилию.

Но в Катунки Н.В. Бумажникова перевели «по воле помещика» лишь в 1851 г. А до того как стать приписанным к этому селу, он числился крестьянином «одновотчинной» деревни Смыкова, где под номером пятым был отмечен в подушном списке девятой ревизии [15, л. 1348 об.].

Небольшая деревенька Смыкова (Смыково) лежала по «левую сторону Костромского почтового тракта» [16, с. 42], в пяти верстах от села Сицкого. Среди крестьян, принадлежавших Г.А. Грузинскому, особый интерес вызывает семья Василия Герасимова. В «ревизской сказке села Катунки с разными деревнями», составленной в апреле 1834 г., указывался возраст главы семейства по предыдущей переписи –

61 год, следующая графа («Из того числа выбыло») содержит помету: «Умер в 1820 году». На момент составления нового документа была жива его 74-летняя вдова Настасья. Перечислены «Васильевы сыновья» – Николай (36 лет), Василий (34 года) и Федор (29 лет). Все они к этому времени еще не обзавелись семьями [17, л. 267 об., 268]. В старшем из братьев мы склонны видеть нашего героя, появившегося на свет около 1799 г. Для выяснения точной даты и места его рождения необходимы дополнительные исследования.

Немногочисленные, разрозненные сведения не дают возможности узнать подробную биографию крепостного архитектора. Пока выведен лишь контур этого человека, прожившего долгую жизнь. Но фамилия Н.В. Бумажникова вернулась в культурно-историческое пространство Нижегородской земли – она внесена в Каталог памятников Лысковского района, изданный в 2016 г. [18, с. 181, 455].

Источники и литература

1. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф.1408. Оп. 1. Д. 507.
2. *Давыдов А.И., Краснов В.В.* Ансамбль Вознесенской церкви в городе Лыскове Нижегородской области // Нижегородская старина. 2010. Вып. 25–26.
3. *Безсонов С.В.* Крепостные архитекторы. М., 1938.
4. *Курмачева М.Д.* Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII – начало XIX века). М., 1983.
5. *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. Вып.1. М., 1883.
6. ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 250.
7. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 556. 1824 г. Д. 132.
8. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 6479.
9. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 558. 1851 г. Д. 175.
10. Вызов наследников к имению // Нижегородские губернские ведомости. 1879. 31 января. Часть официальная. Отд. 1.
11. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 10. Д. 2765.
12. ЦАНО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 103.
13. ЦАНО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 49.
14. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 47. Д. 4152.
15. ЦАНО. Ф.60. Оп. 2. Д.15.
16. XXV. Нижегородская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года / под ред. Е. Огородникова. СПб., 1863.
17. Отдел рукописных книг и рукописей НГОУНБ им. В.И. Ленина. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 33.

18. Иллюстрированный каталог объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), расположенных на территории Лысковского района Нижегородской области / [отв. ред. А.Л. Гельфонд]. Нижний Новгород, 2016.

О семье и родословной Ивана Николаевича Суцова

Н.А. Пакшина

В 2017 г. исполнилось 200 лет со дня рождения исследователя Дальнего Востока, соратника знаменитого капитана Г.И. Невельского – Ивана Николаевича Суцова (другой вариант написания фамилии – Сущёв). Происходил он из рода нижегородских дворян и детство провел в нижегородской глубинке.

Жизнь И.Н. Суцова как морского офицера, командира корвета «Оливуца» известна достаточно широко [1; 2; 3]. Особенно много писали о его трагической гибели. В 1850 г. корвет «Оливуца», находившийся в составе Балтийского флота, был отправлен на Дальний Восток для охраны прав Российско-Американской торгово-промышленной компании от английских и американских браконьеров, хищнически истреблявших пушного зверя и китов. По прибытии, по предписанию генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева корвет был отдан в распоряжение начальника Амурской экспедиции, капитана Г.И. Невельского. Корвет доставлял для экспедиции различные грузы, затем прибыл на Камчатку. Там шлюпка, на которой находился капитан Суцов, была опрокинута сильным порывом ветра. В память о погибшем командире корвета «Оливуца» мыс, где произошло это трагическое событие, получил наименование мыса Сущёва.

Жизнь Ивана Николаевича была яркой, карьера стремительной. Современникам он запомнился как человек горячего темперамента, деятельный и незаурядный. О каком бы периоде его жизни мы ни собирались рассказать, будь то учеба в Морском кадетском корпусе, служба на Черноморском и Балтийском флотах или крейсерство у берегов Камчатки, получится совершенно отдельная история. Поэтому в данной публикации мы ограничимся рассказом о том, о чем меньше всего известно, или не известно совсем – о родословной и немного о детстве И.Н. Суцова.

В «Общем морском списке», который представляет собой справочник морских чинов и включает послужные списки офицеров российского императорского флота, имеется формулярный список Суцова Ивана Николаевича, начиная с 1831 г. [2, с. 668–669]. Кстати, на материалах данного справочника базируются многие другие публикации о нашем герое. А что же было до этого? О раннем периоде жизни Суцова не упоминает практически никто из авторов.

Иван Николаевич родился в 1817 г. в семье капитан-лейтенанта Николая Ивановича Суцова (1785–1838) и его жены Александры Михайловны (ок. 1795–1824). Был братом Агриппины, Анастасии, Александры, Михаила и Николая Суцовых (последний родился от второго брака).

Дворян Суцовых по праву можно назвать потомственными военными. Именно за воинскую службу в XVII в. им были пожалованы земли к юго-востоку от Нижнего Новгорода. Таким образом, Суцовой веками служили российскому престолу, находясь на дворянской службе «в разных чинах и верстаны поместным окладом» (здесь и далее в цитируемых документах сохранено написание как в оригинале – прим. авт.). Герб рода Суцовых внесен в часть 6 Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи.

Из подписи к гербу следует, что «Потомки сего рода Степан и Василий Филиповы дети Суцовой, равным образом за службу были пожалованы в $\frac{7145}{1637}$ и $\frac{7177}{1666}$ годах на поместья грамотами. Все сие доказывается жалованными грамотами и копией с определения Нижегородского Дворянского Соборания» [4, с. 75]. Невольно встает вопрос: Кто же из братьев стал основоположником той ветви рода, которую мы рассматриваем, то есть был прямым предком Ивана Николаевича Суцова? Степан или Василий?

Мнения исследователей разнятся. Как можно прочесть в интернете, «земли в Нижегородской губернии были пожалованы царем Михаилом Федоровичем Романовым дворянину и потомственному военному Степану Филиповичу Суцову. Его потомок М.Н. Суцев был знаком со знаменитым нижегородцем – композитором М.А. Балакиревым, который несколько раз был у него в гостях» [5]. Уточним, Михаил Николаевич Суцов – родной брат нашего героя.

Не вызывают сомнений факты о том, что Степану Филиповичу Суцову действительно были пожалованы земли, что он являлся потомственным военным, что М.Н. Суцов был близко знаком с М.А. Балакиревым: об этом тоже сохранились свидетельства [6; 7]. А вот с мне-

нием, что Иван и Михаил Суцовы были прямыми потомками Степана Филипповича, согласны не все.

Например, историк из Санкт-Петербурга М.А. Салищев, который интересовался родословной Суцовых, занимаясь изучением деятельности известного финансиста Николая Николаевича Суцова, самого младшего из братьев в семье Суцовых, утверждает обратное: «предок Суцовых Василий Филиппович еще в 1637 г. был "за многие похвальные службы и храбрость" жалован вотчиной в 450 четвертей земли в Курмышском уезде» [8, с. 75], ссылаясь при этом на архивные данные [9, л. 5–6].

Вопрос какое-то время оставался открытым. Восстановить фрагмент поколенной родословной росписи удалось с помощью «Документов воспитанника Ивана Николаевича Суцова», хранящихся в Центральном военном-морском архиве. Это небольшое по объему (всего пять листов), но очень информативное дело было сформировано при поступлении И.Н. Суцова в Морской кадетский корпус в 1828 г. [10].

Первый лист дела представляет собой прошение на имя императора. Составлено оно неким титулярным советником Дмитрием Александровым сыном Александровым на двустороннем листе по стандартной форме и подписано детским почерком самого Ивана Суцова.

На всех последующих листах содержатся копии свидетельств, подтверждающие, прежде всего, дворянское происхождение. Несмотря на то, что в названии Морского кадетского корпуса уже не присутствовало слово «шляхетный», как при его основании в 1752 г., это учебное заведение вплоть до 1861 г. продолжало оставаться не просто сословным, но исключительно дворянским.

На втором листе приведена справка, полученная в Нижегородском дворянском депутатском собрании, «учиненная по отношению Г. Сергачского уездного предводителя Дворянства, коим вследствие просьбы дворянина того уезда Капитан Лейтенанта и кавалера Николая Ивановича Суцова» (отца Ивана Суцова). Речь шла «о внесении сыновей его Г. Суцова Ивана и Михаила в дворянскую родословную книгу». Занесение их в книгу производилось со ссылкой на более ранние документы. Вот фрагмент этой справки:

«Подпоручик Иван Петрович Суцов при поданных в Дворянское Депутатское Собрание 23 мая 1792 и 4 октября 1796 года прошениях представил в доказательство древнего дворянства данную ему 19 июля 1791 года из Васильского Уездного суда за свидетельством копию с выданной 7145 марта 7 и жалованной 7177 июня 23 грамоты поколенную рода Суцовых роспись и свидетельство двенадцати благородных особ, в которых явствует, в грамотах:

Первой что за двоюродным его просителя прадедом Степаном Филиповым сыном Сушовым состояло по даче 139 года в преждебывшем Курмышском уезде в Подгородном стане в пустоши Раздерихе пашенной земли 56 четвертей поместной ему Степану в той Грамоте оклад написано 200 четвертей;

Второй: *родному его прадеду* (выделено нами. – Н. П.) Василию Филиповичу Сушову за его многия похвальныя службы и храбрость пожаловано с поместного его оклада с 450 четв. в вотчину в том же Курмышского уезда в Имзенском стане "в жеребьях" деревень...» [10, л. 2].

Таким образом, подтверждается, что Иван Сушов был прямым потомком именно Василия Филипповича Сушова. Более того, в этом же документе приведена вся цепочка, позволяющая воссоздать фрагмент родословного древа: «...В поколенной прапрадед просителя Филип, его сын Василий, Василья сын Иван, Ивана сын Петр, Петров сын Иван, проситель, у просителя Петр, Павел, Евгений и Николай...» (см. рисунок).

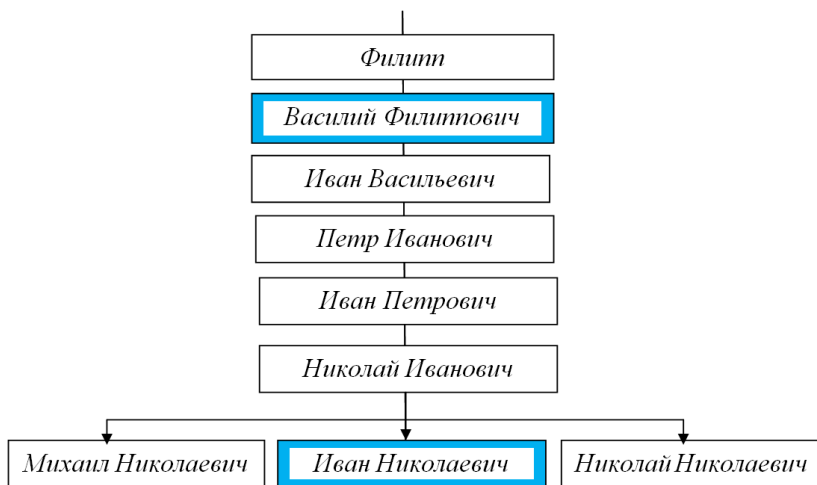

Рисунок. Фрагмент родословного древа Сушовых

Третий лист – свидетельство, выданное в Нижнем Новгороде и заверенное протоиреем Ярмарочного Спасского собора Иоанном, представляющее собой выписку из метрической книги. Там указано, что «села Пустошки Г. Николая Иванова Сушова сын Иван рожден того тысяча восемь сот семнадцатого года ноября двенадцатого и крещен шестнадцатого числа у коего восприемниками были Г. Евгений

Иванов Суцов и Г. Василья Иванова Братцова жена Елизавета Петровна». Заметим, что крестный Евгений Иванович Суцов доводился новорожденному родным дядей, а современное название Пустошки – Знаменское.

На четвертом листе представлена копия еще одного документа. Он, как и предыдущие, называется свидетельством, но, по сути, является медицинской справкой, свидетельствующей о том, что Иван «не одержим болезнями могущими препятствовать к принятию его в какое-либо казенное училище или военную Службу».

И наконец, пятый лист дела – это копия справки «из Нижегородского Дворянского Депутатского Собрания флота Капитан-Лейтенанту и Кавалеру Николаю Ивановичу Суцову в следствие поданной от него просьбы и последовавшей после резолюции на случай предоставления сына его недоросля Ивана в какое-либо учебное заведение. Май 16 дня 1828 года».

Далее рассмотрим, где и как жили Суцовы на территории Нижегородской губернии. Многие ее населенные пункты связаны с именами Суцовых на протяжении почти трех веков. Прежде всего, это деревни и села Васильского и Сергачского уездов. Древнейшим родовым имением Суцовых с XVII в. являлось село Большое Сущёво(бывшая пустошь Роздериха), позже рядом возникла деревня Малое Сущёво. Оба селения в настоящее время относятся к Спасскому району Нижегородской области. Суцовы также проживали в Дмитровском, Знаменском (Пустошке тож), Анастасове, Прислонихе и ряде других населенных пунктов.

Они породнились с семьями многих соседских помещиков. Но особенно крепкими узами род Суцовых был связан с Демидовыми. Их родственные и свойственные связи иначе как хитросплетением не назовешь. Дядя Ивана Николаевича Дмитрий Иванович женился на сестре Александра Васильевича Демидова, за которым была замужем сестра Ивана Анастасия, а их брат Михаил женился на Софье Павловне (урожденной Веселовской), племяннице того же А.В. Демидова [11].

Вырос Иван Николаевич Суцов в нижегородской глубинке. Здесь он получил домашнее начальное образование. Вместе с братом Михаилом его готовили к поступлению в Морской кадетский корпус. Кстати, Миша был моложе Вани всего на полтора года, и поступать учиться в Санкт-Петербург они поехали вместе. Как значится в прошении Ивана, «ныне мне отроду одиннадцать лет, обучен по-русски и по-французски читать, писать, знаю часть грамматики, первую часть арифметики и несколько географии и истории». И хотя оба брата именуются в прошении «недорослями», на недорослей в современном

представлении они совсем не похожи. Уезжали из дома детьми (Ивану – около 12 лет, а Михаилу едва исполнилось 10), жить им предстояло в закрытом военном учебном заведении, а впереди ждала нелегкая служба. Родители обо всем этом знали не понаслышке.

В семье Суцовых морская служба была традиционной. Ранее Морской кадетский корпус окончили и стали морскими офицерами отец мальчиков Николай Иванович и их дяди – Евгений Иванович, Петр Иванович и Павел Иванович. Последний связал с флотом всю жизнь и немало достиг на этом поприще, став вице-адмиралом. И дело даже не в чинах и наградах: служба была его основной страстью, П.И. Суцов до самой смерти в возрасте 72 лет являлся активным членом Адмиралтейств-совета [12].

Скажем несколько слов о дальнейшей судьбе ближайших родственников Ивана Николаевича. Как сложилась жизнь его сестер и братьев?

Агриппина Николаевна (1812–1840) (по мужу княгиня Чегодаева) рано умерла, была матерью трех дочерей Натальи (1835 г. р.), Александры (1837 г. р.), Ольги (1839 г. р.).

Анастасия Николаевна (1821–1876) (по мужу Демидова) стала матерью девяти детей. Ее сын Николай написал «Исторический очерк Васильского уезда Нижегородской губернии». Сын Платон был женат на Ольге Владимировне Даль, дочери известного писателя, филолога, автора «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля. Зятьями Анастасии Николаевны стали генерал-майор полицмейстер Николай Густавович Каргер, который возглавлял Нижегородскую полицию четверть века, а также действительный статский советник гласный Нижегородской земской управы, врач Семен Николаевич Зененко [13; 14].

Александра Николаевна (1820–1892) (по мужу Шипилова) стала матерью двоих детей – Александра и Софьи. Позже на свет появились 20 внуков. Одна из внучек, Мария Александровна Персиянинова, оставила интереснейшие воспоминания о Шипиловых, Суцовых и Ляпуновых [15].

Михаил Николаевич Суцов (1819 – до 1885) окончил Морской Кадетский корпус, стал капитан-лейтенантом. Возглавлял Васильскую № 159 Дружину подвижного ополчения в период Крымской войны. Он проживал на родине предков в д. Малое Сущёво, был титулярным советником и попечителем Макарьевского уездного училища [16; 17].

Николай Николаевич Суцов (1830–1908) – выпускник такого престижного заведения как Школа правоведения, стал тайным советником, правителем канцелярии Министерства юстиции, чиновником

Сената, позже – крупным финансистом и известным предпринимателем. По словам С.Ю. Витте, «казалось, ни одно железнодорожное дело, ни одно коммерческое предприятие, ни одно коммерческое дело не могло осуществиться без Суцова – всюду был Сушов» [18].

Имелись ли продолжатели этой веточки Сушовых? Что стало с фамилией? Сам Иван Николаевич не успел обзавестись семьей. Дети сестер носили другие фамилии – Чегодаевы, Демидовы, Шипиловы. Брат Михаил Николаевич был женат, но детей не имел.

У младшего же брата Николая было трое детей: Александр, Екатерина и Иустиния. Сын скончался в молодости неженатым, а дочери вышли замуж и тоже поменяли фамилии. Однако в дореволюционной России при пресечении дворянского рода по мужской линии была возможность ходатайствовать о присоединении угасшей фамилии к фамилии одного из родственников.

Дочери действительно поменяли фамилии, но внук через два года после смерти дедушки решил взять себе двойную фамилию Дараган-Сушов. 2 ноября 1910 г. он подал прошение на имя императора и 16 декабря 1910 г. получил разрешение «инженеру путей сообщения коллежскому секретарю Иосифу Иосифову Дарагану принять фамилию Сушовых с присвоенным ей гербом и именоваться впредь Дараган-Сушов» [19].

В архиве сохранилось датированное августом 1917 г. дело «Об утверждении соединенного герба Дараган-Сушовых и выдаче копии с него» [20]. Герб не был внесен в Общий Гербовник, Гербовник Царства Польского или Дипломные сборники. Изготовлению герба помешала революция, сохранился только проект. Но, самое главное то, что потомки Дараган-Сушовых и ныне живут в России.

На востоке Нижегородской области сохранились населенные пункты Большое Сущёво и Малое Сущёво. Однако фамилия была увековечена не только в этих топонимах. Приведем несколько примеров того, как была почтена память об И.Н. Сушове.

Во-первых, на южной оконечности Камчатки есть мыс Сущёва, который расположен у входа в Авачинскую губу, рядом с местом его трагической гибели. Такое же название носят бухта и мыс на границе Охотского и Японского морей.

Во-вторых, вскоре после того, как весть о смерти дошла до родных (в 1852 г.), брат Михаил Николаевич решил учредить стипендию Ивана Николаевича Суцова для одного из воспитанников Нижегородского Александровского Дворянского института.

Обучение в институте осуществлялось на платной основе. И плата по тем временам была достаточно высока – 150 рублей в год. Не-

смотря на то, что в эту сумму входил и пансион, все равно она намного превышала ежегодный взнос в других учебных заведениях. Например, обучение в гимназии составляло 30–40 рублей, а в университете – 50 рублей в год.

Как известно, средства этого учебного заведения хранились в Нижегородском Александровском дворянском банке. Вот Михаил Николаевич и решил положить на счет банка сумму в размере 3750 рублей серебром с тем, чтобы проценты с вклада шли на оплату обучения и содержания одного воспитанника из небогатых дворян Нижегородской губернии.

8 января 1853 г. он написал письмо губернскому предводителю дворянства с просьбой «походатайствовать разрешения на исполнение моего желания». Приведем фрагмент этого письма:

«...Если же не будет разрешено внести означенный капитал в Нижегородский Александровский Дворянский Банк, то я готов его внести с тою же целью и на тех же правах в Нижегородский Приказ Общественного Призрения; когда же Ваше Превосходительство изволите получить разрешение или отказ на мою просьбу, то покорнейше Вас прошу почтить меня Вашим уведомлением.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть.

Вашего Превосходительства
Милостивый Государь
покорнейшим слугою
Михаил Суцов
Генваря 8-го дня 1853-го года

Его Превосходительству Владимиру Васильевичу Бобоедову»
[21, л. 2].

Чуть позже Суцову сообщили, что «министр народного прощения изъявил согласие на принятие сего пожертвования». На этом переписка не закончилась. Михаилу Николаевичу было предложено увеличить сумму, поскольку, как оказалось, «по Высочайше утвержденному 1 марта 1844 года уставу плата 150 рублей серебром в год и единовременное первоначальное обзаведение 28 руб. серебром». В июле 1853 г. он дал согласие внести дополнительную сумму в размере 120 руб., поскольку поначалу не учел единовременного первоначального взноса [21, л. 10].

Со стороны вкладчика условия были такие:

– воспитанника из обедневших дворян будет выбирать он сам, по смерти его старший из рода Суцовых, а если никого не останется,

то делать выбор он предоставляет губернскому предводителю дворянства;

– воспитанник, который получит эту стипендию, будет именоваться «воспитанником Капитан-лейтенанта Суцова».

Автор статьи благодарит Елену Юрьевну Аникину, предоставившую уникальную информацию о представителях рода Сузовых.

Источники и литература

1. *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг.: Часть первая. Исторический отчет по путевым дневникам. Петропавловск-Камчатский, 2009 (издано по: *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг.: Часть первая. Исторический отчет по путевым дневникам. СПб., 1901).
2. *Веселаго Ф.Ф.* Общий морской список / Ф.Ф. Веселаго, Н.А. Коргуев, С.Ф. Огородников. Ч. 11. СПб., 1900.
3. *С.К. Иван Николаевич Суцов* // Морской сборник. 1853. № 7 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.prlib.ru/item/343799> (дата обращения – 7.09.2017).
4. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи [Электронный ресурс] // URL: <https://gerbovnik.ru/arms/825.html> (дата обращения – 27.01.2017).
5. Большое Сущево. Церковь Казанской иконы Божией Матери // Материалы народного каталога православной архитектуры [Электронный ресурс] // URL: <http://sobory.ru/article/?object=29215> (дата обращения – 22.03.2017).
6. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 41. Оп. 1. Д. 744.
7. ОР РНБ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1247.
8. *Салищев М.А.* Николай Николаевич Суцов – один из выдающихся предпринимателей–дворян пореформенной России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Вып. 3. Т. 4.
9. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 536. Оп. 6. Д. 2701.
10. Центральный военно-морской архив. Ф. 432. Оп. 5. Д. 2501.
11. Краснова Е.И. Демидовы: Родословная роспись. Екатеринбург, 1992.
12. *Апухтин В.Р.* Нижегородское Дворянское Ополчение 1812–1814 гг. [Электронный ресурс] // URL: <http://adjutant.ru/1812militia/nn1812-04.htm> (дата обращения – 18.03.2017).

13. Пакшина Н.А. Нижегородские Демидовы // Нижегородский краевед: сборник научных статей / сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. Выпуск 2. Н. Новгород, 2016.

14. Пакшина Н.А. Платон Александрович Демидов: краткое жизнеописание / Современные исследования в гуманитарных и общественных науках: сб. ст. Казань, 2015. Т. 2.

15. Персиянинова М.А. Воспоминания // Отдел редких рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 218. Картон 1358. Д. 22.

16. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 639. Оп. 24. Д. 4013.

17. Пакшина Н.А. Брачные обыски в дореволюционной России Н.А. Пакшина, Л.П. Колесова // Приволжский научный вестник. 2015. № 12–3 (52).

18. Создание русско-бельгийского металлургического общества [Электронный ресурс] // URL: http://enakievets.info/publ/enakievo_kak_na_ladoni/ocherki_ob_inzheneren_enakieve/ozdanie_russko_belgijskogo_metallurgicheskogo_obshhestva/109-1-0-2545 (дата обращения – 20.03.2017).

19. Герб рода дворян Дараган-Суцовых [Электронный ресурс] // URL: <http://gerbovnik.ru/arms/4574.html> (дата обращения – 22.03.2017).

20. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 7080.

21. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 124. Д. 4238.

Создание Нижегородского секретного комитета по делам раскольников (1850)

О.В. Аксянова

Самодержавная политика второй четверти XIX в. по отношению к Синоверцам, в том числе и к представителям старообрядческих общин имеет ряд характерных черт. Во время правления Николая I начинается работа по кодификации российских законов. Для этого было создано II отделение Его Императорского Величества Канцелярии, деятельность которого контролировалась лично императором. Именно в этот период начинается активное изучение истории раскола, идет работа по установлению численности представителей различных сект, в том числе и староверов. Для осуществления данной политики во второй четверти XIX в. создаются секретные совещательные комитеты по делам раскольников, которые подчиняются непосредственно самодержцу. Кроме этого постепенно формируется система розыска, судопроизводства и наказания старообрядцев, совершавших уголовные преступления или преступления против веры.

Первый Секретный совещательный комитет по делам раскольников был создан ещё при Александре I в марте 1825 г. в Санкт-Петербурге. В его состав вошли: киевский митрополит Евгений, санкт-петербургский митрополит Серафим, министр народного просвещения адмирал А.С. Шишков, управляющий министерством внутренних дел В.С. Ланской. Основной задачей этого комитета было рассмотрение и перенаправление дел о расколе в иные инстанции, а также координация деятельности различных ведомств по вопросам старообрядческих общин. Все распоряжения правительства по вопросам староверия должны были рассматриваться предварительно в Санкт-Петербургском секретном комитете. Он не подчинялся министерству внутренних дел, но тесно взаимодействовал с ним. МВД поставляло в Санкт-Петербургский комитет все секретные сведения о старообрядцах, а также обязано было связываться с ним при рассмотрении таких вопросов, как снятие колоколов с часовен или закрытие моленных [1, с. 191].

В 1831 году был создан Московский совещательный комитет по делам раскола. В его состав входили: Московский военный генерал-губернатор, митрополит московский, тайный советник князь Голицын, генерал Обольянинов, генерал-лейтенант Вилков, московский гражданский губернатор. Главной целью комитета являлось: «дать решениям дел сего рода более взаимной одного с другим сообразности и точности; чтобы, при соблюдении безвредной терпимости к разномыслящим, по возможности направлять их к сближению с церковью и чтобы не давать способов распространяться вредным учениям» [1, с. 332].

Вскоре начинают создаваться губернские секретные комитеты по делам раскольников. В них должны были входить представители губернской власти и высшего епархиального духовенства. Указ от 3 ноября 1838 года предписывает создание подобных подразделений по всей территории Российской империи [2, с. 175]. За 18 лет был создан 21 комитет.

Делопроизводственного аппарата в комитетах по делам раскола не было. Один из губернских чиновников обычно вел журнал, который и представлял из себя несложную систему отчетности. В перечень подведомственных вопросов подобных учреждений входили: дела о крещениях, браках, погребениях, воспитании подрастающего поколения по старым обрядам, а также о неподобающих выражениях, касающихся официальной церкви и её служителей. В целом круг деятельности комитетов на протяжении всего времени их существования не был четко определен. Спустя время они взяли на себя даже полицейские и судебные функции. Но указ императора 20 ноября 1849 года «О секретных комитетах» ограничил их деятельность в этой области [2, с. 180].

20 ноября 1849 года в Нижегородской губернии был создан секретный совещательный комитет по делам раскола [2, с. 177]. В соответствии с указом императора от 3 ноября 1838 года в него должны были войти епархиальный архиерей, губернатор, председатель Палаты государственных имуществ и офицер Жандармского штаба. Однако свою непосредственную деятельность комитет начал несколькими месяцами позже.

Губернские секретные комитеты были созданы как совещательные органы, основной целью которых была систематизация и упорядочение делопроизводства о расколе. Состав данных комитетов определил направление их деятельности. Высшие чиновники и духовенство губерний позиционировали их в качестве проводников вероисповедной политики в регионах. В 1860-е гг. повсеместно секретные комитеты начинают свертывать свою деятельность, постепенно прекращая существование.

Ниже впервые публикуется документ о создании Нижегородского секретного совещательного комитета по делам раскола из Центрального архива Нижегородской области. Он сохранился в фонде 570 (Нижегородская духовная консистория, духовные правления и церкви Нижегородской епархии) и входит в состав единицы хранения 27 («Дело об открытии в Нижнем Новгороде секретного совещательного комитета по делам раскольников»).

1850, август, 5. – Отношение Нижегородской духовной консистории к нижегородскому губернатору

1850 года августа 3 дня по справке в Канцелярии Нижегородской Духовной Консистории оказалось:

Указом Святейшего Правительствующего Синода, последовавшим от 14 Декабря 1849 года за № 319 к покойному Высокопреосвященнейшему Иакову, Архиепископу Нижегородскому и Арзамасскому велено: в Нижнем Новгороде открыть секретный Совещательный Комитет по делам о раскольниках, сектантах и отступивших от православия, и составить оный из Епархиального Архиерея, Начальника Губернии, Председателя Палаты Государственных Имуществ и Жандармского Штаба офицера. На оном указе резолюцию покойного Высокопреосвященнейшего Иакова ¹ 3го Января 1850 года предписано: сообщив о сем от меня Г. Губернатору просить его не благоугодно ли будет открыть Комитет и без меня, за находением моим в С. Петербурге и последующем меня уведомить. Во исполнении каковой резолюции в Канцелярии Консистории заготовлено к Г. Нижегородскому военному Губернатору отношение, которое и было 11 февраля отослано для подписи к покойному Высокопреосвященнейшему Иакову в С. Петербург, но оттуда для записки в неходящий реестр и для отметки под делом в Консисторию не возвращалось и от Г. Нижегородского военного Губернатора по предмету сему никакого сведения нет. Между тем из Святейшего Правительствующего Синода от 17 Июня сего года последовал по делу сему другой указ, коим велено назначить в члены Секретного Комитета и Управляющего Удельною Конторою. На коем указе Его Преосвященство Иустин, Епископ Владимирский и Суздальский и Кавалер ² 6го Июля резолюцию предписать изволил: Консисто-

¹ Архиепископ Иаков (в миру Иосиф Иванович Вечерков) – архиепископ Нижегородский и Арзамасский с 1847 по 1850 год.

² Епископ Иустин (в миру Яков Евдокимович Михайлов) – временный управляющий Нижегородской епархией с 1850 по 1851 год.

рияимеет представить сей указ Преосвященному Нижегородскому по прибытию Его на Епархию.

Секретарь Василий Громов.

Столоначальник Василий Соловьев.

ЦАНО. Ф. 570. Оп. 558. Д. 27. Л. 8

Источники и литература

1. *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. Восьмая дополнительная книга. История распоряжений по расколу. СПб., 1863.

2. *Кельсиев В.* Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1861. Вып. 2.

А.Я. САДОВСКИЙ О СВОЕЙ ЖИЗНИ В СЕЛЕ ШЁЛОКША НИЖЕГОРОДСКОГО УЕЗДА

В.В. Митрофанов

Недавно О.В. Ищенко заметил, что «мемуары соединяют важные события с мелкими подробностями повседневной жизни...» [1, с. 158]. В очередном фрагменте рукописи А.Я. Садовского, условно названной «Воспоминания», как раз и раскрываются особенности восприятия уже умудренного жизненным опытом состоявшегося человека, ставшего широко известным не только в Нижегородском крае, но и за его пределами, интересных воспоминаний из детства, ранней юности самого автора и его семьи в целом.

Время написания этой части «Воспоминаний» можно точно датировать 1916 г., на что указывает фраза из текста «...и в прошлом 1915 году умер от какой-то психической болезни...». Эта дата – очень важная деталь для определения времени активной работы автора над рукописью. Именно 5 февраля 1916 г. дневниковые – датированные «записи обрываются, следующие листы утрачены или попали в другие дела архива его сына Б.А. Садовского или архивохранилища. Поиск следует продолжить» [2, с. 66]. А рукопись быстрыми темпами увеличивается в объеме. Данный отрывок является продолжением опубли-

кованных, в том числе в предыдущем выпуске «Нижегородского краеведа» [3, с. 163–192] и находящихся в печати фрагментов рукописи.

Первые страницы предлагаемой части рукописи кажутся несколько неупорядоченными, автор переносит читателя в разные эпохи и складывается представление об отрывочности, бессистемности записей. На это указывают и замечания А.Я. Садовского, что «многое забылось», иногда действительно допускаются неточности в датировке событий, например, назначения отца в бытность губернатором А.Н. Муравьева. Эта забывчивость свидетельствует о том, что написание такого труда не планировалось, предварительных записей не велось, а идея возникла спонтанно в 1891 г., но план не был реализован, и только в 1910-е гг. она увлекла А.Я. Садовского вновь.

Вспомнив ряд важных эпизодов, относящихся к предыдущим сюжетам о гимназической и институтской жизни, А.Я. Садовский переходит к систематическому описанию жизни семьи в селе Шёлокша¹ Нижегородского уезда (ныне с. Стан-Шёлокша в Кстовском районе), куда в 1862 г. получил назначение его отец. Этому времени, почти целое десятилетие (до 1870 г.), отведено значительное место в «Воспоминаниях». Объем фрагмента более трех печатных листов, поэтому в данном выпуске мы публикуем первую его половину.

Самому автору было приятно окунуться в прошлое, с которым связаны замечательные годы детства и юности. Заметим, что А.Я. Садовский бывал в Шёлокше только во время каникул, но и этого было достаточно, чтобы беззаботный период жизни оставил в его памяти неизгладимый след.

Фрагмент населен многочисленными знакомыми, сослуживцами отца, служителями культа, жителями Шёлокши. Всем даны с поразительной полнотой запоминающиеся характеристики, в том числе и нелицеприятные. Безусловно, важны упоминания об обстоятельствах и моментах, которые оказывали влияние на формирование характера и мировоззрения подраставшего ребенка. Довольно часто в рукописи упоминается слово «либерал» и все, что связано с таким направлением общественной мысли. В этой части воспоминаний А.Я. Садовский обращается к сюжету, который постоянно будет присутствовать на страницах рукописи и, по всей видимости, очень волновавший автора – это еврейский вопрос. Он настолько важен для него, что требует особого исследования с привлечением других материалов.

¹ Топоним пишется по-разному: Шелокша, Шёлокша, а раньше встречалось и Шолокша. Произносится же в любом случае как «Шолокша». – *прим. ред.*

Источник личного происхождения, вышедший из-под пера А.Я. Садовского, существенно дополняет имеющиеся краткие сведения о его детстве и юности, взаимоотношениях в семье и позволяет в полной мере судить о жизни в глубокой провинции мелкопоместной дворянской семьи. Именно атмосфера любви родителей к детям оказала неизгладимое, благотворное влияние на нравственные качества подрастающего поколения Садовских.

В публикации звездочкой отмечены зачеркнутые в рукописи слова.

Источники и литература

1. *Ищенко О.В.* Воспоминания как источник сведений об участии воспитанников учебных заведений Сибири в деятельности партийно-политических организаций в конце XIX – начале XX вв. (по материалам сибирских архивов) // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: коллективная монография. Ч. 9 / под общ. ред. А.Г. Солодкина. Нижневартовск, 2014.

2. *Митрофанов В.В.* «... Совершенно замалчивают мою деятельность...». Из «Дневника» А.Я. Садовского // Нижегородский музей. 2016. № 30.

3. *Митрофанов В.В.* А.Я. Садовский о своей учебе в Александровском институте (вступ. ст. публик., коммент.) // Нижегородский краевед: сборник научных статей / сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. Вып. 2. Нижний Новгород, 2016.

А.Я. Садовский

Жизнь в Шёлокше

(фрагмент «Воспоминаний», часть 1)

Во время учения в Нижегородском институте мне пришлось видеть Министра Толстого ¹. Я был в старших классах. Пришел на урок латинского языка, сел на парту рядом с учениками и весь урок просидел неподвижно, (закрывши, лицо, глаза *) с зажмуренными глазами, лицо не бритое, было как каменное, ничто на нем не отражалось.

¹ Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) – граф, русский государственный деятель и историк, обер-прокурор Святейшего Синода (23 июня 1865 – 23 апреля 1880), министр народного просвещения (1866–1880), министр внутренних дел и шеф жандармов (1882–1889).

Затем нас посетили великий князь Алексей Александрович ². Нас собрали в зал, в который явился и князь со свитой и что-то нам сказал. Высокого роста, стройный, красивый с только что пробивающимися бачками, он на всех произвел прекраснейшее впечатление, он был многим из нас, в том числе и мне ровесник, но всех нас превосходил фигурой и видимым здоровьем.

Помню еще, не помню только где, кажется, будто бы в гимназии, ждали какое-то высокопоставленное лицо, великого князя или может быть и Государя, и Садоков с Шундиковым делали репетицию встречи. Они выходили к нам, собирались в зале, здоровались, а мы должны были им кричать: здоровья желаем Ваше Императорское Величество, кричать так, как кричат солдаты, т. е. отчетливо и все враз. Для Садокова и Шундикова, вышедших из коридора к нам, это была служба и, вероятно, служба неприятная, а для нас забава. Конечно, мы сразу поняли, что от нас требовалось и, вероятно, сразу же все, или крупнейшее большинство, решили потешиться над начальством и действительно долго, во многие перемены, Садоков и Шундиков красные, потные, суетились около нас, расставляли нас по росту и т. д. а потом заставляли приветствовать, ругались, что дело не выходило, но поделаться ничего не могли. Совершенно забыл теперь – был ли ожидаемый приезд в гимназию или нет и вообще, чем все это окончилось; хорошо помнится лишь самая процедура предполагавшегося церемониала. Вероятно, это было не в приезд Императора Александра II в 1860-х годах, а скорее наследника Николая Александровича ³, старшего брата императора Александра III. Между прочим, во время всяких царских приездов энтузиазм тогда был прямо неопишуем, я был свидетелем проезда Александра II по ярмарке, я сидел на крыше какой-то лавки по шоссе и видел все. Государь ехал крупной рысью, а народ по бокам, позади, бежал за коляской (открытою *) кричали «Ура!» каким-то особым диким, иступленным голосом, хватались за коляску, за коней, а Государь только милостиво улыбался и кланялся народу. Никакого конвоя около коляски не было и никакой охраны, она ехала сзади, верхом. Правда, это было еще до Каракозовского выстрела ⁴, когда ни-

² Алексей Александрович (1850–1908) – великий князь, сын Александра II, генерал-адмирал.

³ Николай Александрович (1843–1865) – старший сын императора Александра II, в 1863 г. совершил путешествие по Волге.

⁴ Каракозов Дмитрий Владимирович (1840–1866) – русский революционер-террорист, совершивший 4 апреля 1866 г. одно из неудачных покушений на императора Александра II.

кому в голову не могла явиться мысль о небезопасности проезда царя среди своих подданных. Во время приезда наследника Николая Александровича бежали, таким образом, рядом с коляской, мальчишка бежал и кричал «Ура!». Ехали Зеленским съездом ⁵, сравнительно тихо, наследник заинтересовался мальчишкой, стал с ним разговаривать, говорит, между прочим, «хорошо, если бы ты также хорошо учился, как бегаешь». Мальчишка отвечает, что он учится хорошо, кончил первым в уездном училище; (наследник даст *) в дальнейшем выяснилось, что у него нет денег на продолжение образования, что он очень бедный, по фамилии Мостинский, кажется, сын, какого-то мелкого чиновника. В конце концов, наследник сделал Мостинского своим стипендиатом, и он был принят в 3 или 4 класс гимназии, на содержание себя он получил или его семья сколько-то рублей в месяц, сколько не помню, но по тогдашним ценам порядочно; пожалованы были ему серебряные часы, которые мы с интересом разглядывали, как царский подарок, хотя часы были довольно обыкновенными; теперь я думаю – не обманывал ли нас Мостинский, не сам ли купил часы, а выдавал за царские? Случай этот вскружил голову Мостинскому, он стал важничать перед учениками, зазнался, что называется, а потом начал пьянствовать. Курса Мостинский не окончил, его исключили из какого-то старшего класса и впоследствии я встретил его чиновником канцелярии губернатора, встретил в Ардатове, он приезжал с кем-то или вернее при ком-то в Ардатов, вскоре после этого Мостинский умер. Припоминаю, что он был исключен чуть ли не за кражу у товарища, словом, за какие-то дурные поступки.

После начала учения, в августе гимназисты любили ходить на ярмарку, слушать музыку под Главным домом, смотреть восковые фигуры и разные подобные штуки в конце Нижегородской улицы, помню, меня маленького очень интересовала волосатая женщина с бородою – Юлия Пастрана ⁶.

Конечно, ходили в цирк, зверинец; в театр, не знаю, ходили ли, я сам там не был ни разу. Было большое удовольствие пить на ярмарке малиновый или лимонный квас. Его разносили особые продавцы в огромных стеклянных круглых кувшинах, а вокруг пояса у них были

⁵ Зеленский съезд был главной дорогой, соединяющей нагорную и нижнюю части Нижнего Новгорода.

⁶ Юлия Пастрана относилась к коренным жителям Мексики – индейцам, страдала гипертрихозом: ее лицо и тело, кроме ладоней и подошв, были полностью покрыты прямыми черными жесткими плотными волосами. В 1859–1860 гг. находилась с гастрольями в России.

особые места для стаканов. За копейку, за две наливали довольно порядочно, квас, вероятно, подкрашенная сладкая водица, красный и желтый, но все-таки он пахнул и малиной и лимоном, теперь только удивляюсь, как можно было пить такую бурду из невымытых стаканов, а тогда ничего – очень нравилось. Тогда денег было мало и 5 коп. были для нас капиталом. На ярмарку ходили всегда пешком и мы, и наши родители, только оттуда, в случае покупок, которые тяжело было нести, нанимался извозчик, с которым обыкновенно предварительно долго торговались, везли тогда из ярмарки копеек за 30–25. Ярмарка собственно начиналась после разводной части моста. За разводной частью, значит, примерно с половины моста, по бокам его были лавчонки с разною мелочью, лавчонки криками заманивали прохожих, предлагая им то и то. Лавчонки были крошечные, и зады их висели над водою и над песками. Когда их убрали, я не знаю.

Кстати уже об извозчиках. Чрезвычайно дешевы были зимний Ванька, они выезжали на пробеги в черных самодельных санках с сиденьем, всегда очень просторных, с простою русскою упряжью и другою без всяких полостей, лишь в ногах, может быть для теплоты ног, а может быть для лошади, иногда клали сено. Цена такому Ваньке в начале 1860-х годов была средняя 5 коп[еек], ухитрились съездить за гривну (3 коп[ейки] ⁷) и даже за (семик *) семаньник (2 к[опейки]), 7 копеек, была высокая плата и, давши такую плату, жаловались, что извозчик взял дорого, потом уже, год спустя нормальною платою (был *) стал гривенник ⁸. Правда, все то время жителей было мало, помещики, купцы и более важные чиновники держали своих лошадей, так что деревенских зимних извозчиков было сравнительно много и они сбивали цену, лишь бы прокормить зиму себя и лошадь, с другой стороны, может быть по тогдашней дешевизне это были и нормальные цены, я не знаю и не помню, да и не интересовался, конечно, тогда ценами, но помню отлично, что в половине 1870-х годов, примерно 1874–1876 гг., я сам покупал в Нижнем на базаре овес около 1 р[убль] 50 к[опеек] – 75 к[опеек] за четверть ⁹.

В 1862 году отец был назначен губернатором Муравьевым ¹⁰ старшим приставом I стана Нижегородского уезда, станова квартира была в с. Шелокше. Все (мы *) туда и переехали, кроме меня, я в учебное вре-

⁷ Алтын.

⁸ 10 копеек.

⁹ 1 четверть = 209,9 л.

¹⁰ Муравьев Александр Николаевич (1792–1863) – нижегородский военный губернатор (1856–1861).

мя жил, как писал выше, в Нижнем «на хлебах» у разных лиц ¹¹. Лето и все вакации, да даже многие праздники, а иногда и воскресенья, я проводил в Шелокше, она была всего в 33 верстах от Нижнего, а становой пристав распоряжался земскими стоечными лошадьми как ему угодно, как полновластный хозяин, и потому зимою накануне праздников посылались лошади, а после вечернего чая в праздник отправляли обратно.

Шелокша расположена на речке Шолокшанке, по другой стороне которой расселилась большая деревня Стан. Наша квартира была в барском доме гг. Барышниковых, дом стоял на горе, вокруг большой сад. Перед домом, под горою начиналось болото или скорее болотистый луг, по середине которого была поросшая тростником кочка, еле проходимое болото с кучами ольхового леса, в левую сторону от болота, по направлению к р. Кудьме ¹² и д. Старо-Ликневу, были громадные луга, по которым вилась речка Шолокшанка, образуя болотца, низины и т. п. удобные для дачи места.

По-видимому, охотничья отрасль у меня была в крови. Я не мог хладнокровно видеть, как против дома на луга и в елошник прилетали утки, как при ходьбе из-под ног вылетали бекасы, дупеля, около речки бегали кулички и т. п. Я надоедал отцу своею страстью, прося купить ружье и т. д. Отец боялся дать мне, тогда 12–13-летнему мальчику ружье, но приставил ко мне одного из своих десятников, некоего Захарова, Шелокшанского (охотника *) крестьянина, полицейская роль которого состояла в том, что он должен был доставлять к нашему столу дичь, для чего покупался ему отцом порох и дробь.

Захаров был прекрасной, поэтической натурой. Он жил один со своею матерью в чистом уютном домике, в котором и я бывал довольно часто. Он был холостой, хотя ему было не менее 30 лет, и, как я соображаю теперь, он был девственник. Все вакации я проводил с Захаровым, мы с ним колесили по всем окрестностям Шелокши, иногда, но редко, уходя верст (в 5 *) за 7 и даже более. У него было одноствольное ружьишко, пистонное, держал он его в исправности, при стрельбе страшно жадничал зарядами, если мы увидим выводок уток, то ждем, я за спиной его сижу, когда выводок сплывется так, чтобы побольше из него выбить, я, бывало, дрожу и шепчу – стреляй, стреляй, а он мне – подожди, вот сплывутся – и приходилось ждать долго или казалось, что долго, но вот грянет выстрел и несколько уток плавают вверх брюшками. Захаров быстро раздевается и за ними в воду, если глубоко и надо плавать, он за крылышки держит убитых в зубах и с ними плы-

¹¹ Это время учебы А.А. Садовского в гимназии.

¹² Кудьма – река в Нижегородской области, правый приток Волги.

вет. Собак у него не было, да при множестве дичи, пожалуй, ее и не надо, тем более, что мы охотились с ним только за утками. Мелкой дичи он не признавал, считал пустой тратой заряда, только утки и тетерева признавались за дичь, изредка ему удавалось, но всегда без толка, раннею весною или позднею осенью во время моих учебных занятий убивать диких гусей, а один раз он убил (даже *) пролетного лебедя, которого на Пасхе и съели за обедом. В зимнюю вакацию мы с ним ездили за тетеревами на розвальнях в одну лошадь верст за 5 в овраги, поросшие березняком. Там Захаров устраивал шалаш, а потом, когда и я начал стрелять, два шалаша. Выезжали еще темно, затемно приезжали на место, он расставлял около шалаша на березках чучела, сделанные из черного крестьянского сукна с нашитыми кумачными бровями, издали напоминающие тетерева, чучела эти насаживались на длинные шесты, которые приставлялись к березкам, и выходило, что будто бы на березках сидят стайка тетеревов. Когда начинало светать, прилетали тетерева, садились недалеко от чучела и мы их били. Помню, один раз мы шли к шалашам по снегу после сильной ночной метели и попали на тетеревов, ночевавших в снегу и засыпанных снегом, и вдруг у нас из-под ног с особым непередаваемым шумом выскакивали (из под ног *) тетерева и моментально улетали, а мы, разинувши рот, стояли и смотрели на них, тогда даже в голову не приходило, что можно в них стрелять, вообще стреляли только в сидячую птицу. Много тетеревов в шалашах не приходилось бить, но по два и по три штуки привозили. И как хороши были черные, глянцеваыте, большие птицы с красными бровями!

Конечно, в учебное время я только и бредил охотою и читал (только *) охотничьи книги Аксакова «Записки охотника», знал, кажется, наизусть. Завел особую большую тетрадь, в которую вписывал разные, казалось, полезные охотничьи сведения из Аксакова и других, как, например, из Вакселя ¹³, из какой-то старинной книги какого-то Жерара ¹⁴, написанной каким-то дубовым языком, и из других.

Когда мне 14-летнему мальчику разрешили стрелять и купили маленькое плохенькое ружьишко, я был на верху блаженства. Помню, выпросил денег на особый охотничий костюм; дали 5 руб. и я на них заказал себе у какого-то дешевого портного парусиновый костюм: уз-

¹³ Ваксель Лев Николаевич (1811–1885) – писатель, автор прекрасно написанной книги: Карманная книга для начинающих охотиться с ружьем и легавой собакой. СПб., 1856.

¹⁴ Жерар Жюль. Охота на львов. Биография Жюля Жерара, его письма, его рассказы о львиной охоте. С портретом Жюля Жерара / пер. с франц. М., 1859.

кие брюки на завязочках – завязывались пониже колен, и особую парусиновую же курточку. Сшил он мне должно быть из немоченой парусины, я был в восторге, но после первой же стирки все так сохлось, что костюмчик, к великому огорчению, пришлось бросить. Маленькое мое ружьишко было очень плохо, да и стрелок-то, конечно, волновался, поэтому успехи были очень слабые. Бегал за горлинками, за пугалицами, которые молодняк подпускали очень близко, шагов на 10 еще удавалось убивать, но дальше очень редко. Однажды стрелял в горлинок, сидевших на соломенной старой крыше какой-то бани, горлинок не убил, но из крыши повалил дым, ужасно испугался, думал, что поджег крышу, но к счастью оказалось, что это не дым, а пыль от старой соломенной крыши, необыкновенно похожий на дым. И, как всегда бывает, когда не надо было убивать, оно убивало. Однажды я видел, как три утки опустились на кочковатый выгон и сели у одной кочки. Заметив утку, начал к ней ползти, подполз довольно близко, смотрю – утинные головы, несколько штук, хорошенько нацелился, выстрелил, бегу и ужас, дикие улетели, а на месте трепыхаются три русские молодые утки, из коих одна белая. До такой степени растерялся, что белую начал затаптывать ногами в грязь, а двух серых принес все-таки домой и, конечно, был уличен, а на другой день, если не в этот, явился хозяин и отцу пришлось заплатить за моих уток. Было очень обидно и больно для моего охотничьего самолюбия.

После я достал щенка от охотничьих собак – не чистого сеттера – Марту. Была чрезвычайно умная и преданная собака, если бы ее как следует выдрессировать, она была бы отличная, но дрессировал я ее сам, неумело, горячась, и поэтому Марта далеко от меня ходила, была довольно непослушна и т. п. Но все-таки охота с нею была для меня истинным наслаждением. И сколько было тогда дичи около Шелокши! На выгоне между Шелокшей и Станом по обе стороны моста и гати были бекасы и дупеля, не говоря о разнообразных куликах – травники, черныши, песочники, курухтоны¹⁵ и т. д., осенью в камышах гаршнепы, весной по лугам к Кудьме множество пролетных уток, гуси, изредка лебеди, стаи красивых курухтонов в весеннем пере, журавлей, конечно, гусей, лебедей убивать не удалось, но Захаров умудрялся и иногда нас кормил и тем, и другим. Как-то один раз, уже перед переселением в Щербнику, я в зимнюю вакацию пошел на лыжах по речке вдоль по (тростникам *) тальникам и, Боже мой, какая пропасть зайцев выскакивала из тальников, у них были там норы в снегу, мы пробовали было ловить руками, но не удавалось. Для осушки лугов была прорыта

¹⁵ Вероятно, описка: правильно – турухтаны.

вдоль речки особая канава, в этой канаве, в которую отчасти перешла и речка, водились в огромном количестве раки. Любил ловить этих раков руками. Бывало, ходишь по речке против течения и где видишь ползучего рака или рачьи норы в берегу, запускаешь руку и вытаскиваешь его в корзину, иногда полавливали мы довольно много. Наше семейство, т. е. отец, мать и всегда жившая с нами сестра матери Мария Александровна ¹⁶, крестная мать моя и почти всех моих братьев, старая девушка, предобрейшая душа, всех нас чрезвычайно любившая и считавшая нашу семью своею, как и мы считали ее своею. Чрезвычайно любили летом ездить в лес собирать грибы, ягоды и ловить удочками рыбу в Кудьме. По праздникам, если погода не дождливая, всегда ездили на Кудьму, да и по будням, если приходил кто в гости, обыкновенно родственник из Нижнего или если урожаи грибов, ездили на Кудьму. Были построены для этого даже особые деревянные большие тройчатые ¹⁷ дроги, с подножками, самой простой работы. Посылалось за тройкой земских лошадей, которыми распоряжались как своими, запрягали в дроги и отправлялись на берег Кудьмы на излюбленное нами место у полуостровка. Лошади распрягались, их пускали на траву, вынимались привезенные закуски, кошмы ¹⁸, все складывалось к известной группе деревьев на берегу и до чая (самовар всегда брали с собою), кто искал грибов, кто удил рыбу или руками около берега таскал из нор раков, а иногда брали бредень и бродили, почти всегда сами тоже ловили рыбу. Нужно сказать, что рыбы было мало в реке, особенно плохо шла на удочку, бреднем же налавливали всегда на уху, часто очень мелкой рыбешки, но уха всегда казалась прекрасною. С реки или из лесу приходили на место, самовар был уже готов, с аппетитом пили чай, после чая обыкновенно на реке удили, а после попозднее, вынимались закуски, готовилась уха, пекли на угольях в костре грибы, рыбу, картофель, взрослые починали бутылочку с наливочкой, немножко хлебнуть по полрюмочки давали и нам, было весело, оживленно, всегда пели хорошие песни, не забывали и ямщика, он допивал после нас

¹⁶ Лихутина Марья Александровна (1831–1896).

¹⁷ При тройчатой упряжке одна лошадь – коренная (средняя) – идет в оглоблях под дугой, две других лошади – пристяжные (боковые) – прикрепляются постромками к вальку (короткому круглому бруску у передка повозки, предназначенному для прикрепления пристяжных лошадей постромками, в свою очередь присоединенному к ваге (поперечному бруску, предназначенному для распределения силы тяги между запряженными животными).

¹⁸ Кошма – войлочный ковер из овечьей или верблюжьей шерсти.

самовар, давали ему закусочку, подносили водки, и он, обыкновенно молодой парень, был тоже доволен. Всегда уже после заката солнца возвращались домой, утомленные, веселые, мы очень счастливые и уже загадывали о будущей поездке. Иногда вместо Кудьмы ездили за грибами далеко, верст за 8, за 10 и, бывало, и дальше, тут собирались с вечера, рано утром выезжали, и целый день ходили по лесу, у пристанища, конечно, пили чай, закусывали привезенными съестными и возвращались домой с огромными корзинами грибов, иногда даже брали кадочку и соль и набранные грибы – волжанки, белянки, тут же солили и везли в кадочке. Ездили еще в августе за орехами, но так как в первой половине августа нас уже отводили в гимназию, то мне за орехами ходить приходилось редко, да, по правде сказать, за орехами и за ягодами я ходить не любил, не люблю этого и до сих пор, очень уж скучно. Во время зимних вакаций были другие удовольствия, как я писал раньше, ездил за тетеревами, но довольно редко, почему-то часто не пускали, думали, вероятно, что простужусь. По утрам и в будние дни было удовольствие забраться в маслобойный завод, «маслину» к знакомому мужику, смотреть на его работу, а топом взять у него остатков какой-то пыли, посыпать ее недалеко от маслины на снегу и с ружьишком ждать, когда прилетят клевать эту труху воробьи; налетало воробьев и чечёток, особенно последних пропасть, все было усеяно птицами, и вот с замиранием сердца ждешь, когда соберется побольше, чтобы удачнее выстрелить, бывали случаи, что одним выстрелом убивали до 20 птичек. Тащишь их домой с радостью, их нам жарили на сковороде, маленькие, черненькие, они походили на жареные грибы, и все, кроме матери, ели их и похваливали, похваливали и охотника, который был в восторге, что удалось угодить всем, и мечтал уже о новом таком же подвиге. Только мать не ела воробьев и мелких птичек, она считала это за грех, на этом же основании она никогда не ела голубей, горлинок, не ела зайцев, потому что у них нет раздвоенных копыт, медведей и почему-то не ела лосей и оленей, хотя у них были раздвоенные копыта. Иногда занимался ловлею птиц чапками, кругом. Помню такой случай. Я ловил синиц кругом. Отец посоветовал положить в круг кусочки сала, будто бы синицы на сало летят очень хорошо. Дело было Великим постом, у меня в одном кармане была сальная свечка, а в другом крендель, захотевши закусить, я нечаянно вместо кренделя взял в рот и раскусил соленую свечку. Боже мой, какая гадость, от пены во рту, а главное от сального запаха, я долго не мог избавиться, и меня постоянно тошнило, с тех пор с салом уже не ловил, да на сало синицы и шли плохо. Около моих охотничьих мест на болоте, около села стояла курница Белкина. Это был положительно деревенский клуб, около курни-

цы всегда были мужики и с делом, и без дела и я любил тоже там бывать, передавались деревенские новости, разные слухи из внешнего мира, рассказывались анекдоты, Белкин иногда показывал фокус: лизал раскаленную до красна железную полоску, помню, однажды, какой-то парень пожелал сделать тоже и сильно обжег язык; помню, много рассказывалось случаев об ограблении в пути и вообще о разбоях, воровстве и т. п. Это была любимая тема и еще о земельных крестьянских делах.

Шелокша и несколько деревень около нее принадлежали Барышниковым, у которых были хорошие имения и в других губерниях. Про основателя этой фамилии ¹⁹ ходил в Шелокше среди духовенства и вообще деревенской интеллигенции такой слух. Он был маркигант ²⁰ в какой-то нашей армии во время войны с турками, был хороший честный маркигант, ему вообще доверяли. И будто бы какой-то полководец или генерал (называли Дибича, Паскевича и других ²¹), нажившись на войне, захотели полученные им деньги отправить домой к жене, он позвал Барышникова и поручил ему отвезти в его имение, к жене разное имущество и в том числе несколько бочек со спиртом, в которые были положены золотые монеты. Барышников отвез все посланное генералом, но бочонки его смутили, он догадался, в чем дело, достал золото и прикарманил себе. Дальнейшее обыкновенно: получил дворянство, купил деревень, а дети стали настоящими барамы, к ним и не подступиться. После смерти одного из Барышниковых Шелокша досталась его дочери, бывшей замужем за директором Александровского лицея Миллером ²². Миллер, кажется, был человек добрый и доброжелательный. Он хотел дать крестьянам большой надел и отдать всю землю, но крестьяне под влиянием ходивших среди них нелепых

¹⁹ Барышников Иван Сергеевич (1725–1784) к концу жизни на торговле хлебом составил состояние в четыре тысячи крепостных и полмиллиона рублей.

²⁰ Маркигант – мелочной торговец съестными припасами и предметами солдатского обихода, следующий за войском в походе, на маневрах и во время войны.

²¹ Часто называют С.Ф. Апраксина, который в 1757 г. был обвинен в измене и внезапно умер в ходе следствия. Это обстоятельство и сыграло главную роль в присвоении денег Барышниковым.

²² Миллер Николай Иванович (1809–1889) – генерал от инфантерии, директор Александровского лицея (1853–1877). От брака с дочерью надворного советника Марией Ивановной Барышниковой имел четырех сыновей и четырех дочерей.

слухов и кем-то пущенных и воспринявшего крестьянами убеждения, что барин никуда же не возьмет свою землю, не может взять, все равно она будет наша, потребовали так называемого нищенского надела. К чести Миллера и губернской администрации были приняты все меры, чтобы сломить упорство крестьян и дать им большой надел, когда не могли помочь убеждения, поставили к ним военную команду, но все равно крестьяне остались непреклонны и остались на нищенском наделе. Я сам застал все это, это было незадолго до назначения отца в Шелокшу, но хорошо помню разговоры об этом. Может быть, если бы не уговаривали, а напротив предложили крестьянам сам нищенский надел, крестьяне поступили бы наоборот. По крайней мере, я сам испытал подобное, когда служил в уделе в Ардатовском уезде, если мне хотелось провести какую-нибудь для крестьян меру, я предлагал им наоборот и этим достигал того, что они соглашались на то, что я хотел сделать, правда, это было на первых порах, а потом они разнюхали в чем дело и верили мне всюю.

После нищенского надела и военного постоя крестьяне, должно быть, сдали всю землю в аренду за недорогую цену, т.е. все, чем они и раньше пользовались, так как барщины в Шелокше не было, а крестьяне были на оброке. Через несколько лет возник острый вопрос о земле, должно быть о дальнейшей аренде ее; приезжал какой-то поверенный Миллера, шли долгие переговоры, все крестьяне волновались, говорили об этом, говорили и у нас, крестьяне опять уперлись, но были побеждены. Явился какой-то нижегородский чиновник, говорили, родственник шелоканских попов, и снял всю землю в аренду, вероятно, нашлись отдельные съемщики, я не знаю, но в результате аренда земли осталась опять за обществом, вероятно, чиновник ограничился тем, что сорвал с общества отступные. В то время, т. е. когда мы жили в Шелокше, до 1871 г. шелокшанские крестьяне жили хорошо, у них было много скота, много маслины, сenniцы на лугах были набиты сеном, а сenniц было множество, вообще было видно довольство. Потом, после смерти Миллера, имение разделилось между его детьми, дети были не столь богаты, конечно, начали выбирать из имения как можно больше и в 1890-х и 1900-х годах, когда я переехал в Нижний, особенно в 1900-х, Шелокша причислилась к бедным селениям. Помещики продавали и леса, и земли. Часть земли купил Крестьянский банк и образовал хуторские участки, которые купили на льготных условиях, почему-то не местные крестьяне, а хохлы из Киевской губернии, потом часть хохлов бросила свои хутора, но перешли они все-таки к пришлым, да если и к своим, то к особо сильным. В результате население увеличилось, а земли убавилось и стали жить хуже, беднеть и вместо более

или менее ровных, одинаково среднезажиточных (конечно, как всегда были бедняки неудачники, пропойцы, но в большинстве зажиточны, а очень богатых не было) появились и, с одной стороны, богатые кулаки, выжимавшие соки получше всяких помещиков, а с другой, все увеличивающаяся беднота, работающая на этих новых господ.

До отца становым приставом в Шелокше был Д.А. Демидов, обедневший потомок богатой фамилии Демидовых, отставной гусар, некогда разжалованный в рядовые, он был острослов, писал сатиры на нижегородское общество, был очень груб с мужиками и даже со своею семьей; вообще про него говорили много дурного, сам я его не видал ни разу, но, кажется, он был человек честный; очень помнил рассказы про его истязания над женою или над дочерью, теперь забыл, которые бросали на него дурную тень. Вероятно, за свою грубость и жестокость он и был уволен в отставку. Мой отец был прямая противоположность, он был человек чрезвычайно мягкий, добрый, к делу относился хорошо, делом не манкировал ²³, для низших старался и любил делать хорошее, и его все любили и память его в народе до сих пор, и память хорошая. Прошло 30 лет со времени его отставки, а приходится и теперь слышать от стариков – крестьян, помнивших его, прекрасные о нем отзывы. Он мне сам рассказывал, что при поступлении в Шелокшу, он решил жить на одно жалование и держался долго, но очень маленькое жалование – 600 руб. и необходимость дать образование детям, которых было шестеро, принудило его изменить своему слову, но он все-таки никогда не вымогал, не брал с виновных, а ограничивался тем, что принимал одни только благодарности, в то время в этом стану платили становому помещики и крестьяне благодарности провизией и деньгами и потому у нас были даровое мясо – баранина, рыба, водка и т. п., но денег никогда не было много, это я знаю хорошо, отец своих денежных дел от семьи не скрывал никогда и деньги у него были преимущественно от финансовых оборотов с покупкой и продажей земель, о которых скажу после.

В Шелокше были два попа, с которыми мы водили знакомство, был диакон, трое причетников ²⁴, эти были низшего ранга и к нам ходили только с крестом. Один поп (Земенецкий *) Зеленецкий сошел с ума и его потом посадили в сумасшедший дом, а место оставили за дочерью, которая нашла жениха семинариста Крылова, который всем нам очень нравился, как и его жена, к сожалению, впоследствии уже

²³ Манкировать – (фр. *manquer*), пренебрегать.

²⁴ Причетник – младший член причта церкви, иначе церковнослужитель.

немолодую женщиною она сошла с ума. Другой, которого почему-то звали поп Мишка, был о. Михаил Иорданский, садовод, любитель выпить, повеселиться, впоследствии спился и умер. К нему приезжали на вакации родственники семинаристы и академики, последний был крайне левого направления, особенно один, которого звали Аполлон: они часто бывали у нас и вели нескончаемые споры в самом что ни на есть либеральнейшем духе, нисколько не стесняясь должности отца, да и отец никогда их не стеснял в своих суждениях, вообще у нас на этот счет было совершенно свободно, видимо, никому не приходило в голову, что можно запрещать (или говорить*) высказывать свои мнения, убеждения. Прислушивался и я к этим разговорам, порицающим религию, самодержавную власть и т. д. и в силу ли резкости суждений или вследствие нашего домашнего уклада жизни, где все жили душа в душу и все друг другу верили и любили, но эти разговоры были мне противны, и я всегда был в думе сторонником тех, которые спорили с Аполлоном и К; хотя, конечно, этого не мог высказывать. Семинаристы были любители выпить и попеть песни, у нас всегда было им обильное угощение, (они к нам частенько заходили *) после которого начинались песни, летом они были нашими спутниками в поездках на Кудьму. Аполлон захаживал и в курницу Белкина и там говорил, но успеха не имел. Белкин и крестьяне относились к нему как-то пренебрежительно и недоверчиво. Диакон был древний старик, пивший запоем, в запоях он доходил до белой горячки и горячивший бред принимал за бесовские наваждения, с необыкновенным интересом и даже страхом слушали мы его рассказы, как бесы под разными образами заводили его в глухие места и как один раз в зимнюю ночь он очнулся в лесу Круглом, верстах в 5 от Шелокши. Замечателен он был еще тем, что по его часам проверяли свои часы шелокшинские обыватели, диакон вставал с петухами и выжидал восхода солнца чуть ли не на колокольне, по восходившему солнцу и по календарю он ставил свои часы, говорили, что у него были замечательно верные часы.

Причетники – Охлой, Тигрыч и (Григорий *) Алексей Иванович – были люди совсем низшего ранга, они не осмеливались даже сесть на стул, когда приходили с крестом, ждали для этого приглашения. Все они были люди недалекие, скажу даже глупые, (их выгнали *) вероятно, их исключили за малоуспешность из семинаристов. Охлой, как его звали в действительности, не знаю, был здоровый малый, лет под 50, с большим красным носом, большими глазами и большой любитель выпить. Однажды он ездил в Нижний в консисторию и дорогою в пьяном виде потерял бумаги, которые должен был доставить в консисторию. Об этом, конечно, узналось в селе и крестьянские парни сочинили про

Охлюя песню с припевом после каждого двустушия: «Это правда, это правда, это правдушка была». Песня длинная, в ней говорилось о поездке Охлюя, о потере им метров (т. е. метрики) и о встрече его после приезда женою, которую он побаивался, и которая держала его в строгости. Я помню только два куплета: как Охлюей плачется: «Мои метры разнесли буйны ветры» и 2) по приезде домой: «Охлюица тут выходит и таки речи ведет», после каждого, как я уже сказал, был припев: это правда и т. д. Кончалось, кажется, потасовкой, которую Охлюица задавала Охлюю. Парни, сочинившие песню и положившие ее на голос, иногда по вечерам собирались недалеко от дома Охлюя и хором ее пели. Это выводило Охлюя из себя, он выбегал чуть ли не с поленом или с колом, но парни с хохотом убегали, и Охлюей никого не мог поймать, и так бывало довольно часто, по праздникам, конечно. Охлюей и отцу жаловался, но из жалоб ничего, разумеется, не выходило. В то время должно быть в Шелокше был какой-нибудь сочинитель.

Помню жалобу какого-то крестьянина раскольника на парней, распевавших под его окнами с тем же припевом «это правда», помню о том, как этот раскольник «вкруг плетюшки венчался». Песня тоже была длинная и я ее тоже забыл. Жалоба была принята отцом очень холодно, так как и отец, и мать, особенно мать, были искренно преданы церкви, отступлений не любили. Песню эту парни распевали тоже безнаказанно. У Охлюя был сын, такой же глупый, как он, такой же любитель выпить, но знаток и любитель кур и бойцовых гусей, обладавший прекрасным голосом. Очень рано его голос был замечен Архиереем, и он молодым получил место диакона в Нижнем или в собор, или в крестовой; будто бы в соборе, но спился, запутался с барынями, и в конце концов который-то Архиерей должен был его из Нижнего убрать, его перевели в Ардатов, в собор, я там его помню, совершенно больного, песни не поющего, без голоса (но большого любителя породистых кур *), в Ардатове он тоже завел породистых кур и это было его уже единственное утешение. Кстати, о гусиных боях. Как-то гимназистом я случайно попал на эти бои. Они происходили в Кремле, у кремлевской стены около Коромысловой башни, тогда Кремль не поделили еще и загородок в нем не было. Дело происходило Великим постом. Было довольно публики, но публики, по-видимому, заинтересованной и держащей заклады, публика была самая разношерстная: и духовные, и купцы, и мещане. Гуси топтались на одном месте, держа друг друга клювами за крылья, и как-то наступали один на другого, в общем, очень скучно и неинтересно. Впоследствии я видал один раз такой же бой в Ардатове на Ильинской площади и говорили, что под него дер-

жали большие заклады и что за хорошего бойцового гуся платили до 100 рублей. Может быть, и правда.

Дьячок Охлюй пел на правом клиросе басам, громко и его мужики за его голос очень любили. Я по праздникам и в Страстную неделю, когда говел, обыкновенно забирался на этот клирос, там можно было в уголку и посидеть, и, главное, еще почитать какие-нибудь священные книги, что разнообразило необыкновенно скучное стояние. Охлюй в промежутках службы любил набивать свой нос табаком, но потихоньку от мужиков, которые, в общем, придерживались старинки и не терпели табачников. Охлюй вынимал большой рожок с нюхательным табаком, прикладывал большой палец левой руки к указательному, на образовавшуюся площадку насыпал огромную порцию табаку, затем подносил к носу, правую рукою закрывал одну ноздрю, а другою ноздрю втягивал в нос табак, если оставалось, он зажимал ту ноздрю, которой втягивал раньше и нюхал другою ноздрю; нюханье это в продолжение службы бывало несколько раз.

Другой дьячок Тигрыч был противоположность Охлюю. Маленького роста, довольно полноватый, рыженький с проседью, с мелкими чертами лица, он пел каким-то диким дисконтом. Над пением его смеялись все, да и вообще и над ним смеялись, и был он действительно смешной, смешной должно быть от рождения. К нему все мужики относились благосклонно, как-то свысока. Он был человек трезвый, напивался только по великим праздникам и тогда бывал еще смешнее. У него была умная жена и много детей, одна из его дочерей Ольга служила у нас горничной и потом вышла замуж за отцовского письмоводителя П.Н. Гридинского, тоже народила много детей и старший из них Я.П. Гридинский впоследствии был земским врачом в Нижегородском уезде.

Третий дьячок был (Григорий или Григорьич, теперь забыл, вероятно, Григорьич. Григорьич *) Алексей Иванович. Он жил в хорошеньком небольшом домике с женою и, кажется, двумя дочерьми. Был человек серьезный, строгого взгляда, кажется не пьющий, с большой бородою, в противоположность первым двум, одевался довольно чисто; говорили про него, что у него есть деньги и что он не нуждался, его вообще не любили, но уважали.

(Григорьич *) Алексей Иванович когда-то крестил какого-то еврейского мальчика, которого отдали учиться в Нижний в военное кантонистское училище. Перед (вып *) окончанием курса (Григорьич *) Ал[ексей] И[ванович] взял его на лето в Шелокшу. Еврейчик был уже взрослым, вероятно, лет 18–20, скверной наружности, постоянно ходил в церковь и необыкновенно истово молился, клал земные поклоны, а при присных сгибался наполовину. Этим он заслужил особенное благово-

ление моей матери, которая любила таких людей, указывала на них как на примерных и, конечно, в большинстве случаев жестоко ошибалась, но это не исправляло ее и так до самой смерти до 91-го года, всякие ханжи-богомольцы умели ее провести.

Начались о кантонисте разговоры, какой религиозный, какой почтительный (надо сказать, что кантонист везде, и в церкви и на улице отвешивал отцу и матери поясные поклоны, становясь чуть ли не во фронт), какой бедный и т. д. надо ему помочь, ты бы, Яков Алексеевич, взял к себе в канцелярию, все-таки заработал бы, ему деньги надо и т. п. Кантониста взяли в канцелярию помогать писцам. Как он работал, что работал, не знаю, так как по летам больше занимался охотой, но, конечно, кантонист заработал сколько-нибудь. После этого он окончил курс и его послали в прибалтийские губернии в какой-то полк и военную часть чем-то вроде писаря. Оттуда он стал писать отцу и матери удивительно умильные и жалобные письма, много писал о своем бедственном состоянии вследствие недостатка денег и (что *) жаловался на (Григорьича *) Ал[ексея] И[вановича], что он не выплатил ему денег, что он, как крестный отец, должен бы делать. Письма эти имели действие, и отец высылал по ним 2–3 рубля, а может быть и больше. За высланные деньги следовали новые письма с выражением благодарности, в письмах приводились соответственные его горестному состоянию стихи, они обильно уснащались разными восклицательными знаками, многоточиями, словом это были надежды своего рода; письма эти теперь хранятся у меня и их следовало бы когда-нибудь напечатать. В одном из писем он писал, что он отрекся от (Григорьича *) Ал[ексея] И[ванов]ича, который забыл его, не высылает ему ничего, что он бросает его фамилию Твердовского, которую носил, и отныне принимает фамилию Садовский, в честь нему. Должно быть, он действительно переменил фамилию, потому что деньги и письма отец высылал ему по новой его фамилии. Так продолжалось не один год, может быть два-три года, в конце все-таки его слащавые и приторные письма впечатления не производили, а отец относился к ним даже брезгливо и переписка поддерживалась по настоянию матери. В один прекрасный день получилось от нового Садовского большое письмо с восклицательными знаками, многоточиями и т. п., пишет, что ему доверили получать по талону в казначействе 20 рублей, а он талон потерял и что теперь он должен уплатить эти деньги из собственных, а их у него нет, его засудят, сошлют и т. д., остается одно – пустить пулю в лоб, если Вы не поможете, не вышлите и т. д. Прочитавши письмо, отец сразу сообразил, что все ложь, что талон не деньги, что если потерял талон, то беда не велика, за это судить не будут, а дадут новый та-

лон. (Это все он написал *). В этом духе он написал письмо новому Садовскому, вероятно, разругал его как следует, потому что на это письмо С[адовский] прислал ответ, в котором сознался в своем обмане, просит простить, не забывать его и т. д. Это письмо и все последующие остались без ответа, на это отец покончил переписку. Интересно, что после перемены фамилии в своих письмах он называл моих отца и мать драгоценнейшими родителями.

В начале нашей жизни в Шелокше туда приехала и жила некоторое время во флигеле нашего дома партия таксаторов²⁵. Тогда, в виду необходимости для выдела наделов иметь большое число землемеров, были организованы при Нижегородской гимназии таксаторские классы, из которых выпускали землемеров-таксаторов. Принимали и гимназистов, даже учившихся еще и вышедших из которых-то классов учеников всяких заведений, были бывшие чиновники, говорили в гимназии, что был даже один лавочник. Таксаторы, не знаю все или некоторые, получали казенные стипендии, что-то рублей 10 или 12. Учились они, должно быть, зиму, а лето проводили на практике, после чего им давался аттестат. Вот такая-то партия под руководством землемера Чумичёва и приехала в Шелокшу. Почему-то и я бывал у них в квартире. И наслушался же я у них разговоров. Это было, вероятно, в 1864 году, когда мне было 13–14 лет. Чумичёв – черный, лохматый мужчина, грязно одетый был яркого нигилистического направления в худшем смысле его. Ученики ему подражали. Ругание Бога, Царя, было на первом месте и задавал это Чумичёв, затем рассказывание похабных анекдотов, в которых все называется своими именами; бывало, краснеешь, а слушаешь, все-таки хочется слушать, и я теперь удивляюсь как все это шло мимо меня, не затрагивая, не возбуждая ум и сердце.

Конечно, естественные науки были на первом плане. Соображаю теперь, что и сам Чумичёв и его ученики были люди не образованные, начитавшиеся популярных книжонок и нахватавшиеся верхов, но обо всем они очень хлестко рассуждали, особенно по религиозным вопросам, о чудесах и т. п., это были отрицатели всего. Потом в жизни мне приходилось встречаться с некоторыми из них, и это были самые обыкновенные провинциальные люди с обывательским мировоззрением, ничем не отличающиеся от массы чиновничества, мелкого чиновничества. Должно быть, прежний налет с них скоро и бесследно сошел.

Между прочим, как нигде была мода – они ловили и резали лягушек и производили с ними разные опыты, вообще тогда опыты с ля-

²⁵ Таксатор – оценщик; преимущественно леса, по стоимости деревьев.

гушками производились часто, я уже позабыл сущность их, но распластанных лягушек, над ногами которых что-то делалось, помню хорошо.

В одно прекрасное время Чумичёв завел разговор о русских предрассудках и указал, например, что русские, например, не едят лягушек, а между тем это очень вкусное кушанье и во Франции в большом ходу. Это было подхвачено и на другой день наши таксаторы отправились в болото против дома ловить лягушек. Лягушек там было много, пойманным отрезали задние ноги и клали их в корзинку, а туловище бросали, набрали этих ног довольно много, но ели ли, не знаю, сам я не видал, вероятно, наши узнали о ловле и зачем она делается и не пустили меня, чтобы я как-нибудь опоганился. У нас вообще было очень строго на счет опоганивания и если, наприм[ер], мышь или крыса попадали в какую-нибудь провизию, масло, мед и т. п., то, если провизии мало, ее выкидывали, а если много, святили святою водою и чуть ли не приглашали попа.

Около этого же времени в Нижнем распространился слух, что на Благовещеньев день Нижний и его окрестности на 30 верст провалятся в землю. Слуху этому простой народ верил, да и у нас женская половина скорее верила, чем не верила, а накануне Благовещенья мать и ее сестры, всегда жившие у нас Мария Александровна и недавно поселившаяся в Шелокше, во флигеле, с двумя детьми Екатерина Александровна ²⁶, перед спаньем простились друг с другом, может быть, де в последний раз. Это случилось на пасхальной вакации, когда приехали из Нижнего я и брат Илья. Квартирка у нас была маленькая – 5 комнат и брата Илью положили спать на диване в столовой, а перед диваном стоял обеденный стол, в ящике которого хранились ножи, вилки, ложки. Столовая отгораживалась занавеской, за которою спали отец и мать. Надо же так случиться, что брат Илья именно в эту ночь, разоспавшись, уронил стол на пол, ящик из стола вывалился, ложки, вилки полетели на пол, произвели страшный шум. Мать в испуге просыпается, кричит, пробуждается отец, тетка М[ария] А[лександровна], нянька моя, все, кроме отца, в полной уверенности, что начинается землетрясение и провал, начались молитвенные возгласы, а виновник преспокойно продолжает спать на полу. Много после (этого *) было хохота, когда вспоминали этот случай и долго о нем рассказывали.

Но все-таки народ не успокоился, должно быть очень понравилась идея о провале. Стали говорить, что провал произойдет в течение лета, непременно произойдет, и что Шелокша непременно провалится,

²⁶ Екатерина Александровна, в замужестве Пальмова.

так как она, хотя по большой дороге 33, но по прямому направлению она менее 30 верст от Нижнего.

И тут случилась смешная история с теткой Екатер[иной] Александр[овной] и с приехавшей погостить подругой детства матери Марьей Алексеевной, урожденной Олениной. Обе они, безусловно, верили в возможность провала.

Наша усадьба была расположена на полугоре. Вверху на горе были службы, от них до дома большой двор, замыкавшийся в полугоре домом и флигелями. Отец приехал из уезда, его тарантас (по об оставили *) не поставили почему-то в каретник, а оставили на дворе вверху около службы, как раз напротив флигелька, в котором жила Е[катерина] А[лександровна], вероятно, отец приехал ночью или вечером и потому тарантас и остался на дворе до утра. Тарантас поставили не боком по полугоре, а прямо и под колеса не подложили ничего. Ночью, когда все спали, тарантас почему-то сдвинулся с места, поехал чем дальше, тем быстрее, и, раскатившись, со всего маха передком ударил во флигель и как раз в ту сторону, у которой спали Е[катерина] А[лександровна] и ее гостя. Удар был сильный, громкий. Она сразу проснулась, сразу подумали – начинается. В одних рубашках бросились за восковыми свечами, затеплили их, разбудили детей и стали молиться Богу на последнем конце своей жизни. Молились, но, однако, провала нет, все по-старому, потихоньку выглянули и поняли в чем дело. Конечно, опять хохот и рассказы всем об этом новом приключении.

Я выше говорил о хождении моем в церковь. Мать, которая самостоятельно распоряжалась домом, отец устранил себя от этого, требовала непрерывного хождения в церковь по всем праздникам и, конечно, самого строгого говенья в Великий пост. И вот нас заставляли ходить к самому началу церковных служб, смотрели, как мы стоим, не шалим ли, не оглядываемся ли по сторонам и т. п., в посты заставляли поститься. В результате понятие о церкви смешалось с понятием о какой-то пытке что ли и поэтому, вставши на свои ноги, я, да и братья мои, остались совершенно равнодушными к церкви, конечно, к формальной церкви, к ее службам; меня даже не тянет и не тянуло в церковь, иногда, кажется, сходил бы, а как вспомнишь старину и не пойдешь. Может быть и то, что у меня нет музыкального слуха и церковные напевы меня не трогают; думаю все-таки, что равнодушие происходит от принудительного хождения в церковь в молодости; своих детей я не заставлял ходить, их заставляло ученическое начальство, и как они относятся к церкви, я, к стыду своему, не знаю.

Зимой были свои удовольствия. Охота отходила на задний план, отчасти может быть и потому, что не было подходящего костюма, а в

гимназическом пальто неудобно, только и было поездки за тетеревами и сиденье в масле на воробьев; после перед отъездом из Шелокши, когда мне сшили дубленый полушубок стал и зимою ходить с ружьем, но все-таки мало. Маленькое ружьишко сменила так называемая безводнинская одностволка, потому что она была куплена в Безводном. Это было настоящее ружье и било довольно хорошо, его сменила купленная у какого-то мужика тульская двустволка Неверова, скоро сломавшаяся, после нее я купил у некоего Смыльского бельгийское двухствольное ружье за 17 руб., которое было довольно порядочное, с ним я долго охотился. Я немного отвлекся.

Зимние удовольствия резко разделялись на рождественские и масленичные. Рождественские были лучше, потому что они были дольше и потому что были разнообразнее. До самого Крещенского сочельника со второго дня Рождества ходили по вечерам ряженые, а к нам ходили и мы ходили, конечно, чаще к нам, днем были катанья с гор, т. е. с нашей горы на салазках, ледянках, скамейках и т. п., позднее к этому прибавился домашний ералаш или преферанс, играми этими необыкновенно увлекались, играли и отец, и Марья Александровна, и кто-нибудь из родственников гостей, а также я, а потом и брат. Игра была безденежная, но, тем не менее, она чрезвычайно всех увлекала, по праздникам садились с утра, после утреннего чая играли до обеда, а если никого чужих не было, то и вечером. Игры вызывали протесты матери, особенно игры перед праздниками – беса празднуете, но протесты эти оставались только протестами, не играли только во время великопостного говенья.

Зимний вечер начинался рано, часам к 6 приходили гости из местных кто-нибудь, из попов с семействами и с приезжими семинаристами, затем на вакациях почти всегда были гости какие-нибудь родственники из Нижнего, наконец, жившие с нами две тетки (гувернантка, а потом сменивший гувернер *), учитель младших детей – тоже семинарист, иногда жена отцовского письмоводителя Филиппа Прокофьевича Гусева Авдотья Нефедьевна, и так составлялась большая компания. Пили чай с вареньем и медом, после которого немного спустя начинались песни и игры. Песни пели хоровые, не хоровые пелись редко. Пели: «Ездил белый русский царь», «Хуторочек», «Талисман», «Вдоль по речке по Казанке», «Пойдемте, братцы, в лес за охотой», «Лен, мой лен», «Ах ты, батюшка, Сидор Поликарпович», «Как яблочко румян», «Глазки», «В полдневный жар в долине Дагестана», «Леший», «Стонет сизый голубочек», «Среди долины ровныя», «Кончен, кончен дальний путь», «Гусар, на саблю опираясь», «Вор воробей», «Что сердце устрашало», «Было дело под Полтавой», «Не белы снежки» и много других, которых теперь и не припомнишь. Во время пения

подавался десерт: на подносе пряники, орехи, конфеты, все это дешевое, варенья, смоквы либо моченые яблоки. Особо на стол устраивалась закуска: выставлялась водка и домашние наливки, при них тарелки с солеными и маринованными грибами с провесною своею ветчиною, иногда селедка, какая-нибудь рыбка часто сушеные дома леши и т. п. свое и дешевое. Прикладывались к бутылочкам часто, барыни уходили в другую комнату и там тоже потихоньку выпивали; все это знали, над этим посмеивались, все были свои, но, тем не менее, этикет требовал и ему подчинялись. Наконец, затевались игры, в которых и мы маленько принимали участие. Играли в веревочку, в рублик, в Адама и Еву, в Муфтия, в жгуты, в какую-то игру с горящими лучиками, название ее позабыл, в свои соседи и в другие, в некоторых играх брались фанты, которые потом разыгрывались особо. Было всегда шумно и весело, все веселились от души и ничто не омрачало. Около 12 ч. ночи ужин, что-нибудь домашнее – жареная баранина или телятина и расходились все спать.

Очень разнообразили ряженные. У нас чуть не каждый день были ряженные; обязательно рядились мы маленькие, потом рядились старшие, приходили ряженные писаря, сотские, семинаристы, деревенские парни. Всех встречали, никому не было отказа и обыкновенно чужим ряженным подносили по рюмочке, по две водки, чтобы «не хромали». Деревенские парни разыгрывали зимние комедии. У них были костюмы, вероятно, переходившие из поколения в поколение. Приходили перепоясанные какими-то особыми широкими лентами, с эполетами на плечах, с саблями без ножен в руках.

Начинали часто, часто ходить по комнате человека три-четыре, потом один останавливался и (испрашивает *) говорит: «Приведите ко мне непокорного и непослушного сына моего Адольфа». Приводят. Вопрос: «Веруешь ли нашим богам?» Ответ: «Ваши боги нам под ноги». Затем приказанье: «Срубить эту голову по самую бороду». Срубают, т. е. делают вид, что срубают, тело Адольфа валяется на полу. Царь подходит к нему, тычет ногою и говорит: «Убрать это тело, чтобы на сей земле не тлело». Вот собственно все, что я помню из этой пьесы – «Царь Максимилиан»²⁷. Она, конечно, не такая короткая, там есть

²⁷ Записано в Даниловском уезде Ярославской губернии на заводе Понизовкина в 1890 г. крестьянином Г.С. Чистяковым для Н.Н. Виноградова. Впервые опубликовано: Виноградов Н.Н. Народная драма Царь Максимилиан / Тексты, собранные и приготовленные к печати Н.Н. Виноградовым. С предисл. акад. А.И. Соболевского // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. Т. 90. № 7. СПб., 1914. С. 97–166.

диалоги, которые я забыл, только одно приведенное почему-то запало в память.

Потом представлялось нечто комическое, «Барин и мужик». Барин спрашивает мужика о своем хозяйстве и получает смехотворные ответы, которыми и довольствуется, вероятно, в деревенских избах этому много смеялись, да и у нас смеялись. Вопросов было много, помню некоторые, напр[имер], вопросы об урожаях. Барин спрашивает, какой урожай, сколько снопов. Мужик отвечает: колос от колоса не слышать человеческого голоса, сноп от снопа целая верста, барин это выслушивает и одобрительно кивает головой, видимо, не помня сущности ответов и т. д. Потом тут же был медведь в вывороченной шубе, его водил повадильщик, ни где еще ручные медведи, водимые по деревням татарами, были всеми памятны и памятны присловия повадильщиков, обращенные к медведям, медведи показывали, как ребята горох воровали, как парни за девками ухаживают и т. п. И здесь было то же самое, только присловия были более смешные. Был и здесь, одетый тоже в вывороченный полушубок, таким образом, что если его уронить, то он без посторонней помощи ни за что не встанет, и было большое удовольствие незаметно подойти к гостю, толкнуть его и смотреть, как он барахтается на полу. Конечно, были и разные скомоорохи с кудельными волосами. С удовольствием бы теперь посмотрел на все это. Один год, когда сестрам наняли гувернантку, у нас устроился на святках свой театр. Разыгрывали какую-то детскую пьеску «Бес-смертный Кощей», довольно глупую, один из семинаристов был суфлером, а мы артистами. Отгородили простынями часть залы, и образовалась сцена. Публики набралось много. Как разыграли, не знаю, едва ли хорошо, но, тем не менее, всем понравилось, нас, конечно, вызывали, хлопали и т. д. Когда приезжали какие-то гости, не видавшие еще нашего лицедейства, нас заставляли повторять пьесу, что мы охотно исполняли. Тем не менее, театральные представления у нас как-то не привились.

См. также: Берков П.Н. Русская народная драма XVII–XX веков: Тексты пьес и описания представлений / ред., вступ. ст. и коммент. П.Н. Беркова. М., 1953. С. 199–251; Народный театр / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А.Ф. Некрыловой, Н.И. Савушкиной. М., 1991. (Б-ка русского фольклора; Т. 10). С. 151–204. Комментарий С. 504–505. Время создания часто относят к петровскому времени, например, И.Л. Щеглов-Леонтьев высказал предположение, что в пьесе в замаскированном виде изображены отношения Петра I и его сына Алексея [Щеглов И. Еще о народном театре // Русское обозрение. 1894. № 11. С. 203; Он же. Народный театр в очерках и картинках. 3-е изд. СПб., 1902. С. 138–139].

Под конец нашей жизни в Шелокше, когда мне было около 20 лет, а брату 15, мы и еще двоюродный брат такого же возраста любили похаживать на посиделки, устраиваемые деревенскими девушками, здесь тоже пели песни, но более всего любили играть в игры с поцелуями, чуть не сотню раз перецелуешь деревенских красавиц, к которым мы были, конечно, не равнодушны, не равнодушны были и они к нам, но, тем не менее, все ограничивалось только одними поцелуями.

Забыл сказать, что кроме песен и игр были еще танцы, танцевали кадрили, лянсье²⁸ и легкие: вальс, польку, польку-мазурку и галоп²⁹, танцевали под гармонию и потом под орган, стоявший в зале, ручку которого вертели кто-нибудь из прислуги. Кроме танцев были игры на манер танцев: Во саду ли, в огороде, Александровска береза и т. п., оканчивавшаяся поцелуями.

Масленичные удовольствия состояли в невозможном обеде и в катании на лошадах, катания начинались сейчас же после блинов и обыкновенно продолжались до вечера, вечера же проводили таким же порядком, как и на святках, только без ржженных.

Блины начинались рано, часов около 12. К блинам подавалось масло, сметана, икра, семга, разные рыбки, желтки от свежих яиц и т. п. Ели истово, помногу, с разными закусками, сперва простые гречневые, потом со снятками, (когда *) иногда гости, обильно угощавшиеся за блинами водками и наливками, сами бегали в кухню через двор, чтобы им испекли блин по их вкусу, поджаристый, румяный и с триумфом приносили его на своей тарелке в столовую. Когда наедались этими блинами, подавались блины красные, потом молочные. После блинов подавались жареная рыба, заливные из рыбы; сладкое – кисели или что другое, и выходили из-за стола наевшиеся до отвала, сильно выпившие, только и оставалось катанье, чтобы поправиться. После катанья пили чай, а потом принимались за вечернее пированье.

Более скромно проходили пасхальные вакации. Строгий пост на Страстной неделе и неуклонное хождение ко всем службам, даже заутреням, редко, редко удавалось на денек-другой уйти в лес на охоту и там ночевать и только тогда, когда был в старших классах. Говенье страшно утомляло, деревенские службы все чрезвычайно продолжительные, без выпусков, попы боялись что-нибудь выпустить, так как мужики прихожане отлично знали службу и за сокращения высказывали попам. Самое село и Стан – большие селения, и в них было мало

²⁸ Лянсье – танец, вид кадрили.

²⁹ Галоп – европейский танец, пик популярности которого пришелся на первую половину XIX в.

раскольников, в церковь ходило народа много, бабы стояли по одной стороне, а мужики по другой, стояли близко друг к другу, хотя храм был большой и пройти к амвону в праздник было трудно, мужики и бабы ходили в русских костюмах, ни спинжаков, ни кофт еще не знали, ходили в поддевах, полушубках, сарафанах, мужики большинство еще носили шляпы и выстригали макушку головы.

В день причастия, по приходу из церкви, все ложились спать и спали до обеда, точно также ложились спать и в первый день Пасхи, на Пасхе катали яйца, гуляли, любили ходить к мосту смотреть разлив. При разговенье, конечно, выпивали, приходили гости, иногда устраивались песни, игры. Отец делами занимался сам и занимался много, но всего не успевал, приходилось держать письмоводителя, иногда держали и двух, второй был какой-нибудь плохонький. Помню первого, которого звали Макарыч. Макарыч франтовато одевался, носил приличный костюм и сверху надевал какую-то разлетающуюся, похожую на крылатку, а на голове круглую модную шапочку, называвшуюся гарибальдской. Он был жулик и отец его скоро выгнал, между прочим, он шантажировал моего дядюшку Илью Александровича Лихутина, что какая-то баба хочет подать на него жалобу в покушении на изнасилование, И[лья] А[лександрович] сдуру откупался и платил Макарычу какие-то деньги.

Очень долго, до выхода в отставку, служил Филипп Прокофьевич Гусев, он был родственником, каким-то очень дальним по бабушке с материнской стороны, которая была из крестьянок. Ф[илипп] П[рокофьевич] знал дело, но зашибался водкой, его из-за водки и выгоняли, и ругали, и одно время выгнали совсем, так что несколько месяцев был другой письмоводитель, а потом его снова взяли. Я не знаю, сколько получал письмоводитель, вероятно, рублей 15, кроме того, у него были доходы от писания просьб и от сельских ярмарок, там он писал расписки на продажных лошадей и за это получал по какой-то таксе 1 коп. с рубля. Ф[илипп] П[рокофьевич] был свой человек, что называется. С утра до вечера корпел он над бумагами в канцелярии, разбираясь в них довольно легко, я часто бывал в канцелярии, видел и писарей, и просителей и не замечал ничего, чтобы указывало на лихоимство или на взяточничество Ф[илиппа] П[рокофьевича], может ему перепали какие-то благодарности, не знаю, возможно, но прожил он у нас более 10 лет и ушел таким же бедняком, как пришел, после отставки отца он служил волостным писарем, а потом урядником, его вдова и дочь очень бедствовали и я изредка им давал по несколько рублей. Ф[илипп] П[рокофьевич] был рыболов, любил сидеть с удочками на Кудьме, но рыболов не удачный, редко что выуживал. Помню

еще случай кладоисканья. Разнесся слух, что по дороге в д. Каменищи в болоте стал светиться какой-то огонек, посветится, а потом потухнет, а потом опять. Непременно клад, сам дается в руки. И вот в одну ночь Ф[илипп] П[рокофьевич] захотел поискать клад, сделаться богатым человеком, взял у меня кавказский кинжалчик, который я потом едва выручил, и отправился в 12-м часу ночи на место. Что он там делал, не знаю, но никакого клада, конечно, не нашел.

На зимних вакациях шло у отца составление статистических сведений по Стану. Все волостные правления представляли статистические сведения о народонаселении по возрасту, исповеданию и т. д., о количестве имеющегося скота и какого, о заводах, заведениях и т. д., и т. д. Словом, самые наиподробнее сведения, которые отцом должны сводиться в сии ведомости. Работа спешная, которая затруднялась еще тем, что волостные правления немилосердно ввали в цифрах и, кроме того, по сравнению с предыдущими годами и действительностью, иногда показывали прямо невозможные цифры. К этой работе привлекали и меня, и вот мы все усиленно, долго, внимательно работали, и часто итоги у нас не сходились, тогда Ф[илипп] П[рокофьевич], ничего же сумняшася, прибавлял или убавлял где-нибудь каких-нибудь лошадей, овец и т. п. или переводил людей из одного возраста в другой и вообще делал разные «исправления», словом, делал то, что и теперь делают ученые земские статистики, таблицы, которые по верности ничем не отличаются от таблиц Ф[илиппа] П[рокофьевича], разница в том, что статистика Ф[илиппа] П[рокофьевича] стоила гроши, а статистика земская десятки тысяч рублей. Одно время, должно быть вторым писцом, был отставной чиновник Ив[ан] Иван[ович] Гридинский, высокий, худой, бритый, седой старик, тип прежнего подьячего, пивший запоем, он был недолго, его отец скоро прогнал. Иван Иванович любил рассказывать, как к нему явились черти, как он с ними разговаривал, гулял и т. п. Он вполне верил в действительность того, что ему представилось во время припадков белой горячки. Рассказы были удивительные, можно сказать увлекательные. Я был тогда еще совсем мальчиком и верил всему. Затем служил еще брат его Петр Иванович. Сын священника, он спился с круга и нанялся рекрутом за какого-то богатого крестьянина, прослужил лет 15 солдатом, вышел в отставку и поступил к нам. Страшный нелюдим, ни с кем не разговаривавший, он был страстным охотником до собирания грибов и все летнее время свободное время проводил за этим. Он женился на нашей горничной Ольге, дочери Тигрыча, и отец устроил его волостным писарем в Щербинке. Он имел слабость запивать, но после одного сердечного припадка вовсе бросил эту привычку и умер стариком.

Публ. по: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 4. Д. 31. Л. 119 – 136 об.

«Стойкость, преданность дорогой родине и молодой свободе всех солдат полков дивизии не имеет границ»:

нижегородские воинские подразделения в период
летнего наступления 1917 года

В.П. Сапон

В годы Первой мировой войны нижегородцы проходили службу в самых разных воинских соединениях, как на Восточноевропейском театре военных действий, так и на Кавказском фронте. В боевых действиях против германских и австрийских войск приняли участие части, в мирное время составлявшие Нижегородский гарнизон: 10-я артиллерийская бригада, а также пехотные 37-й Екатеринбургский и 38-й Тобольский полки, вошедшие в состав 10-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса 5-й армии. Нижегородцы служили и в десятках других подразделений, в том числе в ряде гвардейских полков (в частности, в лейб-гвардии Преображенском, Семеновском и Павловском). Немало нижегородцев выполняли свой патриотический долг в качестве военных врачей, медсестер и санитаров [подробнее см.: 1; 2; 3; 4; 5].

Уже осенью 1914 г. нижегородцы узнали о первых боевых подвигах земляков. Например, 12 сентября 1914 г. «Нижегородский листок» с гордостью сообщил, что бывший типографский рабочий Исаев за военное отличие награжден орденом святого Георгия. В дальнейшем героизм нижегородских солдат и офицеров стали поистине массовым. Так, в одной заметке, опубликованной в «Нижегородском листке» в мае 1916 г., сообщалось, что командир пехотного 37-го Екатеринбургского полка направил нижегородскому губернатору 92 Георгиевских креста и 71 Георгиевскую медаль для награждения солдат и унтер-офицеров – уроженцев Нижегородской губернии, удостоенных этих высоких наград за отличие в боях [6, с. 2]. Незадолго до этого в той же газете был опубликован список нижегородцев, получивших Георгиевские кресты 4–2-й степеней за героическую службу в составе пехотного 38-го Тобольского полка (в списке 15 фамилий «убитых и эвакуированных на излечение нижних чинов») [7, с. 2]. Широкою известность в Российской империи получили подвиги штабс-капитана П.Н. Нестерова, героически погибшего в воздушном бою 25 августа 1914 г., и капитана второго ранга Н.П. Черкасова, командира канонерской лодки

«Сивуч», вступившей в неравный бой с противником в Рижском заливе 5 августа 1915 г.

Гораздо меньше известно о ратных подвигах нижегородцев в период, когда Россия из самодержавной монархии фактически превратилась в республику. В дни Февральской революции армия стала одним из факторов победы новых сил и необратимости общественно-политических перемен. В Нижнем Новгороде, например, в ходе экстренного заседания Городской думы в начале марта 1917 г. именно вопрос об отношении к перевороту вооруженных сил страны стал одним из важнейших пунктов повестки дня.

«Совещания и решения по отдельным частным вопросам, – писал очевидец событий, – уже следуют одно за другим при общем единодушии. О, если бы оно удержалось и окрепло еще и еще!

И прежде всего и больше всего всех интересует одно: что армия?

Передают слова, факты и слухи, и все слова сливаются в порыве восторга и облегчения, когда является уверенность, что русская армия выше всего поставила лозунгом благо и свободу народа, что армия за Государственную думу, за рабочих, за весь русский народ.

– Да здравствует русская армия! – гремит в зале радостный клич, поднятый представителем рабочих...» [8, с. 2].

В первые же дни антимонархического переворота лидеры новой России публично признали своей целью восстановление власти, «способной привести народ к окончательной победе над врагом» [9, с. 1], и этот лозунг поначалу встретил полное понимание на местах. По-боевому были настроены и многие фронтовые части, в том числе те, в которых служили уроженцы Нижнего Новгорода. Это подтверждают события, которые произошли во время последнего наступления русской армии летом 1917 г.

Наступление началось 18 июня (1 июля) 1917 г. силами двух центральных армий Юго-Западного фронта, 7-й и 11-й, в состав которой на тот момент входил 5-й армейский корпус (а значит, и пехотные 37-й Екатеринбургский и 38-й Тобольский полки). «Артиллерия буквально смела с лица земли все укрепления противника, – писал генерал Н.Н. Головин. – Тогда двинулась наша пехота вперед, причем самое наступление в сфере неприятельского огня велось, главным образом, отборными частями. Остальная пехота следовала неохотно... Но все-таки благодаря мощной артиллерийской подготовке и самоотверженной работе отборных частей, в течение первых двух дней наступления участки позиций противника были нами захвачены» [10, с. 769]. В этот краткий успешный период во многих частях наступавших армий сложилось убеждение, что дальнейшего продвижения вперед не требуется, боевая задача выполнена. Примерно такая же ситуация сложилась и в

8-й армии, которая начала наступление на несколько дней позже: отборные элементы в боях постепенно тают, а основная солдатская масса отказывается воевать.

Уже 6 (19) июля 1917 г. немцы перехватили инициативу, начав контрнаступление на левом фланге 11-й армии. «Войсковые части, получавшие боевые приказы, обсуждали их на митингах, в комитетах, упускали время, а еще чаще просто отказывались выполнять их. Началось неудержимое паническое отступление всей XI армии. До какой степени эта армия утратила свою боеспособность, свидетельствует следующий факт. 9 / 22 июля отступающая XI армия находилась на р. Серет. Атака трех немецких рот обратила в бегство 126-ю и 2-ю финляндскую стрелковые дивизии. Противника сдерживали кавалерия, а также пехотные офицеры с оставшимися при них унтер-офицерами и одиночными солдатами. Вся остальная пехота бежала, заполняя своими дезертирующими толпами все дороги» [10, с. 770].

Однако в почти общем правиле были исключения – ими стали, в частности, воинские части нижегородцев, которые в общем хаосе летнего наступления-отступления сумели сохранить боевой дух и порядок. Так, по сведениям историка Ю.В. Еремеева, 37-й Екатеринбургский полк в ходе контрнаступления немцев 8 июля 1917 г. попал в окружение, но сумел вырваться из «котла», отступить за р. Серет и остановить продвижение противника. Потери полка оказались сравнительно небольшими: 19 офицеров и 678 солдат [11].

Не меньшее мужество во время «катастрофы на фронте» (Н.Н. Головин) продемонстрировали солдаты и офицеры 38-й Тобольского полка и 1-го дивизиона лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, о чем свидетельствуют публикуемые документы. Генерал-майор Виктор Петрович Гальфатер (1868–1951), вступивший в командование 10-й пехотной дивизией 25 мая 1917 г., имел полное основание заявить в своем рапорте, что он «командует героями».

Источники и литература

1. Книга памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны / сост.: А.В. Молоков, Р.В. Кауркин, П.В. Шавенков, Ф.Б. Дроздов, И.З. Герштейн, В.И. Грубов. Н. Новгород, 2014.

2. Молоков А.В. 37-й пехотный Екатеринбургский полк в Первой мировой войне // Нижегородская старина. 2013. Вып. 37–38.

3. *Молоков А.В.* Нижегородцы – Георгиевские кавалеры Первой мировой войны: Памяти героев первой мировой войны посвящается // Нижегородская старина. 2010. Вып. 25–26.

4. Нижегородская губерния в годы Первой мировой войны (до-февральский период): документы и материалы / науч. редактор и составитель В.П. Сапон. Нижний Новгород, 2014.

5. *Никольский Б.В.* Офицеры-нижегородцы – участники Первой Мировой войны // Нижегородская старина. 2003. Вып. 6; 2004. Вып. 8.

6. Нижегородский листок (далее – НЛ). 1916. 22 мая.

7. НЛ. 1916. 5 мая.

8. Экстренное прибавление к газете «Нижегородский листок». 1917. 2 марта.

9. Экстренное прибавление к газете «Нижегородский листок». 1917. 3 марта. 5 час. дня.

10. *Головин Н.Н.* Наука о войне: избранные сочинения / сост. И.А. Вершинина. М., 2008.

11. *Еремеев Ю.* Екатеринбургский пехотный полк. Краткий очерк истории одного полка Русской Армии [Электронный ресурс] // URL: http://army.armor.kiev.ua/hist/ekaterin_polk.shtml (дата обращения – 16.07.2017).

Документ № 1

1917, июль, 17. – Рапорт командира 1-го дивизиона лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады начальнику 10-й пехотной дивизии. № 696

Считаю своим долгом донести, что в тяжелом бою 8-го сего июля у дер. Таурув, когда части 10-й пехотной дивизии были обойдены и справа все бежало в беспрецедентной панике, 1-й дивизион л. гв. 1-й артиллерийской бригады мог выполнить возлагаемые на него боевые задачи – исключительно благодаря твердости, мужеству и доблести 10-й пехотной дивизии, особенно 37-го пехотного Екатеринбургского полка. Подлинный подписал: командир 1-го дивизиона л.гв. 1-й артиллерийской бригады полковник ЧУЙКЕВИЧ.

ЦАНО. Ф. 1882. Оп. 1. Д. 20. Л. 229.

Машинописная заверенная копия.

Документ № 2

1917, август, 6. – Из рапорта начальника 10-й пехотной дивизии «комиссару г. Нижнего Новгорода». № 5601

[...] я считаю своим нравственным долгом довести до сведения всех граждан Нижегородской губернии, сыны которой служат в рядах 10-й пехотной дивизии, что доблесть, стойкость, преданность дорогой Родине и Молодой Свободе всех солдат полков дивизии не имеет границ.

Воина знает великую заслугу дивизии: в разгроме Австро-Венгерской армии в 1914 году, в преследовании немцев от Варшавы в этом же году, в период Лодзинской операции, когда целый германский корпус (25), который шел к Петрокову с целью отрезать наши 1-ю и 5-ю армии, встретил на своем пути твердых, как сталь, 37-й Екатеринбургский, 38-й Тобольский и 39-й Томский полки сих 10-й артиллерийской бригадой и другими частями дивизии и был разбит, а наши армии спасены. В этой мировой войне 10-я дивизия участвовала почти во всех славных и тяжелых боях.

В переживаемый период расцветшая заря Свободы не оп[али]ла рассудка достойных потомков Минина, сознательных, честных патриотов-граждан офицеров и солдат, не поддавшихся пропаганде подлых немецких наемников. И теперь в период общей болезни, морального развала, в тяжелых боях с 6-го по 15-е июля сего года вся 10-я пехотная дивизия, имея впереди своих беззаветно храбрых офицеров, был полна героизма. Опираясь справа на товарищей тобольцев, слева на екатеринбуржцев и томцев, колыванцы (40-й Колыванский пехотный полк – *прим. авт.*) совершили свой подвиг у дер. Мышковице 11-го июля 1917 года.

Екатеринбуржцы 8-го Июля с. г., будучи обойдены у дер. Таурув с обоих флангов, оставались на своих позициях, сражаясь, как львы, отбивая штыками яростные атаки немцев, и отошли только тогда, когда получили приказание. (Рапорт участника боя полковника Чуйкевича при сем прилагаю.)

Тобольцы 7-го июля с. г. у фл. Эмильювка, после продолжительной, крайне напряженной артиллерийской немецкой подготовки отбивали все атаки, не отступая ни на шаг, а 11-го июля с.г. у дер. Кипячка, выдержав атаку, перешли в контратаку и потеснили противника.

Батареи 10-й артиллерийской бригады, самоотверженно работая под сильнейшим огнем противника, всегда поддерживали своим могучим огнем стойкость и упорное сопротивление противнику. Батареи

снимались с позиций только при самой крайней необходимости, иногда отбивая противника почти в упор.

Громадную помощь оказали мне и командному составу депутаты дивизионного и полковых комитетов (офицеры, врачи и солдаты), самоотверженно работавшие под огнем противника в передовых цепях.

При полной согласованности их работы и командного состава польза комитетов неоценима и неоспорима.

Я горд, что командую такими героями, и не могу не оповестить всех граждан НИЖЕГОРОДЦЕВ о доблести их сынов, мужей и братьев.

В лице Вашем приветствую народ, давший Родине таких славных граждан офицеров и солдат.

ПРИЛОЖЕНИЕ: рапорт командира 1 дивизиона лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады полковника ЧУЙКЕВИЧА от 10 июля с. г. № 696.

Начальник 10-й пехотной дивизии, генерал-майор *Гальфтер*

ЦАНО. Ф. 1882. Оп. 1. Д. 20. Л. 228 – 230 об.

Машинописный подлинник. Подпись – автограф.

Борьба вокруг переименования улиц Нижнего Новгорода в 1923 году: записка А.Я. Садовского и другие документы

Ф.А. Селезнев

Многие улицы и площади Нижнего Новгорода после Октябрьской революции лишились своих исторических названий. Первой большевистские власти переименовали Благовещенскую площадь. Нам не удалось установить, когда это произошло. Но в газетном отчете о митинге 7 ноября 1918 г. она уже названа Советской [1, 1918, 12 ноября]. Новое имя прижилось не сразу. Например, в объявлении, опубликованном 19 ноября 1918 г., в качестве адреса главного здания университета по-прежнему указана Благовещенская площадь [1, 1918, 19 ноября].

Следующую акцию подобного рода органы советской власти осуществили через два с лишним года. 5 мая 1921 г. отдел управления губисполкома довел через газету «Нижегородская коммуна» до всеобщего сведения, что, согласно постановлению президиума губисполко-

ма, Малая Покровская улица с 1 мая 1921 г. переименована в улицу Якова Воробьева [1, 1921, 5 мая]. (Революционер Я.З. Воробьев, погибший в 1919 г., был первым председателем губернской чрезвычайной комиссии, а сама она размещалась как раз на Малой Покровке).

В том же году было увековечено и имя видного соратника Ленина, нижегородца по происхождению Я.М. Свердлова. Его отец владел граверной мастерской на Большой Покровской улице. Она и стала улицей Свердлова. Самое раннее упоминание улицы Свердлова нами обнаружено в выпуске «Нижегородской коммуны» за 6 ноября 1921 г. Но позднее, в 1921 и 1922 гг. в номерах той же газеты улица неоднократно называется Большой Покровской. Ее новое название потеснило старое лишь после того как 3 сентября 1922 г. в отремонтированном здании Дворянского собрания, которое долго занимала Нижегородская продовольственная управа, открылся Центральный рабочий клуб им. Якова Свердлова [1, 1922, 3 сентября].

В 1922 г. врач и общественный деятель В.Н. Золотницкий опубликовал в «Нижегородской коммуне» статью, в которой написал об историческом значении дома инженера В.М. Лемке на Канатной улице, где в 1888–1896 гг. жил писатель В.Г. Короленко. Золотницкий высказал мнение о том, что Канатную улицу следовало бы назвать улицей Короленко [1, 1922, 14 апреля]. Однако эта инициатива первоначально осталась без последствий.

Между тем, именно в 1922 г., в связи с пятилетием революции, в разных городах Советской России прошла первая крупная волна массовых переименований улиц и предприятий. В одной только Москве новые названия получили 477 улиц. Судя по всему, соответствующие указания были даны по линии ЦК РКП(б). Это вытекает из реплики председателя Нижегородского губисполкома М.А. Тера на заседании бюро губернского комитета РКП(б), посвященном подготовке к пятой годовщине Октябрьской революции. Тер высказался против демонстраций в день 7 ноября, ибо «они ничего не дадут». Он предложил провести больше торжественных заседаний, собраний на предприятиях, в казармах, «где провести и переименования, как предлагает Цека». [2, л. 37].

Чтобы подготовить эту работу, руководство нижегородских коммунистов решило создать губернскую комиссию по переименованиям казарм, фабрик и заводов. В ноябре 1922 г. заместитель Тера, М.К. Сенцов, на заседании президиума губисполкома представил ее решения. Согласно им Тобольские казармы переименовали в Березинские, а Грузинские (в Грузинском переулке) – в Воробьевские. Казармы в здании Епархиального училища стали «Казармами красного ко-

мандира». Казармы 49-го стрелкового полка превратились в «Красные казармы им. т. Голубева».

Новые названия получили промышленные предприятия. Сормовские заводы стали «Красным Сормовом», Новая Этна – «Красной Этной», завод Фельзер – «Двигателем революции», завод Добровых и Набголец – Нижегородским машиностроительным. Завод фирмы Сименс теперь следовало именовать Нижегородским телефонным, «Молот» – «Красным молотом», «Волго-Оку» – «Плугом», Молитовский затон – затоном 25 октября, военно-обувную фабрику – фабрикой 3-го Интернационала. Завод Смелова стал «Якорем», завод Левина – «Красным Пахарем», завод Сарне – «Пролетарием», завод Антонова – «Литейщиком». «Волга» получило имя Розы Люксембург, завод Тер-Акопова – «26 коммунаров». К названию Нижегородского механического артиллерийского завода добавили «памяти рабочего Костина». А вот название завода «Труд» оказалось созвучно новой эпохе. Его решили сохранить. [3, л. 130].

В том же 1922 г. Новинская улица получила имя доктора Н.И. Долгополова, врача находившейся на ней Бабушкинской больницы [1, 1922, 26 ноября]. Долгополов был эсером, депутатом II Государственной Думы от Нижнего Новгорода. Он активно участвовал в революции 1905 года. Одним из его пациентов являлся Максим Горький.

Переименования Малой и Большой Покровской, а также Новинской улиц имели свою историческую логику. Они были названы именами революционных деятелей, жизнь которых была связана с этими улицами. Совсем другая ситуация возникла в начале 1923 г., когда к Международном женскому дню 8 Марта была предпринята попытка без всякой мотивировки лишить исторических имен 75 нижегородских улиц.

Соответствующее предложение было подано в президиум Нижегородского губисполкома заведующим секцией наружного надзора коммунального отдела (документы № 1 и № 2). 27 февраля 1923 г. оно было направлено К. Бурову, временно замещавшему М. Сенцова в качестве заведующего отделом управления губисполкома (Документ № 1). Тот 1 марта передал в президиум губисполкома список предлагаемых к переименованию улиц. Председатель президиума губисполкома М.А. Тер наложил резолюцию: «В целом отказать. Некоторые вроде Жандармского переулка переименовать, но только в связи с историческими событиями или именами (Горький, Короленко и др.), связанными с Нижним». Затем добавил: «Привлечь Илларионова» [4, л. 149].

В.Т. Илларионов (1901–1985) в это время был уполномоченным Истпарта по Нижегородской губернии и заведующим Бюро Истпарта при губкоме РКП(б). Кроме того, он являлся членом Нижегородской

археолого-этнологической комиссии и, видимо, посоветовал властям привлечь к обсуждению судьбы нижегородских улиц и других ее членов. Общее мнение Нижегородской археолого-этнологической комиссии по этому вопросу выражено в документе № 3. Это записка, направленная 14 марта 1923 г. в отдел управления губисполкома председателем комиссии А.Я. Садовским (1850–1926). Выдающийся историк-краевед нашел убедительные доводы в пользу сохранения исторических названий нижегородских улиц. На 19 марта 1923 г. было назначено совещание представителей археолого-этнологической комиссии с работниками губисполкома [4, л. 148]. Вняв аргументам краеведов, заведующий отделом управления губисполкома М.К. Сенцов 21 марта 1923 г. доложил в президиум губисполкома, что считает «переименование бесполезным, кроме Жандармских переулков, Монастырской и Канатной улиц, где жил Короленко и Мартыновской, где жил Горький» [4, л. 145]. Таким образом, в 1923 г. краеведам удалось отстоять большинство исторических названий улиц Нижнего Новгорода.

Источники и литература

1. Нижегородская коммуна.
2. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 2334.
3. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 608.
4. ЦАНО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 945.

Документ № 1

1923, февраль. – Сопроводительная записка к списку улиц Нижнего Новгорода, предлагаемых к переименованию

В президиум губисполкома.

При сем препровождаем список переименованных улиц в городе Нижнем Новгороде на ваше рассмотрение и утверждение. Желательно переименовать ко дню 8 марта.

Зав. Нижгубкоммунотделом.

Зав. Секцией Наружного Надзора (*Подпись*)

[На документе резолюции: красным карандашом – «*т. Бурову 27/II*». Ниже черным – «*На президиум. К. Буров 28/II. 23 г.*»]

ЦАНО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 945. Л. 150. Рукописный подлинник.

Документ № 2

1923, февраль. – Список переименованных улиц в Нижнем Новгороде

№	Переименованные улицы	Бывшие наименования улиц
1	2	3
1	Коммунистическая	Полевая
2	Интернациональная	Алексеевская
3	Октябрьская	[впереди красным поставлена черточка] Рождественская
4	Никитина	Похвалинская
5	Свободная	Малая Ямская
6	Ленина	Петропавловская
7	Лассалья	Провиантская
8	Гражданская	Острожная
9	Рабочая Набережная	Благовещенская слобода
10	Герцена	3-я Ямская
11	Карла Либкнехта	Б. Печерка
12	Троцкого	Б. Ямская
13	Маркса [черными чернилами дописано «Горького»]	Мартыновская
14	Миклина [исправлено карандашом «Маклина»]	Крестовоздвиженская
15	Луначарского	М. Печерка
16	Чернышевского	Тихоновская
17	Некрасова	Н. Никольская (на Гребешке)
18	Розы Люксембург	Дворянская
19	Кольцова	Старо-Никольская (на Гребешке)
20	Лермонтова	Гребешковская
21	Жореса	[впереди красным поставлена черточка] Ковалихинская
22	Гаршина	Обозная
23	Огарева	Вознесенская
24	Радищева	Крутиковская
25	Пестеля	Ново-Архангельская
26	Энгельса	Варварская
27	Пушкинская	Готмоновская
28	Рылеева	Мироносицкая
29	Надсона	Живоносная
30	Мозолистый поселок [зачеркнуто черными чернилами]	Фабричная слобода

1	2	3
31	Короленко [вписано черными чернилами]	Канатная [вписано черными чернилами]
32	Калинина [сзади черным поставлена галочка]	Кизеветтерская
33	Зиновьева [сзади черным поставлена галочка]	Мистровская
34	Урицкого [сзади черным поставлена галочка]	Воскресенская
35	Поселок Володарского [сзади черным поставлена галочка]	Николаевский поселок
36	Иоффе [сзади черным поставлена галочка]	Спаская
37	Раскольников [сзади черным поставлена галочка]	Н. Дворянская
38	Свердлова [сзади черным поставлена галочка]	Б. Покровка
39	Воробьева [сзади черным поставлена галочка]	М. Покровка
40	Красного флота [сзади черным поставлена галочка]	Ильинка
41	Рабочий пер.	пер. Крестовоздвиженский
42	Красноармейский пер.	Грузинский
43	[впереди черным поставлена галочка] Алы пер.	[впереди красным поставлена галочка] пер. Монастырский
44	[впереди черным поставлена галочка] Волжский пер.	[впереди красным поставлена галочка] пер. (слобода) Монастырский
45	[впереди черным поставлена галочка] пер. Вольный	[впереди красным поставлена галочка] пер. Жандармский
46	пер. Крестьянский	пер. Сергиевский
47	пер. Батрацкий	пер. Успенский
48	пер. Мужичкий пер.	пер. Троицкий
49	пер. Бедный	пер. Варварский
50	пер. Коммунистический	пер. Петропавловский
51	пер. Ленинский	пер. Всеятский
52	пер. Лермонтовский	пер. Острожский
53	пер. Октябрьский	Предтеченский
54	[впереди черным поставлена галочка] Бедный овраг	[впереди красным поставлена галочка] Жандармский овраг

1	2	3
55	пл. 9-го Января	пл. Троицкая
56	пл. Советская	пл. Благовещенская
57	пл. 25-го Октября	пл. Софроновская
58	пл. Пролетарская	пл. Острожская
59	Площ. Коммуны	Ковалихинская
60	Коммунистическая площ.	Ново-Базарная
61	пл. 1-го Мая	пл. Крестовоздвиженская
62	пл. 9-го Сентября	пл. Варварская
63	пл. Свободы	пл. Алексеевская
64	пл. 22-го Апреля	пл. Ошарская
65	пл. 28-го Марта	пл. Казарменная
66	Рабочий съезд	Ивановский съезд
67	Мужицкий съезд	Успенский съезд
68	Свердловский съезд	Лыковая дамба
69	Октябрьский съезд	Зеленский съезд
70	Съезд Троцкого	Георгиевский съезд
71	Пролетарский съезд	Казанский съезд
72	Халтарский съезд [подчеркнуто, синим]	Похвалинский съезд
73	Льва Толстого [сзади черным поставлена галочка]	Архангельская
74	пл. Февральская [сзади черным поставлена галочка]	пл. Георгиевская
75	Марата [сзади черным поставлена галочка]	Зеленская
76	Рабфака [сзади черным поставлена галочка]	Сергиевская

Заведующий Секцией Наружного Надзора (*Подпись*)

ЦАНО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 945. Л. 151–152. Машинописный подлинник с рукописной правкой.

Документ № 3

1923, март, 14. – Письмо А.Я. Садовского в отдел управления Нижегородского губисполкома

В отдел управления.

С возвращением переписки на 4 листах о переименовании нижегородских улиц уведомляю, что, по моему мнению, разделяемому и членами Ученого совета Комиссии, следовало бы непременно оставить следующие улицы.

Ильинку, Рождественскую, Мироносицкую, как связанные с давнею стариною Нижнего и ставшие историческими.

Полевою, которая некогда составляла границу городского поселения.

Ямские, получившие название от бывшей здесь Ямской слободы, населенной ямщиками, исполнявшими взамен других государственных повинностей и тягот, почтовую гоньбу.

Ивановский съезд, Печерскую и Осыпную улицы, как встречающиеся в нижегородских летописях и получившие свои названия: первый от Ивановской башни XV века, вторая от Печерского монастыря XIV века, а третья, потому что была построена на осыпи древнего нижегородского крепостного укрепления (деревянного острога).

Наконец, желательно оставить названия Ошарской площади, Лыковой дамбы (вернее по-старинному, Лыкова моста), Зеленского съезда и Ковалихинской. Первая получила название от стоявшего на ней кабака «Ошара», в котором подвыпивших посетителей «ошаривали», следовательно, имеет значение в бытовом отношении. Вторая от фамилии первого строителя каменного моста через Почайну Лыкова (XVII век, начало). Третья от бывшего в старину в Зеленском овраге (на месте съезда), Зеленого, т. е. Порохового завода, слово «Зеленый» с течением времени изменилось в «Зеленский». Ковалихинская, как выстроенная по берегам протекавшей здесь речки Ковалихи.

Председатель Комиссии А. Садовский.

ЦАНО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 945. Л. 146, 146 об, 147. Рукописный подлинник.

РАБОТА ЛАУРЕАТА IV КОНКУРСА МОЛОДЫХ ИСТОРИКОВ-КРАЕВЕДОВ ПАМЯТИ Н.М. ДОБРОТВОРА

Памятники волосовской культуры в Навашинском районе Нижегородской области

К. А. Берсенева

Волосовская культура впервые была выделена В.А. Городцовым в 1926 г. [1, с. 72], после раскопок близ деревни Волосово (ныне Навашинский район Нижегородской области). Эту культуру он отнес к эпохе позднего неолита [2, с. 81]. Неолит — последний период каменного века [3, с. 12]. В это время были изобретены новые способы обработки камня (шлифование, пиление, сверление). Кроме того, в это время получает очень широкое распространение керамика [2, с. 6].

Волосовская культура распространилась на обширной территории Волго-Окского междуречья [4, с. 128]. Материалы культуры очень ярко характеризуют поздний неолит, его конец и переход к энеолиту (медно-каменному веку), так как на ее поздних памятниках появляются медные изделия.

Для волосовской культуры характерны долговременные поселения, расположенные у воды. Жилища — прямоугольные, углубленные в землю. Строились они из дерева, имели срубную или столбовую конструкцию. Площадь жилищ варьирует от 60 до 120 кв. м., в средней части их располагались очаги, обмазанные глиной.

Присваивающее хозяйство волосовских племен характеризуется очень высокой для каменного века степенью организации охоты, рыболовства, собирательства. Мощные прослойки из раковин моллюсков, костей животных и рыб свидетельствуют о наличии заготовок запасов пищи, которые позволяли функционировать довольно крупным поселениям круглый год в течение длительного времени. Преобладала индивидуальная охота с луком и стрелами на лесных животных и птиц. Основными промысловыми видами были известные лесные животные, но главными объектами охоты почти везде являлись лось и утка. Из одомашненных животных присутствует собака [5, с. 222].

Возрастала роль рыболовства. Помимо обычных способов ловли рыбы (ужение на крючок, битье гарпуном и острогой), широко применялся сетевой лов, который и давал основной объем уловов. О применении сетей свидетельствуют их многочисленные отпечатки на керамике.

Ведение довольно сложного стационарного хозяйства и оседлость предполагают развитие производства каменных и костяных орудий. Волосовские изделия характеризуются разнообразием форм, отражающих специализацию. Особенно высоким качеством обработки отмечены наконечники, рубящие орудия и предметы искусства. При изготовлении кремневых предметов характерно широкое применение плоской покрывающей поверхности ретуши, а каменных и костяных орудий — шлифовки.

Волосовская керамика представлена крупными лепными сосудами полуяйцевидной и котловидной формы. В керамическое тесто добавлялись органические примеси. Сосуды богато орнаментированы по всех поверхности отпечатками разнообразных штампов, вдавлениями разных форм, прочерченными линиями, составляющими определенные орнаментальные мотивы [6, с. 4].

Определенные социальные и мировоззренческие изменения в обществе, свойственные позднему неолиту, находят отражение в усложнении погребального обряда, прослеженном на материалах волосовской культуры. Характерны отдельные погребения на площади поселений — в жилищах между ними. Кроме того, известны и большие могильники, находящиеся рядом с поселениями. Большинство погребений одиночны, но встречаются и коллективные. Погребальный инвентарь небогат. Обычно это наборы украшений из костяных, каменных или янтарных подвесок, расположенных в области груди или пояса погребенных. Часто могильная яма окрашивалась охрой.

Интересной чертой волосовского погребального обряда является создание своеобразных ритуальных комплексов, известных на нескольких стоянках. Одно или несколько погребений на специальных площадках, сопровождались кострищами, большим количеством охры, черепами животных, «кладами» изделий и заготовок.

Особой чертой волосовской культуры, ярко выделяющей ее на фоне других культур неолита лесной зоны, являются предметы искусства — скульптурные изображения людей и животных (птиц, лося, медведя, змеи), выполненные из кости, кремня, глины, изредка из дерева или янтаря. Такие предметы могли использоваться в ритуальных целях или служить амулетами. Антропоморфные и зооморфные изображения иногда встречаются на керамических сосудах.

Поздний неолит на территории Нижегородской области представлен, по данным 2008 г., 39 памятниками волосовской культуры, один отнесен к ней предположительно.

По мнению исследователей (Д.А. Крайнов, И.К. Цветкова, В.В. Сидоров, А.В. Энгватова и др.), волосовской культуре предшествовал протоволосовский этап (или культура), начавшейся примерно в первой четверти III тыс. до н.э. С понятием «протоволосовский этап» неразрывно связан вопрос о происхождении культуры, на который исследователи отвечают по-разному. И.К. Цветкова [7, с. 88] вслед за Д.А. Крайновым [8, с. 96] считает, что волосовская культура сформировалась в результате взаимодействия племен верхневолжской культуры и культур с ямочно-гребенчатой керамикой. С этой трактовкой трудно согласиться, так как между верхневолжской и волосовской культурами существует хронологический перерыв около тысячи лет, фиксируемый стратиграфией многослойных памятников и радиоуглеродными датировками. Более обоснованной представляется точка зрения В.В. Сидорова и А.В. Энгватовой, полагающих, что содержанием протоволосовского этапа являлся процесс восприятия племенами валдайской культуры керамической технологии нарвской культуры [9, с. 172]. В результате этой интеграции возникла волосовская культура, племена которой, продвигаясь на восток, заняли территорию от Прибалтики до Прикамья.

Волосовская культура в своем развитии прошла три периода: ранний (середина III тыс. до н. э.), средний или развитый (последняя четверть III тыс. до н. э.) и поздний (первая четверть II тыс. до н. э.). Периодизация волосовской культуры связана с особенностями ее глиняной посуды.

К раннему периоду на рассматриваемой нами территории отнесено два памятника: Волосово 1 и Навашино 5. Для керамики поселения Волосово 1 характерны примесь раковины или органики в глиняном тесте, внутренняя поверхность нередко с «расчесами», венчик с закругленным, уплощенным или приостренным краем (в том числе орнаментированным), округлое или яйцевидное дно. Основным элементом орнамента являются оттиски зубчатого штампа. Используются также ямочные вдавления округлой и овальной формы, наколы, нарезные и прочерченные линии, изредка – оттиски веревочки и рамчатого штампа, кружковые вдавления, образующие зигзаг, «елочку», решетку, параллельные линии, расположенные в разных направлениях [4, с. 84].

Лепная посуда поселения Навашино 5 кроме раковины и органики имеет примесь мелкого песка в глиняном тесте, «расчесы» отмечены не только на внутренней, но и на внешней поверхности сосудов.

Что касается орнаментации, то она аналогична керамике Волосовского поселения.

Возможно, к раннему периоду относится и поселение Малое Окулово 1: в качестве примеси в глиняное тесто там использовалась раковина. Керамика развитого (среднего) периода волосовской культуры засвидетельствована исследователями на четырех памятниках. Среди примесей в глиняном тесте – раковина и органика, горшки имеют, наряду с округлым, уплощенное и плоское дно.

Поселений позднего периода волосовской культуры зафиксировано более всего (девять). Для лепной посуды характерно преобладание примеси органики в глиняном тесте, иногда присутствует примесь раковины или органики с раковиной. Наряду с горшками, характерными для раннего и среднего периодов культуры, используются миски и чаши. Элементы орнамента и его характерные композиции, получившие распространение на раннем этапе развития волосовской культуры, сохраняются и на позднем этапе. Отличие заключается нередко в небрежной манере его нанесения.

Специфической чертой волосовской культуры является ее кремневая и костяная скульптура. На рассматриваемой территории она найдена на памятниках – Волосово 1 и Малое Окулово 1. В скульптуре нашли отражение представления волосовских племен об окружающем их мире, связи с ним человека [10, с. 19]. Среди скульптурных изображений преобладают антропоморфные фигурки, фигурки птиц, рыб, а также «лунницы». К этой группе находок примыкает рельефное изображение человека на стенке сосуда с поселения Волосово 1.

Поселения волосовской культуры, как правило, расположены на надпойменной террасе, ее мысу или донном всхолмлении. Волосовские племена селились по берегам Оки и ее притоков: правых – Велетьмы, Вереи, Кишмы; левых – Подборицы и Юга; а также на правом берегу Волги и ее притоке Кудьме.

Главным вопросом остается датировка культуры в целом, поскольку единого мнения на этот счет нет. Как уже было отмечено, общепринятыми временными рамками волосовской культуры являются конец III – начало II тыс. до н. э. Тем не менее, продолжающиеся исследования делают новые предположения по поводу датировки. Таким образом, найденные на стоянках волосовской культуры предметы из меди дают основания причислить ее к эпохе энеолита.

Вопрос о датировке остается открытым. Решить его только на основе памятников Навашинского района, конечно, невозможно. Наука не стоит на месте, и каждое новое исследование пополняет наши знания о жизни и быте волосовцев.

Источники и литература

1. Брюсов А.Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
2. Городцов В.А. Русская доисторическая керамика. М., 1901.
3. Молева Н.В., Сивкина Н.Ю. История первобытного общества. Н. Новгород, 2011.
4. Янин В. Л. Археология. М., 2006.
5. Уваров А.С. Археология России. Каменный период. М., 1881.
6. Гурина Н.Н. О некоторых методах обработки неолитической керамики // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 193. М., 1988.
7. Цветкова И.К. Волосовская стоянка // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. Труды Государственного исторического музея. Вып. 68. М., 1988.
8. Крайнов Д.А. Работы Верхневолжской экспедиции в Ивановской и Ярославской областях. М., 1981.
9. Сидоров В.В., Энговатова А.В. Протоволосовский этап или культура? // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
10. Цветкова И.К. Волосовские неолитические племена // Археологический сборник. Труды Государственного исторического музея. Вып. 22. М., 1953.

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А.В. СЕДОВА

Книги профессора Нижегородского университета А.В. Седова (1924–2010) любимы читателями. Особенно повествование о купцах Бугровых, которое с полным основанием можно назвать нижегородским краеведческим бестселлером. Материалы о Бугровых Андрей Васильевич начал собирать, когда писал кандидатскую диссертацию «Удельные крестьяне Нижегородской губернии (1797–1863 гг.)». Она была защищена в 1954 г. Этого исследование дало А.В. Седову сюжеты для ряда произведений. Во-первых, о В.И. Дале, управляющем удельным имением Нижегородской губернии. Во-вторых, о Бугровых, вышедших из удельных крестьян.

Работа над книгой о Бугровых пробудила у Андрея Васильевича интерес к истории нижегородских банков. Сведения о них он систематизировал в небольшой книжечке «Дореволюционная финансово-кредитная система Нижегородской губернии» (2002). Однако она вместила лишь небольшую часть собранных им материалов. К сожалению, при жизни Андрею Васильевичу не удалось их опубликовать. Но эти тексты, написанные около двадцати лет назад, не потеряли своей значимости. С одной стороны, они опираются на кропотливые изыскания в архивах. С другой – написаны прекрасным русским языком. В этом выпуске мы публикуем одну главу из рукописи А.В. Седова об истории нижегородских банков. Она посвящена приказу общественного призрения. Текст публикуется в авторской редакции.

Волшебный «приказ»

А.В. Седов

Из финансовых преобразований Екатерины II наиболее значимой была реформа 1775 г., в ходе которой для фискальных целей учредили казенные палаты в губернских центрах и казначейства в уездах. А все коммерческие заботы, в том числе и кредитные, она переложила на приказы общественного призрения (попечения), которые на практике и стали массовыми учреждениями делового кредита. Эти Приказы явились оригинальной, позитивной новацией в административной политике Екатерины II, за что Россия ей очень благодарна. На них была переложена, выражаясь современно, вся «социалка»: содер-

жание школ и больниц, исправительных и благотворительных заведений. На первый взгляд, непонятно, какое отношение к финансово-кредитным делам имели все эти заведения, тем более богоугодные? На практике же под скромной вывеской приказа общественного призрения сформировались солидные денежные источники, потому что на каждое опекаемое им учреждение выделялись немалые государственные средства. Эти приказы явились порождением «золотого века» дворянства при Екатерине II, когда «благородное сословие», потрясенное восстанием Пугачева, было освобождено от обязательной службы, возложенной на него Петром I, и повело праздный образ жизни, на что требовались немалые средства.

Например, отец А.С. Пушкина, гвардейский офицер, в 27-летнем возрасте вышел в отставку и превратился в великосветского жуира, то есть человека, ищущего в жизни одних наслаждений, проматывая свое состояние. Вот это дворянское мотовство и обеспечивали в столице специальные банки, а в провинции – приказы общественного призрения. Располагая определенными средствами, они стали пускать их в деловой оборот, ссужая нуждавшихся в кредитах, главным образом дворян, под различные залоги, в качестве которых принимались: крепостные крестьяне, земли, дома. Следовательно, они превратились в своеобразные местные банки.

Нижегородский приказ общественного призрения образовался в 1780 г. Его создание подзадержалось из-за скандала с аферой вокруг ассигнационного банка, крах которого подорвал престиж города, осложнил организацию новых финансовых учреждений. Да и в управлении губернией в том же году произошла смена власти: новым губернатором стал И.С. Белавин. Он учел печальный опыт ассигнационного банка, и приказ общественного призрения возглавил сам. Правление приказа состояло из выборных представителей по одному из четырех сословий: дворян, купцов, мещан и крестьян. Так что приказ не случайно именовался общественным, в его основе лежал принцип сословного представительства, характерный для «просвещенного абсолютизма» Екатерины II.

Делопроизводство приказа вел штат наемных счетоводов, численность которого колебалась по времени и обстоятельствам. В 1847 г. их было 87 во главе с «непременным», то есть постоянным, членом приказа, каковым долгое время был надворный советник (чин VII класса, равный подполковнику) А.М. Шнейдер [1, л. 1].

Первоначально приказ размещался на площадке современного главного корпуса педагогического университета, где стояли тогда три здания. А когда в 1808 г. они были перестроены в мужскую гимназию,

приказ перебрался на ул. Тихоновскую (теперь Ульянова), где разместился в двухэтажном особняке на пересечении с ул. Мартыновской (ныне Семашко). Сейчас к этому уютному особняку возведена высотная пристройка, преобразовавшая эти здания в элитный жилой дом.

На попечении приказа находилась целая система социально-значимых заведений. К концу существования приказа (в 1865 г.) в его введении только в одном Нижнем состояли:

1) губернская больница, именовавшаяся «Мартыновской» по фамилии строителя – помещика Мартынова, отца убийцы М.Ю. Лермонтова. Приказ расширил ее вместимость в пять раз, с 60 до 300 мест. На ее площадке по Верхневолжской набережной вырос целый больничный городок из множества каменных и деревянных корпусов, в том числе и «Дом умалишенных», который тоже был расширен с 20 до 45 мест. Через эту лечебницу душевнобольных к 1859 г. прошло 3646 больных. На содержание «Мартыновской» больницы и «Дома умалишенных» приказ ежегодно выделял по 1000 руб. Но средств не хватало, и приказ открыл при себе специальную сберкассу для сбора пожертвований сердобольных людей [2, л. 25];

2) в медицинской помощи нуждалась и Нижегородская ярмарка, как купцы, так и покупатели. В результате на ней появилось несколько лечебных заведений, и все они, в той или иной степени были зависимы от приказа общественного призрения. С 1826 г., по инициативе приказа, на ярмарке была организована временная больница на 30 мест. Размещалась она в одном из корпусов главного ярмарочного дома, который состоял тогда из трех зданий. Ярмарочный комитет на здоровье покупателей экономил, и поэтому содержалась эта больничка, в основном, на средства приказа общественного призрения. За лечение крепостных крестьян, заболевших на ярмарке, приказ пытался взимать деньги с их владельцев по 5 руб. серебром в месяц. А если больной нуждался в длительном лечении, то от 1 до 3 руб. в день, в зависимости от тяжести болезни. Но из этих благих расчетов ничего не получилось, потому что помещики отказались платить за лечение своих крепостных, и ярмарочную лечебницу тянул на себе приказ общественного призрения [3, л. 5];

3) Нижегородская ярмарка была не только «Всероссийским торжищем», но и значным местом венерических заболеваний, что потребовало организации на ней «сифилитической больницы». И приказ таковую организовал. Правда, всего на 40 мест (но ее клиентура к 1844 г. возросла до 74). На Нижегородскую ярмарку съезжались «жрицы любви» со всей России и даже из-за рубежа. Клиентура этой лечебницы представляла не только Нижний, но и Москву, Владимир, Кострому,

Казань, Вологду, Ярославль, Тулу, Калугу, Пензу, Тамбов, Ригу, Варшаву, Пруссию и Францию. По социальному составу они были, в основном, мещанками, крестьянками и солдатками. Много было «дворовых девок», испорченных господами. Так, Дарья Строгонова и Мария Никифорова являлись дворовыми девками князя Меншикова, Дарья Булыгина – крестьянской дочерью из имения графа Шереметева, Амалия Бернгет – прусская подданная, Франциска Гейдер – французка. Все они ублажали прихоти богатых посетителей ярмарки, а содержать такую лечебницу опять приходилось Приказу общественного призрения, хотя по распоряжению министерства внутренних дел содержаться она должна была за счет 15%-го ярмарочного сбора. Но, видимо, это предписание министерства ярмарочная контора не соблюдала [4, л. 14];

4) ярмарочные купцы раззавидовались на лечебницу «жриц любви», и с 1836 г. стали собирать деньги на специальную больницу – купеческую, а хранение этого капитала доверили приказу общественного призрения. Поднакопили денег, и в 1843 г. объявили публичные торги на строительство. Состязание было острым, ибо такой подряд был делом купеческой чести. Победил опытный строительный подрядчик П.Е. Бугров, который за 14 тыс. руб. и возвел в Канавине, на углу ул. Канавинской и Советской (бывшей Московской) добротное двухэтажное здание купеческой больницы. Это здание несет медицинскую службу, и по сей день: в нем размещается поликлиническое отделение городской больницы № 4 [4, л. 2–14];

5) на плечах приказа общественного призрения лежали и все богадельни. С 1809 г. он содержал большую городскую богадельню на 110 мест (65 мужских и 45 женских), находившуюся в каменном двухэтажном корпусе на Ивановском съезде под кремлем. Основным контингентом ее были увечные и престарелые солдаты да солдатки. Приказ содержал и «богадельню малую» на 55 мест. Но нужда в таких приютах была столь велика что «малая богадельня» переросла в «большую». В 1859 г. она приняла 151 «клиента», в том числе 108 – на бесплатной основе. А в 1825 г. в доме купца-мецената Пятова был открыт приют на 50 младенцев;

6) приходилось приказу общественного призрения заниматься и нравственным воспитанием жителей. Для этого у него имелись смиренный и работный дома. Смирительный дом был открыт в самом начале создания приказа и располагался в конце улицы Ковалихинской. В 1844 г. в нем содержались 152 мужчины и 31 женщина. Основными причинами такого наказания в том году были «неповиновение и грубость» (43 человека) и различные неплатежи (106 человек).

Там же, на Ковалихе, стоял работный дом. В 1844 г. в нем отбывали наказание 28 мужчин и 4 женщины. Из них 5 мужчин и 3 женщины – за бродяжничество, по 8 человек – за содержание притонов и мелкие кражи, трое мужчин и одна женщина – за пьянство и трое – за воровство¹. Заключение в смиренный и работный дома принудительно использовались на непрестижных городских работах. Мужчины очищали дворы, ремонтировали дороги, носили воду в больницы, копали могилы. Женщины стирали и чинили белье в различных лечебницах [2, л. 26]. Так приказ общественного призрения боролся тогда с бомжами и туеядцами, приобщал их к общественно-полезному труду.

На попечении приказа общественного призрения находились и все учебные заведения Нижнего Новгорода и губернии. В Нижнем это были:

– губернское начальное училище (его массивное здание и теперь стоит на углу ул. Ульянова и Пискунова, напротив Нижегородского универсама);

– мужская гимназия (в надстроенном и расширенном здании которой теперь разместился главный корпус Нижегородского педагогического университета, что на пл. Минина и Пожарского);

– училище для детей канцелярских служащих, находившееся на Тихоновской улице (теперь ул. Ульянова).

Кроме того, приказ общественного призрения содержал все 10 уездных училищ. А денег у приказа на их обеспечение было ничтожно мало. Так, в 1852 г. на все уездные училища он смог выделить всего 1526 руб. 38¾ коп.

Кроме училищ, приказ общественного призрения в каждом уездном центре содержал по больнице разной вместимости. Самая большая из них размещалась в Макарьевском монастыре, на 25 коек. Больницы в Балахне, Горбатове и Васильсурске имели по 20 коек, в больничках Арзамаса и Сергача было по 15 мест, в Лукояновской больничке имелось 13 коек, в Княгининской, Семеновской – по 10 лечебных мест. Помимо этого, в Васильсурске и Макарьево действовали лечебницы бурлацкие, спасавшие этих «добровольных каторжников» от гибели в пути [2, л. 29–31].

Нижегородскому приказу общественного призрения принадлежало 2346 десятин земли при деревне Обухово Лукояновского уезда, пожертвованных генерал-майором Григорьевым в 1861 г. «для призрения увечных доброй нравственности инвалидов-воинов». В этом земельном подарке имелось 1861 десятина пашни, 60 десятин сенокосу и

¹ Подсчеты даны по оригиналу рукописи (здесь и далее прим. ред.).

58,5 десятин лесу. Дар был щедрый, тем более что земля в Лукояновском уезде черноземная. Но приказ не успел должным образом этим даром распорядиться, потому что в 1865 г. сам был расформирован [5, л. 35].

Некоторое время приказ содержал две фабрики: суконную и холщевую. Вероятно для изготовления одеяния больных и заключенных. Но, видимо, фабрики себя не оправдали и были ликвидированы [6, л. 1–2].

Как видно, большое и хлопотливое хозяйство было у Нижегородского приказа общественного призрения. Но он, на удивление, с ним неплохо справлялся, хотя было немало и трудностей, особенно финансовых. Так, все уездные лечебницы оказались переполнены и страшно бедствовали. Например, в арзамасской уездной больнице имелось всего 15 коек, а больных в 1861 г. явилось 256. На содержание больных тратилось всего по 29 копеек на человека. А в Балахнинском уезде – и того меньше.

Все заведения приказа общественного призрения работали хотя и напряженно, но эффективно. Например, в 1844 г. через «Мартыновскую» больницу прошло 2283 больных. В смирительный дом заключались нарушители общественного порядка: за «дурное поведение», пьянство, грубости и неповиновение, за самовольство и прочие нарушения нравственности. В работный дом помещали бродяг, мелких ворюшек, притонодержателей, заставляя их отрабатывать свои «грехи» перед обществом. В 1850 г. в этом доме содержались 89 человек, в том числе 29 чернорабочих и 22 плотника. В порядке трудовой повинности они изготовили 154 различные рамы, 400 больших ткацких станков, 25 балясин для ремонта главного ярмарочного дома, поставили два забора при больницах приказа [7, л. 80, 86]. Весьма поучительный опыт борьбы с мелкими нарушителями общественного порядка!

Нелегкую государственную миссию нес на себе нижегородский приказ. А вот денег ему за такую «государеву службу» правительство изначально ассигновало гроши – всего 15 тыс. руб. [8, л. 7]. Поскольку приказ заработал результативно, правительство в дальнейшем субсидировало его через различные ведомства, заинтересованные в его услугах. Так, в 1834 г. он получил 27297 руб. 6¼ коп. серебром от военного ведомства за «призрение больных солдат». 32017 руб. 16¾ коп. ему уплатило министерство внутренних дел за содержание в работном и смирительном домах арестантов по мелким провинностям. В целом за тот год приказ получил из этих источников 84322 руб. 64 коп. серебром, а серебряный рубль стоил тогда в 3,5 раза дороже бумажного, израсходовал же тогда на поддержание своих заведений 117440 руб. [9, л. 39–42].

Как же приказ покрывал столь значительную разницу? Его руководители повели себя разумно и очень поучительно для современных властей, особенно районных, прозябающих на областных дотациях. Они осознали, что государственная казна не резиновая, и не стали канючить у нее дополнительные деньги, а стали сами их зарабатывать. Полученные от казны средства они пустили в коммерческий оборот и сравнительно быстро заработали такие капиталы, что превратили скромный Приказ в солидное финансово-кредитное заведение. Начав с 15 тыс. руб. государственной субсидии, нижегородский Приказ общественного призрения через 45 лет, к 1826 г., умножил свои капиталы почти до миллиона рублей (до 854545 руб. 85 коп.). В том году доходы Приказа на 21900 руб. превзошли его расходы! А к 1861 году активы достигли 4 млн. руб. (3991232 руб.)! Это же был буквально сказочный результат! Вот что означает даже копейка в умелых руках! Видимо, не зря говорится, что копейка рубль бережет [10, л. 1–15].

Для оперативности и удобства контроля приказ разделил свои капиталы на семь разрядов. Разряд первый составили собственные капиталы приказа, за счет которых он содержал себя и все свои заведения. Средства эти слагались из государственных ассигнований и процентов с капиталов других разрядов. В 1859 г. первый разряд располагал капиталом в 350598 руб. [11, л. 145].

Капиталы второго разряда слагались из сумм специального назначения, внесенных в Приказ на бессрочное и вечное хранение. Так, в 1814 г. 5000 руб. положил арзамасский купец И. Попов на вечное обращение из процентов. В 1820 г. на таких же условиях положил 20200 руб. статский советник (гражданский чин V класса, равный бригадному генералу) М. Бессонов. В 1828 г. этим примерам последовал титулярный советник (чин IX класса, равный капитану) Кульчинский, открывший счет на 184 тыс. руб. Душеприказчица купца Костромина положила 25 тыс. руб. для выплаты процентов с них четырем бедным семействам по завещанию купца. И она же положила 15 тыс. руб. на устройство больницы в память покойного завещателя. В 1837 г. 1000 руб. внесла крестьянка Ф. Андрианова из Чистопольского удельного приказа (волости) Семеновского уезда в пользу Крестовоздвиженского женского монастыря. В 1839 г. 565 руб. поступило от дворянской опеки Ардатовского уезда (выручка от продажи имения покойного Ф. Стремоухова). А нижегородский уездный суд поместил 2555 руб., полученных за дом бывшей купчихи М. Ряхиной. На счетах этого разряда хранился капитал нижегородского училища детей канцелярских служащих, который в 1852 г. исчислялся в 31070 руб. 31¼ коп. серебром. В последний год работы приказа (в 1865 г.) на счет этого разряда

положил 5714 руб. коллежский ассессор (чиновник VIII класса) Колосков. В результате таких активных действий и благоприятных условий для клиентуры общий капитал второго разряда к 1859 г. достиг 445400 руб. [8, л. 13].

Третий разряд капиталов приказа состоял из сумм, «временно обращавшихся» в приказе. Начинался он с 1649 апелляционных рублей, перечисленных в 1805 г. Нижегородской казенной палатой. В 1806 г. 1010 руб. таких же денег перечислил Арзамасский уездный суд. Следовательно, капитал этого разряда формировался из пересылочных и апелляционных сумм, переводившихся через приказ, из всевозможных пошлин, взимавшихся за жалобы и другие деловые бумаги. Сюда же зачислялись и комиссионные сборы по судебным искам, сборы при заключении деловых соглашений. Например, в 1840 г. арзамасский купец И. Попов внес 648 руб. пошлины за дом, купленный с аукциона. Такую же пошлину в 425 руб. 71¼ коп. серебром уплатил помещанин Н. Котельных за дом, купленный у Т. Телехова. В тот же 1840 г. на счет этого разряда поступили 3977 руб. 80 коп. из нижегородского сиротского суда, взысканных полицией г. Рыбинска с купца И. Комарова. В 1850 г. этот разряд получил 14513 руб. пересылочных денег, а в 1859 г. – еще 12754 рубля таких же денег. Касса этого разряда существенно пополнилась в 1856 г., когда на его счета было перечислено 145247 руб. процентов с других разрядов Приказа. В общем, этот скромный на вид разряд, собиравший «крохи» по принципу «птичка по зернышку клюет и сыта бывает», постепенно наращивал свою силу, и к 1859 г. его капиталы составляли уже 290566 руб. 35 коп. [12, л. 23, 24].

Разряд четвертый составляли вклады различных организаций и учреждений для «приращения капитала» путем процентов. Начинался он скромно, с 45 руб. 10,5 коп., а к 1859 г. вырос до 308876 руб. 85 коп. Преобладали в нем исковые суммы различных учреждений. Например, в 1846 г. таковых насчитывалось 174717 руб. 78,5 коп. Своим вкладчикам разряд выплачивал различные проценты, (от 3 % до 9 %), в зависимости от условий вкладов. Так, дирекция Нижегородского народного училища в 1839 г. открыла счет на 5714 руб. «для обращения из процентов». Видимо, условия ее устраивали, и в 1840 г. она добавила еще 6000 руб. За училищем народным потянулись учебные заведения военные: в 1845 г. открывает свой счет на 32286 руб. 85 коп. Нижегородский кадетский корпус, и на 30465 руб. – Московский кадетский корпус. Видимо, отлично работал нижегородский Приказ общественного призрения, если за его услугами потянулись москвичи! [13, л. 50].

Самым богатым был разряд пятый, на счетах которого концентрировались вклады частных лиц. Приказ всемерно привлекал частную кли-

ентуру. Капиталы этого разряда нарастали быстрее других. К 1859 г. они приблизились к трем миллионам (2940508 руб. 11,5 коп. серебром), что составило почти половину всех капиталов Приказа – 47 %! [14, л. 60].

Вкладчиками были люди разных сословий и состоятельности, потому что Приказ занимал демократическую позицию, не страдал сословной ограниченностью. Для удобства вкладчиков, при Приказе общественного призрения работала сберегательная касса [15, л. 20–21].

В 1839 г. «дворовая женка» вотчины князя Черкасского из сельца Межуйки Семеновского уезда Устинья Романова положила «для обращения из процентов» 4000 руб. 50 коп. В том же году и с той же целью внес 4295 руб. 71¾ коп. опекунский совет малолетнего купеческого сына И. Карасева. Этому доброму примеру в том же 1839 г. последовала солдатская вдова Акулина Петрова, доверив этому банку 256 руб. серебром. За ней последовал крестьянин Печерской слободы Дмитрий Мельников, внесший «для обращения из процентов» 286 руб. [13, л. 38, 54, 55, 77–78].

Очень любопытна социальная структура вкладчиков этого разряда. Из дворян их всего двое: в 1840 г. дворянский счет на 3150 руб. открыл действительный статский советник (гражданский чин V класса), председатель уголовного суда Нижегородской губернии Карл фон Ребиндер, и 700 руб. серебром положила девица из дворян Н. Короткова [4, л. 72]. Видимо, дворянам нечего было положить в сберкассу. Они найдут в приказ общественного призрения с другой стороны, как просители кредитов.

Столь же скромно было представлено в кассе этого разряда и купечество. В 1839 г. открыл счет на 4295 руб. 71¾ коп. серебром опекунский совет малолетнего купеческого сына И. Карасева. А в 1848 г. 919 руб. 78¼ коп. серебром положил нижегородский сиротский суд на имя дочери умершего купца П. Свешникова, Александры, «для обращения с процентами» [11, л. 145]. Как видно, купеческое участие было не прямым, а опосредованным, через суды и опекунов.

Услугами сберкассы приказа общественного призрения активно пользовалась Нижегородская удельная контора, когда ею управлял В.И. Даль. В 40-е гг. XIX в. удельные крестьяне собирали деньги на строительство каменных амбаров для хранения общественного хлеба. И эти средства хранили на лицевых счетах Приказа. В 1848 г. для этой цели было положено несколько вкладов на общую сумму в 2437 руб. 50 коп. [16, л. 9, 30, 31, 36].

Но основными клиентами сберкассы приказа были крестьяне и мещане. Так, крестьянин деревни Истомино, вотчины помещика М.С. Богуславского, в 1840 г. открыл счет на 286 руб., а потом добавил

еще 572 руб. 1130 руб. доверила приказу московская мещанка Анна Ветрова. Нижегородский приказ интенсивно собирал народные сбережения буквально по копейкам. Так, дворовая девушка господ Турчаниновых, Пелагея Филиппова, в 1845 г. вложила 100 руб., а потом добавила еще 70 руб. 61 коп. Дворовый мальчик госпожи Юдиной, С.Я. Алексеев, в 1845 г. открыл счет на 30 руб. серебром, а потом, в 1852 г., добавил к ним еще 40 руб. 10 коп. Подобным образом поступил и рядовой солдат нижегородского батальона М. Уланов. В 1845 г. он внес 50 руб., в 1848 г. добавил 56 руб. Так же поступил крестьянин села Спасского Глазов. В 1845 г. он завел счет на 24 руб. 41 коп., а в 1860 году положил на него еще 43 руб. 60 коп. Таким примерам последовала вятская мещанка Анисья Трушкова. Сначала она открыла счет на 1000 руб., а потом увеличила его еще на 1516 руб. Много вкладов было анонимных, на суммы от 40 до 2000 руб. [17, л. 2–72].

Вот так, буквально по копеечкам, собирал приказ общественно-го призрения народные деньги, обращая их в мощный капитал. Он даже кружечный сбор практиковал, но последний оказался малоэффективным – принес всего 56 рублей и 33 копейки [18, л. 39–41].

Капиталы шестого разряда выделились из разряда третьего, откуда были изъяты деньги пересылочные, образовавшие самостоятельный разряд. А в третьем разряде остались только суммы апелляционные. Пересылочных денег оказалось немало, в 1845 г. они составляли капитал в 1128899 руб. 30¼ коп. серебром.

Разряд седьмой был образован в самом конце существования приказа общественного призрения, в 1859 г., первоначально – в сумме 106445 руб. 80 коп. Он был мерой вынужденной. В него зачислялись все суммы из других разрядов, подлежавшие передаче их комиссии погашения долгов. Приказ вынужден был учредить такую комиссию, потому что далеко не все его заемщики аккуратно и вовремя возвращали долги. Пришлось выделить такие деньги в особый разряд и взыскивать задолженность принудительно. К 1861 г. такие долги равнялись 417389 руб. 30 коп. [14, л. 63]. Дело в том, что к финансовому источнику приказа охотно припадали тогда все, нуждавшиеся в кредитах. И прежде всего «благородное дворянство», проматывающее свои родовые имения. Почин положили известные нижегородские вельможи князя Грузинские. В 1827 г. глава этого спесивого рода, Георгий Александрович Грузинский, позаимствовал в приказе 2342 руб. 85,5 коп. серебром на 26 лет под залог 41-й крепостной души деревни Кудрино Нижегородского уезда. Но с возвратом кредита не справился. Более того, в 1852 г. вымолил новый кредит в 342 руб. 85,5 коп. серебром под залог шести подросших мальчиков из той же деревни. Его примеру

последовал сын, Иван Георгиевич, который в том же 1827 г. заложил в приказе 38 крепостных села Большое Терюшево Нижегородского уезда за 2171 руб. 42¾ коп. в серебре [19, л. 156].

В 1834 г. за ними последовала подполковница княгиня Прасковья Грузинская, заложившая за 742 руб. 85 коп. 13 крепостных деревни Санниково Балахнинского уезда. За князьями Грузинскими в карман приказа общественного призрения потянулся граф Сергей Толстой, заложивший 22 души села Ключищи Васильского уезда за 1257 руб. 15 коп. Губернский секретарь В.К. Балакирев в 1837 г. позаимствовал в Приказе 1470 серебряных рублей под залог 21-й ревизской души села Вазьянка Васильского уезда. Подпоручик Д.Р. Остафьев в 1840 г. за 7000 руб. заложил 100 крепостных деревни Погибловка Княгининского уезда. Коллежский ассессор Е.Е. Эвениус в 1841 г. за 1080 руб. заложил 15 душ сельца Белево Ардатовского уезда. В 1848 г. помещик Алексей Рафаилович ² за 9800 руб. заложил 140 душ селений Большое и Малое Доскино Балахнинского ³ уезда. В 1847 г. 1500 руб. позаимствовала поручица А.В. Гулина. А подпоручик Огородников в том же году одолжил на 1600 руб. В 1856 г. вдова коллежского секретаря Л.Н. Попова под залог 29 душ сельца Малые Мякуши Горбатовского уезда, запросила 2080 руб. [20, л. 22, 62, 63, 115, 164–165].

Так же поступила княгиня С.П. Чегодаева. «На основании Устава кредитных установлений, – обращалась она в мае 1845 г. к Приказу общественного призрения, – прошу выдать мне в заем на 26 лет серебром 20250 рублей под залог имения с крестьянами в числе 175 душ мужского пола, с женами и детьми, с внучатами и приемышами обоего пола, с наличными и беглыми, и со всем их и господским строением, с пожитками и со скотом, с пашенною и непашенною землею, с лесом и санными покосами и всякими угодьями, сколько по писцовым и отказным книгам, по дачам, межеванью и по всяким крепостям и сделкам к сему имению принадлежит и за мною состоит». И приказ ей ссуду выдал, а княгиня ее постепенно погашала [21, л. 1].

Кредиты подразделялись на краткосрочные, от одного года до восьми лет, и долгосрочные, от 26 лет и даже до 48 лет. Естественно, что дворяне предпочитали кредиты долгосрочные [22, л. 9].

В качестве залога засчитывались не все крепостные, а лишь души ревизские, то есть мужские, а женская и детская часть крестьянских семей шла бесплатным приложением таких залогов.

² Вероятно, имеется ввиду помещик А.Р. Остафьев.

³ Правильно – Нижегородского.

Кредитовались в приказе общественного призрения и представители других сословий. В 1837 г. жена нижегородского священника Зинаида Добролюбова позаимствовала 1428 руб. на 26 лет под залог своего дома. То же сделала купчиха А.Л. Барышева, получив под свой залог 857 руб. В 1839 г. получил кредит в 2857 руб. генерал-майор А.Ф. Махотин. Мещанин А. Пуговкин в 1841 г. получил кредит в 1714 руб. Отставной трубач в 1844 году получил кредит в 300 руб. сроком на 12 лет. А удельный крестьянин Яков Королев в 1845 г. с помощью В.И. Даля, управлявшего тогда Нижегородской удельной конторой, сумел добиться кредита в 1650 руб. Учитель Арзамасского приходского училища В.Ф. Смирнов в 1846 г. взял кредит в 1000 руб. Купеческая вдова Авдотья Олисова в 1845 г. сумела получить кредит в 2000 руб. [23, л. 5]. В 1847 г. цеховой Я. Шапашников выхлопотал кредит в 800 руб. А дворовый человек помещика Белокрыльцева из Сергачского уезда сумел взять кредит в 300 руб. На такую же сумму кредитовался дьячок В. Виссарионов [22, л. 9]. В 1847 году купеческая жена Анна Барышева получила кредит в 2800 руб. на 26 лет. На такой же срок было выдано 1500 руб. поручице А.Н. Гулиной. А дьякона А. Виноградова кредитовали на 400 руб. на 12 лет. В 1848 г. получил кредит в 1600 руб. на 26 лет подпоручик Огорелков. В том же году на такой срок на 600 руб. кредитовался губернский секретарь Дмитрий Травин [24, л. 135–138]. Даже городская дума в 1836 г. позаимствовала у приказа 300 тыс. руб. «на устройство Нижнего Новгорода» [7, л. 59–60]. Как видно, очень полезным для Нижнего оказался этот невзрачный на вид и по названию «приказик»!

Так что это скромное на вид заведение оказалось золотым источником для нижегородцев. Его рентабельная работа позволяла ему достойно оплачивать своих сотрудников. В 1847 г. руководитель приказа, «непременный член» Шрейдер, получал годовой оклад в 560 руб. и 340 руб. столовых. Бухгалтер – 275 руб. оклада и 125 руб. квартирных, секретарь – 240 руб. оклада и 125 руб. «на жилье». Весьма достойно оплачивались школьные учителя, опекаемые приказом. Их годовые оклады варьировались в пределах 150–300 руб.! И все это исчислялось в серебряном номинале, который, напомним, в 3,5 раза превышал номинал ассигнационный, то есть бумажный. Нашим бы современным педагогам такой номинал!

Учитывая разные возможности заемщиков вернуть кредиты, приказ отдавал предпочтение кредитам краткосрочным. В 1826 г. они составляли 52 % кредитных ссуд приказа. Такими кредитами пользовались, в основном, чиновники, мещане и крестьяне. А дворяне предпочитали кредиты долгосрочные, да и с ними плохо справлялись. Но

приказ общественного призрения, находясь на службе государства дворянского, вынужден был потакать помещикам, выдавая им кредиты сроком до 42 лет. А такие заемщики погашали кредиты медленно и неисправно. В результате к 1859 г. за ними накопилась огромная задолженность в 1281101 руб. 76 коп. серебром [2, л. 2].

Большая часть просроченных кредитов приходилась на залоги крепостных крестьян (свыше 80 %). Вот и вынужден был приказ учреждать специальную Комиссию погашения долгов заемщиков, чтобы как-то решить эту наболевшую проблему [14, л. 79].

Скромное по названию изобретение государственной реформы Екатерины II оказалось мудрым и дальновидным, а руководители Нижегородского приказа общественного призрения проявили изумительную оперативность, высокий профессионализм и хозяйскую мудрость, благодаря чему превратили это поначалу малозаметное заведение в мощный финансово-кредитный источник развития Нижегородского края, который до самого конца работал рентабельно.

С отменой крепостного права и учреждением земской системы местного самоуправления приказы общественного призрения оказались «пережитком» феодализма и были упразднены. В 1862 г. в Нижнем Новгороде было закрыто специальное учебное заведение для детей канцелярских служащих, опекавшееся местным приказом. Детей старших классов из него, для завершения обучения, перевезли в Пензу, с оплатой по 10 руб. в месяц за каждого. А здание училища, размещавшегося в бывшей казарме арестантской роты, за ветхостью, было продано. Купил его за 3325 руб. удельный крестьянин Н.Е. Макаровский, подельник П.Е. Бугрова [25, л. 33].

Вся «социалка», опекавшаяся приказом, перешла в земские руки. Передача школ, больниц, богаделен и прочих социально-значимых заведений прошла безболезненно. А вот с большими капиталами, накопленными рачительными работниками приказа, дело осложнилось. Суммы исчислялись миллионами: на счетах приказа значилось более двух млн. руб. (2485711 руб. 76 коп.). И земство Нижегородской губернии добивалось передачи этих денег ему, потому что именно на него легли все хлопотливые заботы о «социалке». Казалось бы, логично и справедливо. И нижегородский приказ пытался это сделать. Но министерство внутренних дел распорядилось переадресовать эти средства губернским казенным палатам.

Источники и литература

1. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО).
Ф. 96. Оп. 1. Д. 70.
2. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 2. Д. 13.
3. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 2. Д. 93.
4. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 2. Д. 591а.
5. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 287.
6. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 39а.
7. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 156.
8. ЦАНО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 325.
9. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 1591. Д. 56.
10. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 38.
11. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 80.
12. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 116.
13. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 92.
14. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 232.
15. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 97.
16. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 140.
17. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 192а.
18. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 56.
19. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 170а.
20. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 293.
21. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 119.
22. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 199.
23. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 247.
24. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 177а.
25. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 2. Д. 248.

«Человек на своем месте...»: к юбилею Л.Е. Кудриной

Л.П. Селезнева, Л.Ю. Мишина

Людмила Евгеньевна Кудрина родилась в 1957 г. в семье сельских интеллигентов. Как дочь учительницы с книгой она подружилась очень рано. Тогда, будучи скромной деревенской девчужкой, она даже не могла предположить, что будет жить в огромном городе и работать в библиотеке с миллионными фондами.

Бывало, зачитываясь очередной книжкой, она пряталась под одеяло с фонариком, чтобы мама не ругала, что завтра рано вставать в школу. Благодаря этой детской любви к книге Л.Е. Кудрина стала профессионалом высочайшего класса.

После окончания школы Людмила Евгеньевна поступила на историко-филологический факультет Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, который с успехом закончила, получив диплом филолога. Больше всего ей нравились лекции знаменитого нижегородского пушкиниста профессора В.А. Грехнева. И уже работая в Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеке им. В.И. Ленина, она стала главным пушкинистом библиотеки, автором целой серии библиографических указателей «Пушкин и Нижегородский край».

В Ленинку она пришла сразу со школьной скамьи, совмещая работу с учебой. Первым местом ее работы стал отдел основного книгохранения. Здесь Людмила впервые повстречалась с книгой, в прямом смысле этого слова. Огромные фонды завораживали, она зачитывалась разнообразной, качественной литературой.

Любимый ее жанр – мемуары. Поражаешься способности Людмилы Евгеньевны помнить тончайшие детали жизни известных людей (писателей и поэтов, режиссеров и актеров). Складывается впечатление, что этих людей она знала лично.

Людмила Евгеньевна сама мастерски владеет пером. Может профессионально написать рецензию, обзор, предисловие к библиографическому указателю, статью в научный сборник.

Решив навсегда связать свою жизнь с библиотекой, она получила второе высшее образование, окончив Московский государственный институт культуры по специальности «Библиографоведение». И, работая в информационно-библиографическом отделе под руководством тогдашней заведующей отделом Елены Александровны Муравьевой, она оттачивала свой талант, направляя его в русло профессии. Как библиограф Людмила Евгеньевна ведет едва ли не самую сложную отрасль – «Литературоведение» и «Языкознание». А в то время, еще до Интернета, когда отыскать информацию было непросто, многие студенты находили необходимую им литературу в ее разделе каталога и благодарили Людмилу Евгеньевну за кропотливый труд. А кое-кто даже захотел здесь работать, пока писал диплом о символике цвета в творчестве Сергея Есенина.

Другая ее страсть – краеведение. Людмила Евгеньевна многие годы является бессменным секретарем краеведческих чтений, она действительный член общества «Нижегородский краевед». Ее любовь к краеведению подтверждается активным участием в различных краеведческих проектах, здесь она относится к делу не формально, а вкладывает частицу своего сердца. На сегодняшний день Людмила Евгеньевна Кудрина является автором многих краеведческих статей, стоит во главе библиографии нижегородского литературного краеведения. Помимо уже упомянутого библиографического указателя «Пушкин и Нижегородский край», она является соавтором указателя о П.И. Мельникове-Печерском; при ее активном участии был подготовлен указатель «А.П. Чехов и Нижегородский край». В 2012 г. за указатель о Чехове в составе авторского коллектива Людмила Евгеньевна была удостоена премии Нижегородской области имени А.М. Горького в номинации «Культурно-просветительская деятельность». А в 2014 г. за библиографический указатель «П. И. Мельников-Печерский: жизнь и деятельность» – премии Нижнего Новгорода в номинации «Краеведение».

Статьи Л.Е. Кудриной украшают такие краеведческие издания, как «Записки краеведов», «Нижегородский краевед», «Жизнь провинции – феномен духовности», «Горьковские чтения», «Панорама библиотечной жизни области» и др.

Ее труды получили высокую оценку российских литературоведов и историков. Литературный музей Пушкина на Мойке (Санкт-Петербург) высоко оценил ее работу «А.С. Пушкин и Нижегородский край», а Зиновьевский клуб (Москва) пригласил к сотрудничеству.

За добросовестный труд, преданность делу и профессионализм Людмила Евгеньевна неоднократно награждалась грамотами и благодарностями федерального и регионального уровней: Почетной грамо-

той Министерства культуры РФ, Почетной грамотой Российской библиотечной ассоциации, Почетными грамотами Министерства культуры Нижегородской области, благодарственными письмами администрации НГОУНБ им. В.И. Ленина.

Являясь специалистом высочайшего класса в области литературоведения и краеведения, в жизни она весьма скромный и трогательный человек, обладающий редкими душевными качествами. При общении с ней ощущаешь всю теплоту ее большого сердца. Людмила Евгеньевна тонко чувствует, что нужно сказать собеседнику, чтобы он поверил в свои силы или, чтобы не унывал, чтобы взял хорошую книгу, которая поможет ему справиться с проблемами. А уж как она любит братьев наших меньших! Про них она знает все. И совершенно не обязательно тратить огромные деньги и нести своего котика к ветеринару, если бок о бок с тобой работает Людмила Евгеньевна. Она даст бесплатный и самый дельный совет!

Поздравляя Людмилу Евгеньевну с юбилеем, мы надеемся увидеть ее новые публикации, желаем ей реализации всех творческих планов, крепкого здоровья и новых краеведческих открытий.

Публикации Л.Е. Кудриной

1. П.И. Мельников-Печерский. Жизнь и творчество: библиогр. указ. / Нижегород. гос. обл. универс. науч. б-ка им. В. И. Ленина [сост.: Л.Е. Кудрина, Л.П. Селезнева]. – Нижний Новгород: РИО НГОУНБ, 2013. – 224 с.

2. А.С. Пушкин и Нижегородский край: библиогр. указ.: [вып. 1] / Нижегород. гос. обл. универс. науч. б-ка [сост. Л.Е. Кудрина]. – Нижний Новгород: НГОУНБ, 1998. – 133 с.

3. А.С. Пушкин и Нижегородский край: библиогр. указ.: [вып. 1] / Нижегород. гос. обл. универс. науч. б-ка им. В. И. Ленина [сост. Л.Е. Кудрина; вступ. ст. Н.М. Фортунатова]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Нижний Новгород: НГОУНБ, 2009. – 223, [1] с.

4. А.С. Пушкин и Нижегородский край: библиогр. указ.: вып. 2 / Нижегород. гос. обл. универс. науч. б-ка им. В. И. Ленина [сост. Л.Е. Кудрина]. – Нижний Новгород: НГОУНБ, 2015. – 52 с.

5. А.П. Чехов и Нижегородский край : библиографический указатель / Нижегород. гос. обл. универс. науч. б-ка [сост. Л.П. Селезнева, при участии Л.Е. Кудриной, О.А. Галкиной; отв. за вып. И.Д. Петрова]. – Нижний Новгород : РИО НГОУНБ, 2010. – 79 с.

6. Библионочь-2015 // Панорама библиотечной жизни области: опыт, новые идеи, тенденции развития. – 2015. – № 2. – С. 38–39.

7. Горьковская тематика в докладах «Краеведческих чтений» 2000–2011 гг. (краткий обзор) // Максим Горький и Россия (Горьковские чтения –

2012, 28–29 марта: материалы XXXV Междунар. науч. конф.). – Нижний Новгород: Бегемот, 2014. – С. 531–538.

8. Звезда нижегородского краеведения / О.А. Кузнецова, Л.Е. Кудрина // Панорама библиотечной жизни области: опыт, новые идеи, тенденции развития. – 2011. – № 1. – С. 75–77.

9. Информационно-библиографический отдел в прошлом и настоящем (1930–2010 гг.) // Панорама библиотечной жизни области: опыт, новые идеи, тенденции развития. – 2010. – № 4. – С. 19–23.

10. К истории Катакомбной церкви Нижегородского края: по личным воспоминаниям и документам // Нижегородский краевед: сб. науч. ст. – Нижний Новгород, 2015. – Вып. 1. – С. 131–151.

11. К 140-летию со дня рождения А.М. Горького // Панорама библиотечной жизни области: опыт, новые идеи, тенденции развития. – 2008. – № 1. – С. 46–48.

12. Краеведческие чтения 2004–2005 гг.: краткий обзор // Записки краеведов [2006]: очерки, воспоминания, статьи, хроника. – Нижний Новгород: Книги, 2006. – Вып. 11. – С. 354–356.

13. Краеведческие чтения 2006–2007 годов: краткий обзор // Записки краеведов [2008]: очерки, воспоминания, статьи, хроника. – Нижний Новгород: Книги, 2008. – Вып. 12. – С. 348–354.

14. Краеведческие чтения 2008–2009 годов: краткий обзор // Записки краеведов [2010]: Нижегородская обл.: очерки, воспоминания, статьи, хроника. – Нижний Новгород: Книги, 2010. – Вып. 13. – С. 315–318.

15. Краеведческие чтения 2010–2011 годов: краткий обзор // Записки краеведов [2013]: Нижегородская область: очерки, воспоминания, статьи, хроника. – Нижний Новгород: Книги, 2013. – Вып. 14. – С. 340–346.

16. Краеведческие чтения 2012–2014 годов: краткий обзор // Нижегородский краевед: сб. науч. ст. – Нижний Новгород, 2015. – Вып. 1. – 2015. – С. 183–190.

17. Литературное краеведение в библиографическом отражении / Л.Е. Кудрина, Л.П. Селезнева // Жизнь провинции как феномен духовности: Всерос. конф. с междунар. участием, 11–13 нояб. 2010 г. – Нижний Новгород: Книги, 2011. – С. 100–107.

18. Муравьева Елена Александровна (1937–2011): к 75-летию со дня рождения / Л.Е. Кудрина, И.Д. Петрова // Панорама библиотечной жизни области: опыт, новые идеи, тенденции развития. – 2012. – № 2. – С. 41–49.

19. Обзор докладов «Краеведческих чтений» 2015 – первой половины 2016 года // Нижегородский краевед: сб. науч. ст. – Нижний Новгород, 2016. – Вып. 2. – С. 235–243.

20. «...Оживить мертвый капитал архивных документов»: эпизод литературной жизни 1930-х годов // Записки краеведов [2013]: Нижегородская область: очерки, воспоминания, статьи, хроника. – Нижний Новгород: Книги, 2013. – Вып. 14. – С. 114–118.

21. «А.С. Пушкин и Нижегородский край» // Панорама библиотечной жизни области: опыт, новые идеи, тенденции развития. – 2009. – № 3. – С. 55–58.

22. «Счастье – это знать, что делать...»: к юбилею Л. И. Шиян // Нижегородский краевед: сб. науч. ст. – Нижний Новгород, 2016. – Вып. 2. – С. 225–228.

23. У заветной двери: [к юбилею зав. ИБО И.Д. Петровой] // Нижегородская правда. – 2015. – 27 авг. – С. 8. – (Голос ветерана, № 31).

ИЗ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА «НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЕВЕД»

ОТЧЕТ

правления общества «Нижегородский краевед» о деятельности в 2016 году

*Ф.А. Селезнев,
председатель общества*

По итогам 2015 г. общество «Нижегородский краевед» насчитывало 87 членов. На 31 декабря 2016 г. их число составило 114 человек. Таким образом, за отчетный период состав общества вырос на четверть. Еще 11 кандидатам прием в общество был отложен, им предложено предметно рассказать о своей краеведческой деятельности.

К началу 2017 г. в обществе состояло: 6 почетных членов, 19 действительных членов, 89 членов-корреспондентов.

В правление общества входят: председатель (Ф.А. Селезнев), заместитель председателя (И.Г. Горностаева), секретарь (А.А. Сорокин).

В 2016 г. в состав общества включена первичная организация Воскресенского района, учрежденная 19 апреля 2016 г. (председатель И.А. Сучков). Таким образом, в 2016 г. в составе общества были четыре первичные организации: Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Ковернинского, Воскресенского и Сокольского районов.

В 2015 г. по итогам встречи в Москве председателя общества «Нижегородский краевед» Ф.А. Селезнева с председателем Союза краеведов России В.Ф. Козловым была достигнута договоренность о вступлении общества «Нижегородский краевед» в Союз краеведов России в качестве коллективного члена. В Союз краеведов России были отправлены все необходимые для этого документы. 1 марта 2016 г. Совет Союза краеведов России постановил принять в состав Союза в качестве коллективного члена общество «Нижегородский краевед» и создать на его базе региональное отделение Союза краеведов России.

Основная форма работы общества в 2016 г. – организация краеведческих чтений на базе Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки. Чтения проводились с сентября по

май включительно в каждую последнюю среду месяца. В программу каждых чтений включались три доклада ведущих нижегородских краеведов. В 2016 г. впервые были определены лучшие выступления на краеведческих чтениях за прошлый (2015) год. Члены общества и посетители чтений должны были отметить три лучших доклада. Больше всех голосов (10) получило выступление Александра Николаевича Рябова («Юлий Лазаревич Кетков – первый программист Нижнего Новгорода»). Выступление Виктора Александровича Гурьева «Проза Н.С. Власова-Окского» набрало 5 голосов, выступление Анны Борисовны Дрожжиной «История одного сормовского дома в судьбах его обитателей» – 4 голоса.

Общество имеет свой печатный орган – ежегодник «Нижегородский краевед». В 2016 г. вышел второй выпуск сборника.

Согласно Уставу общества «Нижегородский краевед», одна из его главных задач – вовлечение в краеведческую работу студентов и школьников. Для выполнения этой задачи был проведен III конкурс молодых историков-краеведов. В 2016 г. он был посвящен памяти Ф.В. Васильева (1946–2003) – историка, этнографа, доцента исторического факультета ННГУ.

Мероприятие организовали общество «Нижегородский краевед» в лице первичной организации ИМОМИ и Центр краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ. В конкурсе приняли участие студенты и аспиранты ИМОМИ ННГУ и факультета гуманитарных наук Мининского университета. 25 мая 2016 г. в Белом зале Нижегородской областной библиотеки была организована выставка трудов Ф.В. Васильева. О нем рассказали его бывшие студенты А.Л. Корнилова и Ф.А. Селезнев. Здесь же состоялось награждение победителей III конкурса молодых историков-краеведов. Победителями конкурса стали аспиранты ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского *А.В. Акифьев* (тема работы «Производство алкогольных напитков в Нижегородской губернии во второй половине XIX века по материалам статистики») и *М.А. Иванов* (тема работы «Нижегородское купечество во второй половине XIX – начале XX века»). Второе место заняли студенты ИМОМИ *А.С. Бобров* (тема работы «Приходские училища Нижнего Новгорода и Нижегородского уезда до реформ 1860-х годов») и *С.А. Алексеев* (тема работы «Содействие населения Российской империи национально-освободительному движению балканских народов в 70-е годы XIX века (по материалам Нижегородской губернии)»). Третье место разделили студентка факультета гуманитарных наук Мининского университета *Ю.М. Веселкова* (тема работы «Три капитана: героизм и фронтовое братство в годы Первой мировой войны») и студентка ИМОМИ *К.А. Берсене-*

ва (тема работы «Из глубины пресных вод. К истории возникновения озера у с. Дедово Навашинского района Нижегородской области: местные предания и фольклор»).

Силами первичной организации ИМОМИ общество вело пропаганду краеведческих знаний в средствах массовой информации, в том числе в интернете. В социальной сети «ВКонтакте» действует официальная группа общества «Нижегородский краевед» (<https://vk.com/club59276051>). На 31 декабря 2016 г. у нее насчитывалось 830 подписчиков (в 2015 г. – 530, в 2014 г. – 237). Ежедневно страницу посещают в среднем 22 человека (в 2015 г. – 17) из Нижнего Новгорода, других городов и районов Нижегородской области, Москвы, Санкт-Петербурга и иных регионов России, а также из Украины, Германии, США и прочих стран. На странице сообщества сообщается о краеведческих мероприятиях, выходе новых краеведческих изданий, происходит их обсуждение, размещаются оцифрованные книги, фотографии, видеозаписи.

Совместно с Волго-Вятским филиалом Государственного Центра современного искусства (Арсенал) был продолжен цикл публичных лекций «800+. Новый взгляд на старый Нижний».

В 2016 г. общество вместе с Центром краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского провело конкурс «Лучшая книга 2015 г. по истории и культуре Нижегородского края». Церемония награждения лауреатов конкурса прошла 15 июня 2016 г. в НГОУНБ им. В.И. Ленина в рамках второй раз проводимого обществом праздника краеведческой книги.

Лауреатами конкурса стали следующие авторы.

В номинации «*Научная литература*» – *Е.Е. Грачева*, автор книги «Деревянные дома Нижнего. Архитектура деревянных и каменно-деревянных жилых домов Нижнего Новгорода XIX – начала XX вв.» (издательство «Кварц»).

В номинации «*Лучшая популярная книга*» – *С.В. Петряев* и *О.В. Орельская*, авторы книги «Улица Большая Покровская: прогулки во времени» (издательство «Бегемот»). Они были награждены почетными грамотами Министерства культуры Нижегородской области.

Городская дума Нижнего Новгорода в рамках подготовки к 800-летию города учредила номинацию «*Книга года о Нижнем Новгороде*». Победителем в ней стал альбом «Нижний Новгород сегодня» (издательство «Деком»). Его автор-составитель *Я.И. Гройсман* был удостоен почетной грамоты городской думы Нижнего Новгорода.

Лучшим продолжающимся изданием назван «Календарь памятных дат Нижегородской области на 2016 год» (составители *И.Г. Горностаева* и др.), изданный НГОУНБ им. В.И. Ленина. *И.Г. Горностаева* получила почетную грамоту Общественной палаты Нижегородской области. Награду вручил член Общественной палаты Нижегородской области генерал-лейтенант А.А. Меркурьев.

В номинации «Лучшая книга о народных промыслах и нижегородских мастерах декоративно-прикладного искусства» победила книга *В.П. Дейнеко* «Нижегородский автограф: декоративно-прикладное искусство Нижнего Новгорода конца XX века (1985–2000)» (издательство «Кварц»). Награждение провел генеральный директор Фонда развития народных художественных промыслов Нижегородской области Н.Г. Смирнов.

Нижегородская гильдия экскурсоводов признала самой полезной книгой для экскурсоводов и туристов книгу *С.В. Петряева* и *О.В. Орельской* «Улица Большая Покровская: прогулки во времени» (издательство «Бегемот»). Лауреатов поздравила президент Нижегородской гильдии экскурсоводов Е.П. Лещанова.

В номинации «Издательство, внесшее наибольший вклад в издание краеведческой литературы» победило издательство «Кварц».

Впервые было присвоено звание «Краевед года». Им, по решению правления общества «Нижегородский краевед», был назван *С.В. Петряев*, соавтор книги «Улица Большая Покровская: прогулки во времени» и редактор-издатель журнала «Провинциальная Россия».

Краеведов сердечно поздравили музыканты Нижегородского русского народного оркестра (художественный руководитель и главный дирижер народный артист России профессор В.А. Кузнецов, директор – заслуженный артист России В.Д. Гордеев), которые порадовали гостей праздника виртуозным исполнением произведений современных композиторов, работающих в жанре народно-оркестрового искусства.

В 2016 г. обществом была продолжена акция «Нижегородские краеведы – школьным и районным библиотекам», в ходе которой библиотекам от членов общества проводится передача краеведческой литературы. Наиболее активно в акции участвовал член-корреспондент общества Сергей Петрович Карев.

Из отчета Ковернинской организации

В 2016 г. приоритетным направлением в краеведческой работе Ковернинской организации было участие в издании четвертого тома

книги «Край наш Ковернинский», а также в мероприятиях и выставках краеведческих материалов «Истории забытых деревень».

В 2016 г. была проведена XVI районная краеведческая конференция «Сильна держава глубинкой». В конференции приняли участие 100 человек, в том числе учащиеся школ района и студенты ГБПОУ «Сокольский техникум индустрии, сервиса и предпринимательства».

На конференции был представлен отчет заслуженного работника культуры РФ, члена президиума Совета ветеранов Ковернинского района И.С. Харичева «О работе Ковернинского отделения общества “Нижегородский краевед”». Традиционно оргкомитет подвел итоги краеведческой работы за 2015 г. и вручил награды от областного и районного общества краеведов. С приветственным словом к участникам конференции обратился глава администрации Ковернинского муниципального района О.П. Шмелев. Он вручил благодарственные письма администрации и Земского собрания активным краеведам района. Церемонию награждения продолжила помощник депутата Законодательного собрания Нижегородской области А.Ф. Лесуна Т.Г. Разуваева. Она вручила памятные подарки от депутатов ЗС НО А.Ф. Лесуна и М.В. Манухина.

При участии общества в библиотеках Ковернинского района были организованы следующие мероприятия:

- часы краеведения «О малой Родине узнаем больше»;
- медиапутешествие по церквям и монастырям Нижегородской области «Здесь Родины моей небесный свет»;
- уроки памяти «Нам героев этих, позабыть нельзя»;
- тематические вечера «Родной край – сердцу рай».

Районная организация наладила долговременное сотрудничество с Ковернинской районной библиотекой. На ее базе проводятся собрания краеведов. Библиотека, в свою очередь, оказывает обществу краеведов информационную и техническую поддержку. Так, в 2016 г. было подготовлено несколько совместных проектов: презентация «Залесная МТС: строки истории», презентация книги А.А. Балдина «Деревня моя, деревенька Малахово», презентация работы А.Ф. Нечаева «Авситидийские. История фамилии и рода». В 2016 г. в районной библиотеке ежеквартально проводились Осиповские краеведческие чтения. Они охватывают самые различные темы: «Знаменитые земляки», «Деревенька моя», «Моя родословная», «Обычаи, традиции, культура села».

Эколого-краеведческое направление успешно реализуется через экологические и познавательные викторины, творческие конкурсы, путешествия по родному краю. В течение 2016 г. по краеведческой

тематике проведено более 50 мероприятий с приглашением членов общества, оформлено 37 книжных выставок.

Библиотекари-краеведы занимаются поисковой деятельностью, привлекая к этой работе читателей. Материал оформляют в альбомы, папки-накопители. В каждой библиотеке можно найти альбомы по истории библиотеки, сел и деревень, судьбам земляков, по сохранению историко-культурного наследия края.

В своей работе первичная организация активно взаимодействовала с газетой «Ковернинские новости». Истории края, его деревень, судьбам знаменитых земляков, воинов-ковернинцев посвящены постоянная рубрика газеты «Краеведение», тематическая полоса с одноименным названием, а также фотоконкурсы.

В 2016 г. в газете вышел блок различных материалов, посвященных как истории земли ковернинской, так и людям, прославившим ее:

- подборка в рамках празднования 100-летия потребкооперации (история становления Ковернинского райпо);

- материалы о земляках, погибших на фронте и пропавших без вести, чья судьба стала известна только сейчас («Тиенхаара – последняя пристань», «Навеки девятнадцатилетний»);

- памяти ушедших деревень, история населенных пунктов района («Хутор Александровский»; «История деревень Малахово и Мокушино», «Мое село – моя история (Семино)»);

- фотоконкурс «Ковернинский край – вчера и сегодня».

В течение года краеведами района велась работа по сбору, обработке и систематизации краеведческого материала по темам:

- «Судьбы ковернинцев в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»;

- «Истории забытых деревень»;

- «История Ковернинского края»;

- «Знаменитые земляки».

Также проводились сбор и обработка материалов по истории хохломского промысла по направлениям:

- «Мастера деревообработки» (проведение встреч, составление биографических справок);

- «Именитые мастера промысла» (проведение встреч, сбор и обработка личных архивов, составление расширенных биографических справок, оформление материалов о мастерах хохломской росписи, имеющих почетные звания и государственные награды;

- «Такие нужные подсобные промыслы» (сбор и обработка материала по истории становления и развития подсобных промыслов в

племзаводе им. Ленина (д. Сухоноска), сбор материалов о людях, долгие годы работавших в подсобных промыслах – художественном цехе.

Состоялась очередная акция «История промысла в лицах» (проводится ежегодно в рамках месячника пожилых людей в октябре). В ее рамках организуются встречи, сбор материала и составление биографических справок о работниках – ветеранах, пенсионерах хохломского промысла.

В течение года было проведено 22 выставки, посвященных промыслу. Активно работает ветеранский актив по пропаганде краеведческих знаний и материалов. В лекторской группе состоит 18 человек. Проведено более 80 встреч со школьниками и населением. Редакторской группой Совета ветеранов собран богатейший материал по истории ветеранского движения. Издана книга «Достойны Памяти» к юбилею районного общества ветеранов.

Из отчета Сокольской организации

Членами Сокольской организации в 2016 г. была организована экскурсия на святой источник близ с. Солищи. Члены общества консультировали журналистов по вопросам истории Сокольского края, подбору материалов и документов краеведческого характера.

В отчетном году были опубликованы материалы по истории:

- создания и развития Сокольского молокозавода;
- здравоохранения в Сокольском районе;
- храмов Сокольского края.

Усилиями членов краеведческого общества дополнялся материал о земляках – защитниках Брестской крепости. Организована выставка в музее «Герои Бреста» и разработаны маршруты пеших экскурсий по главным улицам поселка.

Члены краеведческого общества принимали активное участие в районном конкурсе «Патриоты России» и заняли в нем призовые места.

Продолжается исследовательская работа по темам:

- «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.»;
- «История предприятий Сокольского района»;
- «История села Сокольское в XVI–XVIII вв.».

Обзор докладов краеведческих чтений второй половины 2016 – первой половины 2017 года

Л.Е. Кудрина

По традиции часть докладов была посвящена презентации краеведческих изданий. Свою новую книгу «*Полтора века нижегородской потребительской кооперации. 1868–2018*», представил известный специалист в области экономической истории А.П. Ефимкин (26 октября 2016 г.). О работе над «*Книгой памяти нижегородцев, павших в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.*» (Т. 1–18) рассказал ответственный секретарь издания С.Г. Антонов (28 декабря). Он напомнил, что в региональных списках павших – более четырехсот тысяч фамилий. Посвященные воину несколько строк зачастую являются итогом сложных разысканий и уточнений. К сожалению, не удастся полностью избежать ошибок. Тома с 14-го по 18-й – дополнительные, и работа по созданию «Книги памяти» продолжается. С.Г. Антонов подчеркнул ее огромную общественную и моральную значимость.

На январских чтениях 2017 г. состоялась презентация второго выпуска сборника «*Нижегородский краевед*». С кратким обзором содержания выступили его научный редактор Ф.А. Лезнев, а также краеведы – авторы сборника И.Г. Горностаева, Л.И. Шиян и А.Н. Лушин.

С большим интересом аудиторией была воспринята презентация книги «*Вяхиревы. Родовое древо за три века. 1686–2016 гг.*» (25 января 2017 г.). Над историей своего рода действительный член общества «Нижегородский краевед», журналист В.В. Вяхирев работал в течение многих лет. Рассказ о Вяхиревых, из века в век реализовавших незаурядный личностный потенциал, автор построил в тесной связи с историей края, с размышлениями о меняющемся времени. Особый интерес представляют страницы, посвященные деревне Борзовка, когда-то существовавшей на месте теперешней промзоны у Молитовского моста. Благодаря предприимчивости, настойчивости и везению Вяхиревы долго до отмены крепостного права не только сами получили правовой статус «вольных хлебопашцев», но и содействовали освобождению остальных жителей деревни. Книгу представляла Г.В. Вяхирева, вдохновительница и помощница автора в исследовательской работе. Супруги Вяхиревы — ветераны краеведческих чтений. Всегда интересны комментарии к выступлениям и вопросы, которые Галина Васильевна задает авторам докладов. На майских чтениях 2017 г. Галина Василь-

евна представила созданный при ее участии сборник краеведческих статей «*Сложим прошлое с настоящим*», содержащий воспоминания нижегородцев, членов краеведческого общества при совете ветеранов Нижегородского района Нижнего Новгорода. Большая часть тиража этой книги будет направлена в школьные библиотеки.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ННГУ им. Н.И. Лобачевского Ю.А. Изумрудов представил свою книгу «*Нижегородский поэт Иван Ермолаев. Портрет на фоне эпохи*» (29 марта 2017 г.). Самобытный поэт, близкий Сергею Есенину, Иван Ермолаев в 1920-е гг. играл видную роль в литературной жизни Нижнего Новгорода. Чрезвычайно интересна биография Ермолаева: ему довелось быть и кронштадтским повстанцем, и узником соловецких лагерей, и директором Горьковского завода шампанских вин в благополучные 1960-е.

Роскошно изданную «*Книгу о знаках страхования от огня (1827–1918)*» представила старший преподаватель ННГУ М.В. Моисеенко. Иллюстрации сопровождал обстоятельный текст (автор – В.Н. Борзых). Тема страхования соприкасалась со многими аспектами повседневной жизни нижегородцев XIX – начала XX века. По следам презентации, состоявшейся на декабрьских чтениях 2016 г., в Белом зале НГОУНБ им. В.И. Ленина, была открыта выставка по страховому делу, включающая книгоиздания из фондов библиотеки и артефакты – страховые доски из личной коллекции М.В. Моисеенко.

К 100-летию выдающего изобретателя Р.Е. Алексеева был представлен электронный ресурс, подготовленный сотрудницей отдела краеведческой литературы НГОУНБ О.Д. Пахиновой (28 декабря 2016 г.).

«*Нижегородские адреса Льва Владимировича Даля*» – так назывался доклад кандидата технических наук, доцента Арзамасского политехнического института (филиала) НГТУ им. Р.Е. Алексеева Н.А. Пакшиной (25 января 2017 г.). В 1866 г. Лев Владимирович приехал в Нижний Новгород в качестве служащего – он был назначен на должность сверхштатного техника Строительного отделения Нижегородского губернского правления. Поселился Л.В. Даль на Провиантской улице в усадьбе Погуляева. Усадьба меняла хозяев, но общая планировка сохранилась. Флигель дома существует до сих пор, а сам дом снесен. Еще одно место, связанное с именем Л.В. Даля – Дом военного губернатора. Здесь находилась художественная школа, в которой он преподавал.

2017 г. – канун 150-летия М. Горького. На мартовских чтениях был представлен доклад кандидата филологических наук, члена-корреспондента общества «Нижегородский краевед» Н.Ю. Толмачевой

«М. Горький и О. Каменская. К истории взаимоотношений». Ольга Юльевна Каменская — человек из нижегородского окружения писателя. Она является прототипом главной героини рассказа «О любви», ее черты угадываются и в ряде других персонажей Горького. Главным источником сведений о Каменской являются ее собственные воспоминания, а также воспоминания ее дочери и переписка с Горьким.

Писателю-нижегородцу был посвящен доклад заместителя директора Музея истории завода «Красное Сормово», члена Союза журналистов России М.Г. Финюковой «*Виктор Авдеев — самый сормовский поэт*» (26 октября 2016 г.). Маргарита Геннадьевна представила уникальный фотоматериал, рассказала о своих встречах с родными и близкими поэта. Авдеев умер в 1959 г., совсем молодым. Наиболее известное стихотворение, «Мне восемнадцать было под Москвой...», пережило память об авторе. Без упоминания имени Виктора Авдеева эти стихи звучат на мероприятиях, посвященных ветеранам Великой Отечественной войны. Иногда их приписывают Константину Симонову. М.Г. Финюкова представила книгу В. Авдеева «Я потомок рабочих, из Сормова...», подготовленную Музеем истории завода «Красное Сормово» и литературным объединением «Волга» и изданную при финансовой поддержке предприятия.

Искренним восхищением по отношению к объекту повествования был проникнут и другой доклад М.Г. Финюковой — «*Маргарита Рыбина — первая исполнительница песни “Сормовская лирическая”*» (22 февраля 2017 г.). Песня была заказана к столетию Сормовского завода, которое широко отмечали в 1949 г. Послевоенная эпоха ассоциируется не только с суровым бытом. Эти годы являются золотым веком советской художественной самодеятельности. Обладательница выдающихся вокальных данных, Маргарита Рыбина долгую жизнь проработала на заводе, но все свободное время посвящала песне. Подготовку к премьере «Сормовской лирической», ставшей музыкальным символом нашего города, исполнительница считала самым счастливым периодом своей жизни.

Тематика исследований А.Н. Лушина большей частью относится к нижегородской истории XIX в. В докладе «*Где находился поэт и сепатор Ю.А. Нелединский-Мелецкий осенью и зимой 1812 года*» (26 октября 2016 г.) А.Н. Лушин опроверг предположение о том, что среди москвичей, вынужденных в 1812 году стать гостями Нижнего Новгорода, был Ю.А. Нелединский-Мелецкий. В книге о В.Л. Пушкине, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей», есть упоминание о том, что в 1812 г. он общался с Ю.А. Нелединским-Мелецким. В воспоминаниях князя П.А. Вяземского есть информация о том, что осе-

ню 1812 г. Ю.А. Нелединский-Мелецкий вместе с семьей выехал в Вологду. Этот факт изучен вологодскими краеведами и имеет документальные подтверждения. Есть также подтвержденный факт, что осенью 1812 г. сенатор проезжал через Ярославль, что не вписывается в маршрут Москва – Нижний Новгород.

Доклад *«Новое о деятельности П.П. Кащенко в Нижнем Новгороде»* представили Ю.А. Сучков, главный врач Клинической психиатрической больницы № 1, и А.С. Карезин, заведующей музеем больницы (28 сентября 2016 г.). Это уже не первое обращение нижегородских краеведов к деятельности выдающегося русского психиатра. В докладе было рассказано об истории психиатрической помощи в Нижегородской губернии, а также показан видеофильм к юбилею психиатрической больницы.

В 2016 г. исполнилось сто лет со времени создания Школы художественной обработки дерева в г. Семенове. О становлении школы, с которой началось бытование хохломской росписи в г. Семенове, и ее организаторе, одаренном художнике Георгии Петровиче Матвееве рассказал Ф.А. Селезнев на сентябрьских чтениях 2016 года.

К нижегородской персоналии относится и доклад Ф.А. Селезнева *«Где в Нижнем Новгороде жил Кузьма Минин»* (30 ноября 2016 г.). Докладчик рассмотрел и отклонил несколько версий относительно «нижегородских адресов» Минина. Он обосновал гипотезу о том, что дом Кузьмы Минина находился на том месте, где сейчас располагается строение № 9а по улице Гребешковский откос.

«Новое об истории Богородского района» на февральских чтениях 2017 г. рассказал А.А. Сорокин, секретарь правления общества «Нижегородский краевед», сотрудник Центра краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Особый интерес представлял рассказ о богородчанах – участниках Первой мировой войны.

Археологическая тема нечасто бывает заявлена в программе чтений. В этом сезоне она была представлена в докладе студентки четвертого курса ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского Ксении Берсеневой *«Волосовская культура на территории Навашинского района»* (31 мая 2017 г.). Ее работа заняла второе место на конкурсе молодых историков-краеведов памяти Н.М. Добротвора. Доклад сопровождался презентацией.

В этот день на чтениях была представлена еще одна работа, отмеченная на конкурсе молодых историков-краеведов – доклад аспирантки ИМОМИ ННГУ Ольги Девятьяровой (Аксяновой) *«Нижегородский ярмарочный врачебно-полицейский комитет (1855–1917 гг.)»*. Под контролем данного учреждения находились содержание ярмароч-

ных отхожих мест, легализованное занятие проституцией, торговля кожей и продовольственными товарами, водоснабжение. Во многих отношениях Нижегородский ярмарочный врачебно-полицейский комитет заложил основы санитарно-эпидемиологического надзора в Нижнем Новгороде, которые актуальны и в настоящее время.

2016 г. был Годом кино. Истории кинематографа посвятили доклады М.М. Хорев («*Первые дореволюционные электротeatры в Нижнем Новгороде*», 30 ноября 2016 г.) и заместитель директора Центральной городской библиотеки им. В.И. Ленина Т.В. Кучерова («*Нижегородский кинематограф: год, век, эпоха. По материалам партнерского выставочного проекта ЦГБ и Архива г. Нижнего Новгорода*», 28 декабря 2016 г.). Т.В. Кучерова рассказала о просветительном кинематографе. Инициаторами его организации в Нижнем Новгороде были Нижегородский Аракчеевский кадетский корпус и Нижегородское коммерческое училище. Первые киносеансы состоялись в декабре 1912 г. в здании Нижегородского коммерческого училища на Благовещенской площади (ныне – пл. Минина). Киносеанс длился около часа, посетителями была учащаяся молодежь. Постепенно сложилась целая коллекция просветительных фильмов по географии, анатомии, гигиене и естествознанию. Нередко киносеансы сопровождались лекциями. Сохранились «Отчеты просветительского кинематографа» за 1912 и 1914 гг.

Тема визуального искусства была продолжена М.М. Хоревым в докладе «*Пионер нижегородской фотолетописи Николай Андреевич Козин (1817–1897)*» (31 мая 2017 г.). Для обучения фотографии дворовый крепостной князя Грузинского был отправлен в Петербург. К своему ремеслу Козин отнесся с увлечением и достиг успехов. М.М. Хорев процитировал опубликованную в «*Нижегородских губернских ведомостях*» статью Н. Овсянникова, в которой говорилось о козинских снимках Нижегородской ярмарки и Макарьевского монастыря. К сожалению, почти все работы Н.А. Козина утрачены, и лишь несколько снимков хранятся в Лысковском музее.

Одной из наиболее актуальных тем на чтениях является архитектура Нижнего Новгорода. Последнее время пристальное внимание уделяется советскому периоду. В докладе «*Стиль Победы в архитектуре г. Горького. 1940–1950 годы*» (28 сентября 2016 г.) профессор ННГАСУ О.В. Орельская рассказала об особенностях архитектуры послевоенного десятилетия.

Главной исторической дате года был посвящен доклад доктора исторических наук, профессора Мининского университета В.П. Сапона

«Становление и развитие новых органов власти в Нижнем Новгороде после Февральской революции 1917 года» (29 марта 2017 г.).

Часть докладов была связана с персональными юбилейными датами. К 155-летию Надежды Петровны Ламановой был подготовлен доклад Т.Л. Грачевой (30 ноября 2016 г.). Знаменитый модельер, одевавшая августейших особ и представителей российской художественной элиты, является нашей землячкой: она родилась в с. Шутилово (ныне Первомайского района), училась в Мариинской гимназии в Нижнем Новгороде. Могила Ламановой в Москве находится в запустении, нет мемориальной доски на доме на Тверском бульваре, где была ее мастерская. А вот в Первомайском районе Н.П. Ламановой гордятся. У поворота на село Шутилово планируется установить памятный знак.

В 2017 г. исполняется 115 лет Николаю Ивановичу Кочину. Редактор электронного периодического издания «Открытый текст» И.В. Нестеров сделал краткое сообщение о творческой истории романа «Нижегородский откос» и представил неизвестный документальный источник – телеграмму Кочина, адресованную прототипу главной героини романа (22 февраля 2017 г.).

26 апреля 2017 г. прошли юбилейные 450-е краеведческие чтения. Этому событию были посвящены доклады: «*Краеведческие чтения в жизни НГОУНБ*» заместителя директора по научной работе НГОУНБ О.А. Кузнецовой, «*Краеведческие чтения и общество “Нижегородский краевед”*» Ф.А. Селезнева, «*Вспомним поименно: создатели и организаторы краеведческих чтений*» почетного члена общества «Нижегородский краевед» Л.И. Шиян. Заместитель председателя правления общества «Нижегородский краевед» И.Г. Горностаева сообщила о подведении итогов конкурса «Лучший доклад на краеведческих чтениях 2016 г.». По итогам опросов наибольшее число голосов получили доклады Л.Ю. Ганюшкиной об истории создания Чкаловской лестницы (27 января 2016 г.), Т.Л. Грачевой о модельере Н.П. Ламановой (30 ноября 2016 г.) и Ф.А. Селезнева. «Где в Нижнем Новгороде жил Кузьма Минин?».

Насыщенная, разноплановая программа краеведческих чтений второй половины 2016 – первой половины 2017 г. способствовала высокому уровню посещаемости и активности аудитории при обсуждении докладов. Помимо докладов, заявленных в повестках дня, состоялось много экспресс-сообщений о книжных новинках и событиях краеведческой жизни города и области. О возросшем интересе к краеведению свидетельствуют также результаты состоявшихся в рассматриваемый период интернет-опросов и конкурсов.

Новые книги по истории Нижегородского края (2016)

И.Г. Горностаева

1. **Автозаводский** альбом: история в фотографиях: 85-летию Автозаводского района посвящается / [А.А. Гордин]. – Нижний Новгород: Кварц, 2016. – 192 с.

2. **Альпидовский, А.Д.** Волжские рассказы: [воспоминания] / Андрей Альпидовский, Дмитрий Альпидовский. – Нижний Новгород: Вертикаль. XXI век, 2016. – 158 с.

3. **АО ЦНИИ «Буревестник».** История и современность / Центр. науч.-исслед. ин-т «Буревестник». – Нижний Новгород: [Поволжье], 2016. – 111 с.

4. **Асташин, А.Е.** Изучаем озера Воротынского района Нижегородской области: учебное пособие / А.Е. Асташин, Н.И. Асташина. – Нижний Новгород: Поволжье, 2016. – 132 с. – (Библиотечка краеведа).

5. **Белоногова, В.Ю.** Забытая мелодия: жизнь и труды Александра Улыбышева / В.Ю. Белоногова. – Нижний Новгород: Кварц, 2016. – 207 с.

6. **Болдинские** чтения – 2016: [сборник материалов международной конференции] / ред. кол.: И.С. Юхнова (отв. ред.) и др. – Большое Болдино [Нижегор. обл.]: Арзамасский фил. ННГУ, 2016. – 299 с.

7. **Борис** Нелюбин: архитектор, художник, поэт, человек / [сост.: Квач Н.В., Квач С.И., Нелюбина Ю.Б.]. – Нижний Новгород: Квач С.И., 2016. – 222 с.

8. **Буланова, Т.В.** Из небытия. О войнах-земляках, солдатах Первой мировой войны / Т.В. Буланова. – Нижний Новгород: БИКАР, 2016. – 132 с.

9. **Булдырева, Л.В.** Геркены в Нижнем Новгороде / Л.В. Булдырева, А.А. Малинин. – Нижний Новгород: Дятловы горы, 2016. – 179 с.

10. **Виноградова, Т.П.** Глазами очевидца. Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 года / Т.П. Виноградова. – Нижний Новгород: Кварц, 2016. – 184 с.

11. **Возвращенные** имена. У войны нет неизвестных героев / [авт.-сост. Вячеслав Федоров]. – Нижний Новгород: Кириллица, 2016. – 600 с.

12. **Вопросы** архивоведения и источниковедения в высшей школе. Вып. 12: Сборник материалов XIII Региональной научно-практической конференции (3 декабря 2015 г.) / Нац. исслед. Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский фил. [и др.]. – Арзамас : Арзамасский фил. ННГУ, 2016. – 282 с.

13. **Всероссийская** промышленная и художественная выставка, 120 лет: 1896–2016, Нижний Новгород / фото А.С. Шустова, М. . Дмитрие-

ва. – Нижний Новгород: Нижегородская ярмарка, 2016. – 42 с.: [12] л. илл.: фот. – По материалам кн. «Коллекция видов и описание Нижнего Новгорода, ярмарки и выставки в 1896 году». Изд. А.С. Шустова, 1897 г.

14. **Вяхирев, В.В.** Вяхиревы. Родовое древо за три века, 1686–2016 / В.В. Вяхирев. – Нижний Новгород: Кварц, 2016. – 231 с.

15. **Геннадий Янаев:** загадка эпохи / [авт.-сост. В.В. Рыньков]. – Нижний Новгород: Литера, 2016. – 207 с.

16. **Георгиевский, В. Т.** Флорищева пустынь: историко-археологическое описание с рисунками / В.Т. Георгиевский. – [Репр. изд.]. – [Нижний Новгород]: [Свято-Успенский мужской монастырь], [2016]. – 303 с.

17. **М. Горький:** уроки истории: Горьковские чтения – 2014, 29–30 марта: материалы XXXVI Международной научной конференции / ред. кол.: Л.А. Спиридонова и др.; отв. ред.: М.Г. Уртминцева. – Нижний Новгород: Бегемот НН, 2016. – 383 с.

18. **Давыдов, А.И.** Исследования по истории архитектуры и нижегородскому краеведению: [сборник статей] / А.И. Давыдов. – Нижний Новгород: НИЭЛ, 2016. – 223 с.

19. **Дома** рассказывают... = What Houses say...: страницы жизни Максима Горького в живописи Татьяны Радимовой: [книга-альбом] / [авт.-сост.: Л.Ю. Моторина и А.М. Лебедева]. – Нижний Новгород: Кварц, 2016. – 63 с.

20. **Дружаева, И.В.** Змеиный царь. Сказы лесного Заволжья / И.В. Дружаева. – Нижний Новгород: БИКАР, 2016. – 192 с.

21. **Дружкова, Т.А.** Иорданские: родных корней таинственная вязь... / Т.А. Дружкова. – Нижний Новгород: [Тип. «Растр»], 2016. – 215 с.

22. **Есть** на Сейме-реке городок небольшой / [отв. ред.: Н.Ю. Ладыгина]. – Володарск: Володарская центральная библиотека, 2016. – 199 с.

23. **Ефимкин, А.П.** Полтора века нижегородской потребительской кооперации, 1868–2018: исторические очерки. Т. 1: «... Частица великой кооперативной армии», 1868–1916 / А. П. Ефимкин; ред. кол.: Н.И. Пырков (пред.), Г.Ф. Отмахов, Ю.Р. Тихонов. – Нижний Новгород: Кварц, 2016. – 327 с.

24. **Жизнь** и быт нижегородцев. [Конец XIX – начало XX веков] = Nizhny Novgorod in the Late XIX-Early XX Centuries: Life and Daily Routine: [альбом] / [авт.-сост. Я.И. Гройсман и др.]. – Нижний Новгород: Деком, 2016. – 215 с.

25. **Земляки:** нижегородский альманах. Вып. 20 / сост.: А.И. Иудин, О.А. Рябов. – Нижний Новгород: Книги, 2016. – 447 с.

26. **Извеков, Б.С.** Атомная бомба по ленд-лизу: (советско-американский атомный проект) / Борис Извеков. – Нижний Новгород: Растр-НН, 2016. – 456 с. – (Альтернативная история мира).

27. **Известный** неизвестный Галай: [сборник воспоминаний] / [сост.: Н.Н. Галай; рук. проекта: архим. Тихон (Затекин)]. – Нижний Новгород: Издательский отдел Нижегородской епархии, 2016. – 351 с.

28. **История** Арзамаса: учебное пособие / [А.Л. Егошин и др.]. – Арзамас: Арзамасский фил. ННГУ, 2016. – 399 с.
29. **История** ЦКБ по судам на подводных крыльях им Р.Е. Алексеева. Т. 1: Ростислав Евгеньевич Алексеев в истории создания ЦКБ по судам на подводных крыльях / [ред. группа: В.Н. Кирилловых, Т.Р. Алексеева, Ю.П. Чернигин; под общ. ред. С.В. Платонова, Г.В. Анцева]. – Нижний Новгород: Кварц, 2016. – 331 с.
30. **К вопросу** о запасе прочности, и не только...: страницы истории НИИК / [авт.-сост.: В.Т. Вашенко, В.А. Лупша, Ю.И. Щербак]. – Саров [Нижегор. обл.]: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2016. – 384 с.
31. **Календарь** памятных дат Нижегородской области на 2017 год / Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека им. В. И. Ленина (НГОУНБ); сост.: И.Г. Горностаева и др.. – Нижний Новгород: НГОУНБ, 2016. – 252 с.
32. **Карповские** чтения: сб. ст. Вып. 6 / [отв. ред. Ю.А. Курдин]. – Арзамас: Арзамасский фил. ННГУ, 2016. – 339 с.
33. **Комарович, В.Л.** Китежская легенда: опыт изучения местных легенд / В.Л. Комарович; [редкол.: А.Д. Бубнов (отв. ред.), А.Г. Кривошейна, Е.В. Четвертаков]. – [Репр. изд.]. – Нижний Новгород: НИЭЛ, 2016. – XIII, [5], 184 с.
34. **Кондратьев, Б.С.** В поисках воспоминаний / Б.С. Кондратьев. – Арзамас: Арзамасский фил. ННГУ, 2016. – 231 с.
35. **Королев, Б.И.** Распространение конституционных идей в Нижегородской губернии в период первой русской революции (1905–1907 гг.): монография / Б.И. Королев. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2016. – 141 с.
36. **Косарев, В.А.** Страсти жолнинской стороны: [сборник очерков и рассказов] / В.А. Косарев. – Нижний Новгород: Дятловы горы, 2016. – 382 с. : илл., портр.
37. **Кузнецов, С.А.** Курмышский летописец: от основания до 1920-х годов / С.А. Кузнецов. – Нижний Новгород: Кварц, 2016. – 399 с.
38. **Культурный** слой: сборник науч. статей. Вып. 4 / редкол.: Е.А. Молев (отв. ред.) и др. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2016. – 164 с.
39. **Лысковский** район: иллюстрированный каталог памятников истории и культуры / отв. ред. А.Л. Гельфонд. – Нижний Новгород: Кварц, 2016. – 519 с.
40. **Любов, М.С.** Нижегородское краеведение: учебное пособие / М.С. Любов, Е.Ю. Любова. – Арзамас: Арзамасский фил. ННГУ, 2016. – 109 с.
41. **Людмила** Ивановна Шиян: библиографический указатель / Нижегор. гос. обл. универс. науч. б-ка им. В.И. Ленина; [сост.: И.Г. Горностаева]. – Нижний Новгород: НГОУНБ, 2016. – 30 с. – (Нижегородские краеведы).

42. **Минутин, С.А.** Город Заволжье: от истоков до современности / С.А. Минутин. – [2-е изд.]. – Нижний Новгород: Растр, 2016. – 263 с.
43. **Морозов, И.В.** Русский хоккей в Дзержинске: хронология событий / Игорь Морозов, Сергей Дуничкин, Валерий Пликин. – Нижний Новгород: [б. и.], 2016. – 304 с.
44. **Морохин, Н.В.** По реке Ветлуге: природа, история, люди / Н.В. Морохин. – Нижний Новгород: [Тип. «Растр»], 2016. – 391 с.
45. **Народ** и власть: взаимодействие в истории и современности. Вып. 3 / ред. кол.: И.В. Михеева (отв. ред.) и др. – Нижний Новгород: НИУ ВШЭ, 2016. – 379 с.
46. **Нижегородская** государственная консерватория имени М.И. Глинки, 70 [лет]: 1946–2016 / [авт.-сост.: Т.Б. Сиднева, Т.Б. Суханова]. – Нижний Новгород: ННГК им. М.И. Глинки, 2016. – 25 с.
47. **Нижегородский** краевед: сборник научных статей. Вып. 2 / О-во «Нижегор. краевед», Центр краевед. исслед. ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского; [ред. кол.: Ф.А. Селезнев (отв. ред.) и др.]. – Нижний Новгород: Центр краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2016. – 262 с.
48. **Никонов, В.А.** Молотов: наше дело правое: [биографическое исследование: в 2 кн.] / Вячеслав Никонов. – Москва : Молодая гвардия, 2016.
49. **Образ** России в русской религиозной мысли: XXV Рождественские православно-философские чтения / науч. ред.: Л.Е. Шапошников. – Нижний Новгород: НГПУ, 2016. – 445 с.
50. **Ономастика** Поволжья: материалы XV Международной научной конференции / под ред. Л.А. Климовой, В.И. Супруна. – Арзамас; Саров [Нижегор. обл.]: Интерконтакт, 2016. – 529 с.
51. **Опыт** подготовки управленческих кадров в Нижегородской (Горьковской) области / авт.-сост.: А.А. Халин, Е.И. Кильсеев, И.Р. Муштафин. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2016. – 106 с.
52. **Орельская, О.В.** Набережные Нижнего Новгорода. Правобережье: нижние набережные / О.В. Орельская, С.В. Петряев. – Нижний Новгород: Бегемот НН, 2016. – 223 с. – (Исторические улицы Нижнего; вып. 3).
53. **Орельская, О.В.** Набережные Нижнего Новгорода. Правобережье: верхние набережные / О.В. Орельская, С.В. Петряев. – Нижний Новгород: Бегемот НН, 2016. – 247 с. – (Исторические улицы Нижнего; вып. 4).
54. **Первый** в стране радиофизический институт: от создания до наших дней / под ред. С.Д. Снегирева, В.М. Фридмана, О.А. Шейнер. – Нижний Новгород: НИРФИ, 2016. – 299 с.
55. **Полвека** в ногу со временем, 1966–2016 / ред. кол.: Н.А. Борисов и др.; сост.: С.В. Бажан и др. – Нижний Новгород: РЕКО, 2016. – 483 с.

56. **Политические репрессии** в Нижегородской области. 1917–1953 / Беляков А. и др.; сост. и отв. ред. С.А. Смирнов. – Нижний Новгород: [тип. «Поволжье»], 2016. – 293 с.
57. **Приокская** глубинка: краеведческий альманах [№ 1 (16)]. – Выкса: Print House, 2016. – 79 с.
58. **Провинциальная** Россия: научно-популярный общероссийский историко-энциклопедический журнал / издатель С.В. Петряев. – Нижний Новгород, 2016. – № 1 (2). – 104 с.
59. **Пространство** под названием «Музей»: сборник статей. Вып. 3: К 120-летию НГИАМЗ / редкол.: Л.Н. Варэс (отв. ред.) и др. – Нижний Новгород: НГИАМЗ, 2016. – 416 с.
60. **Пусть** поколения знают: памятники воинской славы Кстовского района: фотоальбом / сост.: В.Г. Закревская и др. – Кстово [Нижегор. обл.]: [б. и.], 2016. – 163 с.
61. **Пути** и судьбы нижегородских электротранспортников: [120 лет нижегородскому трамваю, 70 лет нижегородскому троллейбусу: рассказы о судьбах ветеранов и нынешних работников электротранспорта] / [сост.: В.М. Купряхина, В.В. Крадинова, Т.Д. Юрина]. – Нижний Новгород: Кварц, 2016. – 167 с.
62. **Родники** памяти: очерки об истории села Бармино и Троицкой церкви (XVI – начало XXI веков) / авт.-сост. В.П. Юрлов, С.С. Толокина, М.С. Калачева. – Нижний Новгород: [б. и.], 2016. – 138 с.
63. **Ростовский, М.И.** История храмов Кстовского района / М.И. Ростовский. – Кстово [Нижегор. обл.]: [б. и.], 2016. – 124 с.
64. **Русполимет, 150:** эволюция: от горного завода к высокой металлургии: [Кулебакский металлургический завод], 1866–2016. – [Б. м.]: [б. и.], 2016. – 148 с.
65. **Рябов, А.Н.** Александр Невский: памятники и монументы / А.Н. Рябов. – [Городец]; [Нижний Новгород]: Городецкий Губернский колледж, 2016. – 55 с.
66. **Святыни** земли Нижегородской. Память храня: материалы IV региональной научно-практической конференции / редкол.: Б.М. Пудалов (пред.) и др.; сост.: У.Н. Белова, Е.Д. Стариченкова, Д.А. Строителев. – Нижний Новгород: Центральный архив Нижегородской области, 2016. – 223 с.
67. **Сормовский** завод – мастерская и арсенал России (1849–1945 гг.): исследования, воспоминания, документы / [авт.-сост.: Е.И. Подрепный, Е.П. Титков]. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2016. – 548 с.
68. **Тарасов, М.Д.** История семьи из закрытого города / М.Д. Тарасов. – Саров [Нижегор. обл.]: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2016. – 104 с.
69. **Терешкин, И.С.** Повесть о саровских лесах / И.С. Терешкин. – Саров: ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ», 2016. – 312 с.

70. **Уроки** прошлого, вызовы XXI века и творчество Н.А. Добролюбова. Тема войны в исторической, художественной и философской памяти: сборник докладов Междунар. науч. конф. / ред.-сост.: Г.А. Дмитриевская. – Нижний Новгород: Гладкова О.В., 2016. – 308 с.
71. **Федоров, В.В.** Знай наших!: [исторические очерки] / В.В. Федоров. – Нижний Новгород: Бегемот, 2016. – 319 с.
72. **Федотов, Н.Б.** Павлово. Из прошлого в будущее, 1566–2016 гг. / Н.Б. Федотов. – Нижний Новгород: Кварц, 2016. – 208 с.
73. **Чижов, М.П.** Нижегородские сюжеты / М.П. Чижов. – Нижний Новгород: БИКАР, 2016. – 286 с.
74. **XVI Всероссийская** промышленная и художественная выставка 1896 года в Нижнем Новгороде: [альбом] / [авт.-сост.: Я. Гройсман, М. Храповицкий, С. Пожарская]. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2016. – 167 с.
75. **Шумилкин, С.М.** Окружной суд – памятник архитектуры конца XIX в. История, реставрация: учебное пособие / С.М. Шумилкин, М.С. Шумилкин. – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2016. – 103 с.
76. **В.Г. Шухов:** нижегородские проекты. Территория уникальных объектов = Nizhny Novgorod: unique projects by Vladimir Shukhov: книга-альбом / [С.В. Зеленова и др.]. – Нижний Новгород: Литера, 2016. – 223 с.
77. **Энциклопедия** медицины Нижегородской области, 2016. – Нижний Новгород: [Тип. «РИДО»], 2016. – 96 с.
78. **Энциклопедия** образования Нижегородской области, 2016. – Нижний Новгород: [Тип. «РИДО»], 2016. – 143 с.

Т.П. Виноградова – лучший краевед 2016 года

Общество «Нижегородский краевед» объявило лучшим краеведом 2016 года *Татьяну Павловну Виноградову*. Т.П. Виноградова – победитель конкурса «Лучшая книга по истории и культуре Нижегородского края» 2016 г. в номинации «Лучшее популярное издание» как автор книги «Глазами очевидца. Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 года».

Татьяна Павловна – профессор кафедр ЮНЕСКО и теории сооружений и технической механики Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета. Область ее научных интересов обширна: механика твердого деформируемого тела, сохранение культурного наследия, история российской интеллигенции, изучение и

сохранение творческого наследия инженера В.Г. Шухова в Нижегородской области.

Т.П. Виноградова является автором около двухсот публикаций. Среди них наибольшую известность получили монография «Нижегородская интеллигенция. Вокруг Н.А. Добролюбова» (Нижний Новгород, 1992) и книга-альбом «Царственно поставленный город. Нижний Новгород в старой открытке» (Владимир, 2000). Также она является соавтором и научным редактором книг «В.Г. Шухов: нижегородские проекты. Территория уникальных объектов» (Нижний Новгород, 2016), «Рекорды и достижения Нижнего Новгорода» (Нижний Новгород, 2005), «785 вопросов по Нижнему Новгороду» (Нижний Новгород, 2006) и других изданий.

Т.П. Виноградова – автор цикла телевизионных передач «Нижегородская открытка» (ГТРК «Нижний Новгород») и телевизионных фильмов, среди которых особое место занимают фильм «Великий инженер», посвященный В.Г. Шухову и фильм «Я стою на мосту» о судьбе классика отечественной драматургии А.В. Сухово-Кобылина.

За активную деятельность по популяризации нижегородской истории Т.П. Виноградова удостоена высоких наград, среди которых:

- первая премия Всероссийского конкурса Союза архитекторов России за телевизионный фильм «Памятник архитектору» (посвящение главному архитектору Нижнего Новгорода А.Е.Харитонову);

- диплом Всероссийского конкурса Союза архитекторов России за телевизионный фильм «Великая Всероссийская» (о Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде);

- Премия Нижнего Новгорода (шесть раз);

- медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Итоги конкурса «Лучшая книга по истории и культуре Нижегородского края» за 2016 год

Третий праздник краеведческой книги состоялся в «Доме книги» 7 июня 2017 г. В рамках этого мероприятия состоялось подведение итогов и награждение победителей конкурса «Лучшая книга по истории и культуре Нижегородского края». Организаторами праздника выступили Центр краеведческих исследований ННГУ им. Н.И. Лобачев-

ского и общество «Нижегородский краевед». Учредителями номинаций стали Общественная палата Нижегородской области, Торгово-промышленная палата Нижегородской области, Нижегородская гильдия экскурсоводов. Конкурс проходил при поддержке Министерства информационных технологий, связи и средств массовой информации Нижегородской области. Партнерами мероприятия выступили «Дом книги» (Нижний Новгород, ул. Советская, д. 14) и Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека им. В.И. Ленина (Нижний Новгород, ул. Варварская, д. 3).

На празднике 8 победителей конкурса были награждены дипломами Общественной палаты Нижегородской области, благодарственными письмами Торгово-промышленной палаты Нижегородской области и Нижегородской гильдии экскурсоводов. 17 лауреатов получили дипломы общества «Нижегородский краевед». Среди лауреатов и победителей – члены общества «Нижегородский краевед», сотрудники нижегородских вузов, районных музеев и библиотек.

В рамках праздника также состоялось вручение грамоты о присвоении звания «Краевед года» профессору кафедры ЮНЕСКО ННГАСУ *Т.П. Виноградовой* – победителю конкурса в номинации «Лучшее популярное издание» и лауреату премии Нижнего Новгорода за книгу «Глазами очевидца. Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 года».

Победители и лауреаты

Лучшее научное издание

П о б е д и т е л ь

Белоногова В.Ю. Забытая мелодия: жизнь и труды Александра Улыбышева. Нижний Новгород: Кварц, 2016. 207 с.

Л а у р е а т ы

Давыдов А.И. Исследования по истории архитектуры и нижегородскому краеведению: [сборник статей]. Нижний Новгород: НИЭЛ, 2016. 223 с.

Ефимкин А.П. Полтора века нижегородской потребительской кооперации, 1868–2018: исторические очерки. Т. 1: «... Частица великой кооперативной армии», 1868–1916. – Нижний Новгород: Кварц, 2016. – 327 с.

Политические репрессии в Нижегородской области, 1917–1953 / *Беляков А.* [и др.]; сост. и отв. ред. *С.А. Смирнов.* – Нижний Новгород: [тип. «Поволжье»], 2016. – 293 с.

Опыт подготовки управленческих кадров в Нижегородской (Горьковской) области / авт.-сост.: *А.А. Халин, Е.И. Кильсеев, И.Р. Мустафин.* – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2016. – 106 с.

Королев Б.И. Распространение конституционных идей в Нижегородской губернии в период первой русской революции (1905–1907 гг.): монография. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2016. – 141 с.

Шумилкин С.М. Окружной суд – памятник архитектуры конца XIX в. История, реставрация: учебное пособие / *С.М. Шумилкин, М.С. Шумилкин.* – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2016. – 103 с.

Лучшее популярное издание

Победитель

Виноградова Т.П. Глазами очевидца. Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 года. – Нижний Новгород: Кварц, 2016. – 184 с.

Лауреаты

Федоров В.В. Знай наших!: [исторические очерки]. – Нижний Новгород: Бегемот, 2016. – 319 с.

XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 года в Нижнем Новгороде: [альбом] / [авт.-сост.: *Я. Гройсман, М. Храповицкий, С. Пожарская.*]. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2016. – 167 с.

В.Г. Шухов: нижегородские проекты. Территория уникальных объектов = Nizhny Novgorod: unique projects by Vladimir Shukhov: книга-альбом / [*С.В. Зеленова* и др.]. – Нижний Новгород: Литера, 2016. – 223 с.

Вяхирев В.В. Вяхиревы. Родовое древо за три века, 1686–2016. – Нижний Новгород: Кварц, 2016. – 232 с.

Лучшее издание по истории малых городов и сел

Победитель

Федотов Н.Б. Павлово. Из прошлого в будущее, 1566–2016 гг. – Нижний Новгород: Кварц, 2016. – 208 с.

Лауреаты

Кузнецов С.А. Курмышский летописец: от основания до 1920-х годов. – Нижний Новгород: Кварц, 2016. – 399 с.

Лысковский район: иллюстрированный каталог памятников истории и культуры / отв. ред. *А.Л. Гельфонд*. – Нижний Новгород: Кварц, 2016. – 519 с.

Есть на Сейме-реке городок небольшой / [отв. ред.: *Н.Ю. Ладыгина*]. Володарск: Володарская центральная библиотека, 2016. 199 с.

История Арзамаса: учебное пособие / [*А.Л. Егозиш* и др.]. – Арзамас: Арзамасский фил. ННГУ, 2016. – 399 с.

Минутин С.А. Город Заволжье: от истоков до современности [2-е изд.]. – Нижний Новгород: Растр, 2016. – 263 с.

Ростовский М.И. История храмов Кстовского района. – Кстово [Нижегор. обл.]: [б. и.], 2016. – 124 с.

Родники памяти: очерки об истории села Бармино и Троицкой церкви (XVI – начало XXI веков) / авт.-сост.: *В.П. Юрлов, С.С. Толокина, М.С. Калачева*. – Нижний Новгород: [б. и.], 2016. – 138 с.

*Лучшее продолжающееся издание
и сборник материалов научной конференции*

Нижегородская старина. Краеведческо-историческое издание / ред. архим. *Тихон (Затёкин)*. – Нижний Новгород, 2016. Вып. 47–48, 49–50.

*Лучшее издание по истории предприятий и организаций
Нижегородского края
(специальный приз Торгово-Промышленной палаты
Нижегородской области)*

Сормовский завод – мастерская и арсенал России (1849–1945 гг.): исследования, воспоминания, документы / [авт.-сост.: *Е.И. Подрепный, Е.П. Титков*]. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2016. – 548 с.

*Лучшая книга для экскурсоводов и туристов
(специальный приз Нижегородской гильдии экскурсоводов)*

Морохин Н.В. По реке Ветлуге: природа, история, люди. – Нижний Новгород: [Тип. «Растр»], 2016. – 388 с.

Лучшее краеведческое издание для детей и юношества

Азбука маленького нижегородца: Путеводитель по городу Нижнему Новгороду / авт.-сост.: *И.В. Малинина, О.Ю. Серова, Ю.А. Янжав*

цева, А.Р. Халецкая. – Нижний Новгород: изд-во ООО «Юнион Принт», 2015. – 64 с.: ил.

Лучшая публикация воспоминаний и дневников

Дневник Венедикта Осиповича Фролова. – Нижний Новгород: Поволжье, 2015. – 84 с.

Памяти С.П. Чуянова

9 августа 2017 г. скончался нижегородский журналист, телеведущий, писатель *Сергей Петрович Чуянов*. Он родился 31 июля 1945 г. в г. Бор Горьковской области. В 1967 г. окончил Горьковский государственный университет имени Н.И. Лобачевского и получил специальность филолога. Большую часть своей жизни он посвятил тележурналистике, был шеф-редактором художественного вещания телерадиокомпании ННТВ (Нижний Новгород).

Краеведческой общественности С.П. Чуянов известен, прежде всего, как автор книг о мастерах народных художественных промыслов. Сергей Петрович являлся членом ученых советов Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, Нижегородского государственного художественного музея и Литературно-мемориального музея А.М. Горького, членом редколлегии журнала «Нижегородский музей» и книжной серии «Народные художественные промыслы Нижегородской области».

Творческая и профессиональная деятельность С.П. Чуянова по праву получила самые высокие оценки. Будучи членом Союза журналистов РФ, Союза писателей РФ, Союза художников РФ и Союза театральных деятелей РФ, Сергей Петрович был удостоен звания «Заслуженный работник культуры РФ», Пушкинской, Горьковской и Чкаловской премий, премий Нижнего Новгорода (дважды) и имени Собольщикова-Самарина.

С.П. Чуянов: материалы к библиографии

КНИГИ

1. *Чуянов, С.П.* Alma mater нижегородского балета / С.П. Чуянов. – Нижний Новгород: Агентство «Светлояр», 1992. – 36 с.: ил.

2. *Чуянов, С.П.* А Россия не простила / Сергей Чуянов. – Нижний Новгород: Музей ННГУ: Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2012. – 99 с. – (Библиотека журнала «Нижегородский музей»).
3. *Чуянов, С.П.* Ангел над Городцом: [кн. о творчестве замечательного рус. художника Евгения Анатольевича Расторгуева] / С.П. Чуянов. – Нижний Новгород: Родное пепелище, 2012. – 359 с.
4. *Чуянов, С.П.* Город мастеров / Сергей Чуянов. – Нижний Новгород: БИКАР, 2015. – 177 с.
5. *Чуянов, С.П.* Городецкая роспись / С.П. Чуянов. – Нижний Новгород: [Литера], 2009. – 232 с.: [24] л. ил. – (Библиотека им. И.П. Склярова «Народные художественные промыслы Нижегородской области»; [кн. 5]).
6. *Чуянов, С.П.* Городецкие праздники: [альбом] / С.П. Чуянов. – Нижний Новгород: Арника, 1995. – 160 с.
7. *Чуянов, С.П.* Городецкие рассветы: художник Евгений Расторгуев / авт. С.П. Чуянов. – Городец: Кириллица, 2012. – 68 с.
Дом на Волге: мемориальный дом-музей В.П. Чкалова: [буклет] / подгот. текста С.П. Чуянов. – Чкаловск: [Бегемот], 2004. – 1 л. слож. втрое.
8. *Чуянов, С.П.* Дерево красоты / С.П. Чуянов. – Нижний Новгород: Наследие, 2002. – 127 с.
9. *Чуянов, С. П.* Майя Плисецкая. Полюс магии / С. П. Чуянов. – Нижний Новгород: БИКАР, 2014. – 373 с.
10. *Чуянов, С.П.* На Болдинском на плоту: об истории, традициях, окрестностях и старинных песнях Большого Болдина / С.П. Чуянов. – Нижний Новгород: [Бегемот], 2005. – 160 с.
11. *Чуянов, С.П.* Наедине с душой: док. повествование о жизни и творчестве композитора Владислава Золотарева / С.П. Чуянов. – с. Николо-Погост: Родное пепелище, 2010. – 162 с.
12. *Чуянов, С.П.* Ограбление в Неаполе, или Выжатый лимон: [сб. рассказов] / С.П. Чуянов. – Нижний Новгород: Книги, 2004. – 211 с.: портр. – (Библиотечка Дятловых гор).
13. *Чуянов, С.П.* Парад премьер: Нижегородский академический театр оперы и балета имени А.С. Пушкина / С.П. Чуянов. – Нижний Новгород: Кириллица, 2012. – 315 с.
14. *Чуянов, С.П.* «Русский век»: формула успеха: [к 15-летию со дня создания галереи «Русский век»] / С.П. Чуянов. – Нижний Новгород: [Бегемот], 2006. – 206 с.: цв. ил.
15. *Чуянов, С.П.* Сотворение театра: Нижегородский академический театр оперы и балета имени А.С. Пушкина на рубеже столетий / С.П. Чуянов. – Нижний Новгород: [Бегемот], 2007. – 398 с.: [24] л. цв. ил.

16. *Чуянов, С.П.* Театральная люстра: [статья] / С.П. Чуянов. – Нижний Новгород: [Тип. ННГУ], 2005. – 172 с.

17. *Чуянов, С.П.* Теплое дерево: [об Андрее Яковлевиче Колове, городецком мастере худож. резьбы по дереву] / С.П. Чуянов. – Городец: [б. и.], 2009. – 31 с.: ил. – (Жизнь замечательных городчан).

18. *Приданов, Ю.И.* Юрий Приданов. О, Русская земля: [альбом] / худож. Ю.И. Приданов; сост. М.Ю. Приданов; подгот. текста С.П. Чуянов. – Нижний Новгород: [Бегемот], 2011. – 127 с.

Публикации в сборниках

19. *Чуянов, С.П.* «Людям интересна история» / С. Чуянов // Известный неизвестный Галай: [сборник воспоминаний]. – Нижний Новгород, 2016. – С. 130–133.

20. *Чуянов, С.П.* «Ожившие» персонажи «Портрета Шаляпина»: [очерк] / С.П. Чуянов // Человек-легенда. Федор Шаляпин в стихах, прозе и кино современников: трилогия. – Нижний Новгород, 2015. – С. 206–216.

21. О Марине Федоровне Шаляпиной (1912–2009) – Фредди, дочери Федора Ивановича Шаляпина.

22. *Чуянов, С.П.* «Умирающий лебедь»: глава из книги «Мая Плисецкая. Полос магии» / С.П. Чуянов // Нижегородцы: альманах. – Нижний Новгород, 2014. – [Вып. 13]. – С. 199–211.

23. *Чуянов, С.П.* В Риме у дочери Шаляпина / Сергей Чуянов // Земляки: нижегородский альманах. – Нижний Новгород, 2013. – Вып. 15. – С. 342–350.

24. *Чуянов, С.П.* «Российской памяти созвездье...» / С.П. Чуянов // Воспоминания о Юрии Адрианове: [сборник] / сост. Н.А. Адрианова. – Нижний Новгород, 2012. – С. 171–176.

25. *Чуянов, С.П.* Городецкие мотивы в творчестве художника Расторгуева / С.П. Чуянов // Городецкие чтения. – Городец, 2012. – Вып. 7. – С. 168–175.

26. *Чуянов, С.П.* Осень митрополита / С.П. Чуянов // Как мы открывали город: эпоха 90-х глазами нижегородцев: [сб. воспоминаний]. – Нижний Новгород, 2009. – С. 435–441.

27. Воспоминания тележурналиста о митрополите Нижегородском и Арзамасском Николае (Кутепове Николае Васильевиче; 1924–2001).

28. *Чуянов, С.П.* Михаил Званцев: 1902–1977 / С.П. Чуянов // Нижегородский край. Именитые земляки и гости: [кн.-альбом]. – Нижний Новгород, 2005. – С. 178–179.

29. Чуянов, С.П. Красота духовная. Возрождение иконописания в Городце / С.П. Чуянов // Городецкие чтения. – Городец, 2003. – Вып. 4. – С. 173–178.

30. Чуянов, С.П. Театр культурной революции: вчера, сегодня, завтра / С.П. Чуянов // Записки краеведов [1988]: очерки, статьи, воспоминания, документы, хроника: [альманах, вып. 8]. – Горький, 1988. – С. 36–41.

31. Чуянов, С.П. Евгения Федоровна Волкова: портретная галерея нижегородцев-горьковчан / С.П. Чуянов // Записки краеведов [1985]: очерки, статьи, воспоминания, документы, хроника: [альманах, вып. 7]. – Горький, 1985. – С. 143–150.

32. Чуянов, С.П. Михаил Иванович Зорин: портретная галерея нижегородцев-горьковчан / С.П. Чуянов // Записки краеведов [1981]: очерки, статьи, документы, хроника: [альманах, вып. 5]. – Горький, 1981. – С. 99–106.

Публикации в периодике

33. Сергей Чуянов: Актеры у нас очень хорошие / С.П. Чуянов; беседовала Е. Минская // Патриоты Нижнего. – 2015. – № 5. – С. 22.

34. Чуянов, С.П. Букет хризантем; Победа Кармен; Гимн женщине; Эпоха Кардена; «Это – мой балет!»; Подношение Айседоре; Последний подарок Бежара: из книги Дивная роза балета. Майя Плисецкая в фокусе времени / С.П. Чуянов // Нижний Новгород. – 2014. – № 2. – С. 232–264.

35. Чуянов, С.П. «Людам интересна история»: к годовщине со дня кончины Ю.Г. Галая. / С.П. Чуянов // Нижегородская старина. – 2013. – Вып. 37–38. – С. 138–139.

36. Чуянов, С.П. «Говорить правду можно всегда»: Нижегородский телеэтр отмечает полвека работы в профессии / С.П. Чуянов; беседовала О. Земская // Нижегородские новости. – 2013. – 20 февр. – С. 23.

37. Чуянов, С. Десять лет и четыре века / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2010. – 13 нояб. – С. 1, 3.

О X культурно-патриотической акции «Алтарь Отечества».

38. Чуянов, С. Театральный маг / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2010. – 30 янв. – С. 6. – (Мастера).

39. О главном художнике Нижегородского академического театра оперы и балета им. А.С. Пушкина Е. Спектрове.

40. Чуянов, С. По дороге назад? / С. Чуянов // Балет. – 2009. – № 6. – С. 40–41.

41. О премьере спектакля «Пер Гюнт» в Нижегородском академическом театре оперы и балета им. А.С. Пушкина.

42. Чуянов, С. Поиск истины / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2009. – 13 окт. – С. 7.

О книге В. Чугунова «Мечтатель».

43. Чуянов, С. «Мы за тебя стеной, Россия...» / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2009. – 21 нояб. – С. 6.

О культурно-патриотической акции «Алтарь Отечества».

44. Чуянов, С. Городецкие фантазии / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2009. – 7 июля. – С. 5.

О выставке произведений художника Е. А. Расторгуева (г. Городец).

45. Чуянов, С. «Городок» как модель Отечества / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2008. – 29 нояб. – С. 7.

46. Чуянов, С. От Кремля до Кремля / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2008. – 25 нояб. – С. 7.

О культурно-патриотической акции «Алтарь Отечества».

47. Чуянов, С. Партия Ивана Сусанина / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2008. – 30 сент. – С. 6.

О гастролях Нижегородского академического театра оперы и балета им. А.С. Пушкина в Костроме.

48. Чуянов, С. Великий нравственный урок / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2008. – 17 июня. – С. 7.

О праздновании 175-летия второй Болдинской осени А. С. Пушкина (1833 г.).

49. Чуянов, С. Спасли и сохранили! / С. Чуянов // Голос ветерана. – 2007. – № 45. – С. 5.

О культурно-патриотической акции «Алтарь Отечества».

50. Чуянов, С. Преображение в замке советского периода / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2007. – 19 июля. – С. 11.

О фестивале пластического искусства среди нижегородских театров пантомимы.

51. Чуянов, С. Тайна заветного камня / С. Чуянов // Голос ветерана. – 2007. – № 5. – С. 12.

О Б. А. Мокроусове, выдающемся композиторе, и истории создания его песен.

52. Чуянов, С.П. Музей в ракурсе телеобъектива / С. П. Чуянов // Нижегородский музей. – 2006. – № 9-10. – С. 118–120.

53. Чуянов, С. Путь к Москве / С. Чуянов // Голос ветерана. – 2006. – № 46. – С. 12.

О культурно-патриотической акции «Алтарь Отечества».

54. Чуянов, С. Сохраним в благодарной памяти / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2005. – 4 июня. – С. 7.

Об открытии музея А. С. Пушкина в Болдине 18 июня 1949 г.

55. Чуянов, С. Песни Болдинской осени / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2005. – 8 февр. – С. 7.
О народном хоре с. Большое Болдино.
56. Чуянов, С. «Звенья» рвут цепи / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2005. – 15 янв. – С. 6.
О премьере спектакля «Звенья» в Нижегородском камерном музыкальном театре им. В. Степанова.
57. Чуянов, С. Дом на Волге / С. Чуянов // Клуб. – 2004. – № 11. – С. 4–6.
О доме-музее летчика В. П. Чкалова в Чкаловске.
58. Чуянов, С. Не все по Пушкину родня / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2004. – 5 июня. – С. 7.
О правнучке А.С. Пушкина Ю.Г. Пушкиной.
59. Чуянов, С. В городе Голикова: 100 лет Аркадию Гайдару / С. Чуянов // Литературная газета. – 2004. – 2004. – № 3-4. – С. 10.
60. Чуянов, С. Ненаписанные мемуары / С. Чуянов // В Большом Городе. – 2004. – № 4. – С. 32-33.
О нижегородском дирижере И.Б. Гусмане.
61. Чуянов, С. Поднебесная открытых дверей / С. Чуянов // Нижегородские новости. – 2004. – 16 янв. – С. 6.
О гастролях нижегородской балетной труппы в Китае.
62. Чуянов, С. «Лебединое озеро» на Земле Дракона / С. Чуянов // В Большом Городе. – 2004. – № 1. – С. 21–24.
63. Чуянов, С. Городецкий соловей / С. Чуянов // Нижегородские новости. – 2003. – 19 июля. – С. 3.
О певце из Городца Е. Андронове.
64. Чуянов, С. Танцы Емельяна Пугачева / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2003. – 26 июня. – С. 6.
О премьере балета «Капитанская дочка» Т. Хренникова в Нижегородском академическом театре оперы и балета им. А.С. Пушкина.
65. Чуянов, С. Балетный век Натальи Золотовой / С. Чуянов // Нижегородский Геликон. – 2003. – № 9, 10.
66. Чуянов, С. От пряника до сельской «Третьяковки»: в Городце прошел первый в Нижегородской области конкурс приоритетных программ в развитии культуры своего района / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2003. – 14 янв. – С. 3.
67. Чуянов, С. Прощание с принцем / С. Чуянов // Нижегородские новости. – 2003. – 11 янв. – С. 3.
О творческом вечере заслуженного артиста России С. Цветкова.
68. Чуянов, С.П. Хранители ключей от будущего / С. П. Чуянов // Нижегородский музей. – 2003. – № 1. – С. 31–33.

69. *Чуянов, С.* Вернуть Горького! / С. Чуянов; записала В. Романова // Город и горожане. – 2003. – № 2. – С. 9.

Беседа с тележурналистом, организатором телемарафона, посвященного М. Горькому.

70. *Чуянов, С.П.* Горького любили Чехов, Цвейг, автозавод и железная дорога / С. Чуянов; беседу с организаторами телемарафона, посвященного А.М. Горькому, записала Н. Звягинцева // Нижегородские новости. – 2003. – 28 марта. – (Соседи. – № 8. – С. 7).

71. *Чуянов, С.П.* Пусть он возвращается: 24 марта в местном эфире стартует телемарафон, посвященный 135-летию А. М. Горького / С.П. Чуянов; беседу вела И. Мухина // Нижегородская правда. – 2003. – 20 марта. – С. 5.

72. *Чуянов, С.* Крылатая душа Александры Соколовой / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2002. – 11 дек. – С. 7.

О выставке гл. художника АО «Городецкая роспись» А. Соколовой.

73. *Чуянов, С.* Взгляд печали и надежды / С. Чуянов // Нижегородские новости. – 2002. – 26 окт. – С. 3.

О солистке Нижегородского академического театра оперы и балета им. А.С. Пушкина А. Снегиной.

74. *Чуянов, С.* Город с особым характером / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2002. – 14 сент. – С. 5.

К 850-летию со времени основания Городца.

75. *Чуянов, С.* Нижегородские лебеди на итальянских сценах / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2002. – 20 авг. – С. 4.

О гастролях балетной группы Нижегородского академического театра оперы и балета им. А.С. Пушкина в Италии.

76. *Чуянов, С.* Дамы приглашают кавалеров / С. Чуянов // Балет. – 2002. – № 4–5. – С. 16.

О Нижегородском государственном академическом театре оперы и балета им. А.С. Пушкина.

77. *Чуянов, С.* Возвращение Максима Горького / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2002. – 21 мая. – С. 4.

О начале работы над грандиозным телемарафоном «Максим Горький» в Нижегородской государственной областной телестудии (ННТВ).

78. *Чуянов, С.* Возвращение Максима Горького / С. Чуянов // Автозаводец. – 2002. – 28 мая. – С. 3.

79. *Чуянов, С.* Красота духовная / С. Чуянов // Нижегородские новости. – 2002. – 21 мая. – С. 3.

О мастерской иконописи АО «Городецкая роспись».

80. *Чуянов, С.* Солнечные краски / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2002. – 23 апр. – С. 6.

- О художнице АО «Городецкая роспись» В. Деревянко.
81. Чуянов, С. Бутримович из рода Бутримовичей / С. Чуянов // Балет. – 2002. – № 2. – С. 34-35.
- О бенефисе артиста балета в театре и его успехах.
82. Чуянов, С. Торжество муз или трава забвения / С. Чуянов // Нижегородские новости. – 2002. – 7 февр. – С. 3.
- Об арзамасской художественной школе А. В. Ступина.
83. Чуянов, С. Гибрид матрешки с компьютером / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2002. – 12 янв. – С. 1, 5.
- О проблемах развития народных художественных промыслов.
84. Чуянов, С. Век Степана Веселова: в этом году исполнилось 100 лет со дня рождения классика хохломской росписи, заслуженного художника России С.П. Веселова / С. Чуянов // Нижегородские новости. – 2001. – 18 дек. – С. 3.
85. Чуянов, С. Восхождение в три тура / С. Чуянов // Нижегородские новости. – 2001. – 2 окт. – С. 3.
- О выпускнике хореографического отделения Нижегородского театрального училища А. Бутримовиче.
86. Чуянов, С. Куда вести английскую королеву? / С. Чуянов // Нижегородские новости. – 2001. – 28 авг. – С. 3.
- О необходимости сохранения культурного наследия Нижнего Новгорода.
87. Чуянов, С. Пушкинская улица / С. Чуянов // Нижегородская правда. – 2000. – 3 июня. – С. 6.
88. Чуянов, С. Сергей Чуянов бродит по Парижу, как по Канавину / интервью С. Васильевой // Телемир. – 2000. – № 9. – С. 4–5.
89. Чуянов, С. Как на Болдинском плоту / С. Чуянов // Нижегородские новости. – 2000. – 10 февр. – С. 4.
- О хоре с. Большое Болдино.
90. Чуянов, С. Вечер большой оперы / С. Чуянов // Нижегородские новости. – 2000. – 2 февр. – С. 4.

Литература о С.П. Чуянове

1. Сергей Петрович Чуянов // Человек-легенда. Федор Шаляпин в стихах, прозе и кино современников: трилогия. – Нижний Новгород, 2015. – С. 204–205.
2. Карпенко, В.Ф. Сергей Чуянов / В. Ф. Карпенко // Нижегородцы: альманах. – Нижний Новгород, 2014. – [Вып. 13]. – С. 198.
3. Петров, В. Новые версты Сергея Чуянова: заметки о книгах «А Россия не простила», «Городецкие рассветы» / В. Петров // Нижний Новгород. – 2014. – № 1. – С. 302–307.

4. *Мухина, И.* На смерть Дантеса / И. Мухина // Нижегородская правда. – 2013. – 17 янв. – С. 22.
О новой книге С. П. Чуянова «А Россия не простила».
5. Чуянов Сергей Петрович // Краткий биобиблиографический справочник: [краткие биограф. и библиограф. справки о писателях, находящихся на учете в Нижегород. обл. организации Союза писателей России]. – Нижний Новгород, 2009. – С. 161.
6. *Федоров, В.* Краски Городца / В. Федоров // Земля нижегородская. – 2009. – № 47. – С. 11.
О книге С. Чуянова «Городецкая роспись».
7. *Федотова, М.* Тайны нашего кремля помнит русская земля / М. Федотова // Нижегородские новости. – 2008. – 21 февр. – С. 5.
О цикле теленовелл известного нижегородского тележурналиста С. Чуянова «Кремлевские были».
8. Чуянов Сергей Петрович // Нижегородские литераторы: словарь-справочник. – Нижний Новгород, 2007. – С. 58.
9. Сергей Чуянов // Сто лиц столицы Приволжья в объективе фоторепортера Николая Нестеренко: [альбом]. – Нижний Новгород, 2007. – С. 99.
10. *Федотова, М.* С любовью к театру. Сергей Чуянов представил бесценный архив / С. Чуянов // Нижегородские новости. – 2007. – 6 дек. – С. 6.
О презентации книги С. Чуянова «Сотворение театра».
11. *Мухина, И.* Когда «журналист» звучит гордо / И. Мухина // Нижегородская правда. – 2005. – 28 июля. – С. 18.
12. *Трефилов, Г.* Сергей и юбилей хорошо рифмуются / Г. Трефилов // Голос ветерана. – 2005. – № 36. – С. 15.
13. *Исаева, С.* Юбилей в Чуяновском дворике / С. Исаева // Биржа плюс карьера. – 2005. – № 31. – С. 4.
14. *Мухина, И.* В жизни всегда есть место улыбке / И. Мухина // Нижегородская правда. – 2004. – 14 окт. – С. 8.
О книге С.П. Чуянова «Ограбление в Неаполе, или Выжатый лимон».
15. *Трефилов, Г.* Байкер без мотоцикла / Г. Трефилов // Голос ветерана. – 2004. – № 42. – С. 16.
О книге С.П. Чуянова «Ограбление в Неаполе, или Выжатый лимон».
16. *Мухина, И.* Вместе вырастили «Древо красоты» / И. Мухина // Нижегородская правда. – 2002. – 14 сент. – С. 6.
О книге С. Чуянова «Древо красоты».
17. *Адрианов, Ю.* Славен город Городец / Ю. Адрианов // Нижегородская правда. – 2002. – 2 июля.

18. *Мухина, И.* Его богатство / И. Мухина // Нижегородская правда. – 2000. – 21 дек. – С. 4.

Составитель И.Г. Горностаева

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксянова Ольга Владиславовна, аспирантка Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Андрюхин Вадим Игоревич, заместитель главного редактора газеты «Новое дело»

Беляков Александр Валентинович, к. ю. н., член-корреспондент общества «Нижегородский краевед»

Берсенева Ксения Алексеевна, бакалавр истории (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Боченков Виктор Вячеславович, к. ф. н., заведующий архивом Митрополии Московской Русской Православной Старообрядческой Церкви

Горностаева Ирина Геннадьевна, заведующая отделом краеведческой литературы Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина, действительный член общества «Нижегородский краевед»

Гусев Михаил Юрьевич, главный архивист Архива г. Нижнего Новгорода

Карташова Мария Вячеславовна, к. и. н., директор Балахнинского музейного историко-художественного комплекса

Краснов Виталий Викторович, главный научный сотрудник ООО «Асгард»

Кудрина Людмила Евгеньевна, главный библиограф информационно-библиографического отдела НГОУНБ им. В.И. Ленина, действительный член общества «Нижегородский краевед», секретарь краеведческих чтений

Кучерова Татьяна Вадимовна, заместитель директора по основной деятельности Центральной городской библиотеки им. В.И. Ленина

Ледров Сергей Михайлович, к. и. н., доцент, редактор Нижегородского института развития образования

Любавин Александр Владимирович, краевед (г. Богородск)

Митрофанов Виктор Владимирович, д. и. н., профессор филиала Южно-Уральского государственного университета (Научно-исследовательский университет) в г. Нижневартовске

Моисеенко Марина Валерьевна, старший преподаватель Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Никонов Вячеслав Алексеевич, д. и. н., декан факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова

Пакшина Наталья Алексеевна, к. т. н., доцент Арзамасского политехнического института (филиала) Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева

Петряев Сергей Владимирович, заместитель директора по научной работе НИП «Этнос», главный редактор журнала «Провинциальная Россия», действительный член общества «Нижегородский краевед»

Сапон Владимир Петрович, д. и. н., профессор Мининского университета (Нижний Новгород)

Селезнев Федор Александрович, д. и. н., профессор, заведующий Центром краеведческих исследований Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, председатель общества «Нижегородский краевед»

Сенюткина Ольга Николаевна, д. и. н., профессор Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

Сорокин Александр Анатольевич, сотрудник Центра краеведческих исследований Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, секретарь правления общества «Нижегородский краевед»

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
К СТОЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА	
<i>Никонов В.А.</i> Молотов в Нижнем Новгороде.....	5
<i>Селезнев Ф.А.</i> А.И. Микоян и М.А. Тер-Егиазарян во главе Нижегородской губернии (1920–1923 гг.)	32
<i>Сенюткина О.Н.</i> Богатые жители Нижнего Новгорода – объект внимания молодой советской власти (весна 1918 г.)	50
<i>Андрюхин В.И.</i> Дело поручика Громова	58
<i>Беляков А.В.</i> Нижегородская милиция в первые годы советской власти (1918–1928)	68
ИЗ ИСТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ	
<i>Ледров С.М.</i> Крестомаровская пустынь в начале XVIII века	77
<i>Любавин А.В., Петряев С.В.</i> К истории развития кожевенного промысла в селе Богородском в XVIII веке	83
<i>Карташова М.В.</i> Мелкое производство по обработке глины в Балахне в XIX веке	97
<i>Сорокин А.А.</i> Нижегородцы и вопрос о реформе крестьянского суда в начале XX века	105
<i>Моисеенко М.В.</i> Нижегородские страховые доски.....	110
<i>Гусев М.Ю., Кучерова Т.В.</i> Страницы истории кинопроката В Нижнем Новгороде (Горьком) в 1896–1963 годах	116
ПЕРСОНАЛИИ	
<i>Боченков В.В.</i> «В нем нет ни малейшей доли заносчивости и самомнения...»: к истории взаимоотношений П.И. Мельникова и Н.И. Субботина	127
<i>Краснов В.В.</i> Крепостной архитектор князя Грузинского Николай Бумажников	138
<i>Пакишина Н.А.</i> О семье и родословной Ивана Николаевича Сушова	123
ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ	
<i>Аксянова О.В.</i> Создание Нижегородского секретного комитета по делам раскольников (1850)	154
<i>Митрофанов В.В.</i> А.Я. Садовский о своей жизни в селе Шёлокша Нижегородского уезда	157
<i>Сапон В.П.</i> «Стойкость, преданность дорогой родине и молодой свободе всех солдат полков дивизии не имеет границ»: нижегородские воинские подразделения в период летнего наступления 1917 года	184

Селезнев Ф.А. Борьба вокруг переименования улиц Нижнего Новгорода в 1923 году: записка А.Я. Садовского и другие документы**189**

РАБОТА ЛАУРЕАТА IV КОНКУРСА МОЛОДЫХ ИСТОРИКОВ-КРАЕВЕДОВ ПАМЯТИ Н.М. ДОБРОТВОРА

Берсенева К.А. Памятники волосовской культуры в Навашинском районе Нижегородской области**197**

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А.В. СЕДОВА

Седов А.В. Волшебный «приказ»**202**

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Селезнева Л.П., Мишина Л.Ю. «Человек на своем месте...»: к юбилею Л.Е. Кудриной**216**

ИЗ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА «НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЕВЕД»

Отчет правления общества «Нижегородский краевед» о деятельности в 2016 году**221**

Кудрина Л.Е. Обзор докладов краеведческих чтений второй половины 2016 – первой половины 2017 года**228**

Горностаева И.Г. Новые книги по истории Нижегородского края (2016) ...**234**

Т.П. Виноградова – краевед 2016 года**239**

Итоги конкурса «Лучшая книга по истории и культуре Нижегородского края» за 2016 год**240**

Памяти С.П. Чуянова**244**

Горностаева И.Г. С.П. Чуянов: материалы к библиографии**244**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**254**

Научное издание

**НИЖЕГОРОДСКИЙ
КРАЕВЕД**

Сборник научных статей

В ы п у с к **3**

Составитель и научный редактор *Ф.А. Селезнев*

Верстка *С.М. Ледрова*

Оригинал-макет подписан в печать 15.10.2017. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,9. Тираж 200 экз. Заказ 907.

Отпечатано в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского
603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37

